

Воззвѣн

Словес.

2

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ ДО ПОДЧИНЕНІЯ ЕЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ.

ГЛАВА I.

Много было споровъ о происхожденіи слова *Русь*; долго толковали о томъ, гдѣ искать загадочный народъ, таинственную страну, на берегахъ какого моря, Балтійскаго или Чернаго? И вопросъ до-сихъ-поръ еще остался нерѣшеннымъ. Дознано одно, что встарину, въ началѣ нашей исторіи, Русью назывался собственно одинъ Кіевъ съ своимъ округомъ, и что это имя распространилось иногда на другія южныя волости Рюриковичей, въ противоположность сѣвернымъ, которыя никогда Русью не назывались внутри страны, а принимали это имя только по отношенію къ странамъ и народамъ чуждымъ. Въ этой-то собственной Руси, около Кіева, въ области днѣпровской зачалась и развилась древняя русская жизнь во всей широтѣ, при всей неопредѣленности отношеній, характеризующей обыкновенно общество юное, только-что начавшее жить самостоятельною жизнью. Въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, князья съ своими дружинами переходили изъ одного города въ другой; подлѣ, въ степяхъ кочевали азіатскіе хищники, грабившіе Русь; на границахъ степей жили равноименные народцы, составлявшіе переходъ отъ Степняковъ или Половцевъ (что, вѣроятно, значить одно и то же, ибо *поле* въ древнемъ языкѣ значить

стать) къ освалому народонаселенію; то были: Черные-Клобуки, Торки, Беренды, Турны, Коди, Бродники, образовавшіеся, какъ кажется, изъ разноплеменной смѣси. Не могли, по слабости своей, быть самостоятельными между Половцами и Русью, все эти народцы примкнули къ послѣдней, стали служить князьямъ ея и въ войнахъ съ Половцами и въ расприхъ междоусобныхъ, выбирая вмѣстѣ съ гражданами князей, которые были любы или которые были сильны. Таковы были составныя части народонаселенія въ древней Руси; но все это было, выражаясь словами поэта, только несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ (1): князья съ дружинами жили сами-по-себѣ, города сами-по-себѣ, пограничные народцы сами-по-себѣ. Князья были большею частію необыкновенно-храбры, умѣли и у себя дома, и въ чужихъ странахъ честь свою взять; дружины уподоблялись своимъ вождямъ; но что значила вся эта храбрость при такомъ безнрядьи? Легко было перессорить князей-родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей съ интересами гражданъ и пограничныхъ народцевъ: вотъ почему древняя собственная Русь, не смотря на вѣншій блескъ своего быта, не могла устоять и противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго, и противъ натиска кочевой азіатской орды. Войска Боголюбскаго страшно опустошили Кіевъ, который принялъ князя отъ руки завоевателя; при братѣ Боголюбскаго, кіевскіе князья признавались, что не могутъ обойтись безъ могущественнаго сѣвернаго собственника, и когда явились Монголы въ первый разъ, то Русь хотя выслала противъ нихъ сонмъ своихъ князей-героевъ, но эти князья завели котору и погубили рать; когда же явились Монголы во второй разъ, то враждебные князья умѣли соединиться только въ общемъ бѣгствѣ въ чужія страны, а граждане старыхъ городовъ не могли и представить себѣ возможности соединенія, и по одиначкѣ полегли въ развалинахъ. Такова была судьба собственной Руси! Не смотря на то, что татарское иго не могло истребить формъ общественной жизни, она, послѣ Татаръ, уже не въ силахъ была воскреснуть для самостоятельнаго бытія, для котораго у ней не было основъ: изъ разрозненныхъ городовъ и войска, разобщеннаго въ своихъ интересахъ съ гражданами, не могло образоваться государство: не было сосредоточія, не было ничего связующаго; князья были такъ слабы, что не могли думать объ усиленіи себя на счетъ другихъ, о доставленіи странъ единства чрезъ единовластіе; да и кромѣ слабости у нихъ не было никакой основы, никакого права, никакой возможности приступить къ перевороту. Изъ древней жизни своей собственная Русь не вынесла ничего, къ чему бы можно было привязать новое начало и развивать его на твердой основѣ. Вотъ почему южно-русскіе князья, въ своей слабости и разрозненности, должны были преклониться предъ сильнѣйшимъ сосѣднимъ владѣльцемъ, подчиниться ему. Малороссія должна была примкнуть къ другому государству: это государство было основано князьями литовскими. Мы не можемъ вдаваться здѣсь подро-

(1) Discordia semina rerum, Ovid.

но въ вопросъ о происхожденіи литовскаго народа. Шафарикъ (2) полагаетъ, что народы литовскій и славянскій въ предъисторическое время были двумя отраслями одного племени, но въ историческую эпоху, въ-слѣдствіе звѣншихъ обстоятельствъ, такъ между собою раздѣлились, что теперь мы должны принимать ихъ за два племени различныя, хотя между всеми индо-европейскими племенами самыя родственныя. Мы готовы принять это мнѣніе, только совершенно наоборотъ, а именно, намъ кажется, что въ предъисторическое время народы славянскій и литовскій принадлежали двумъ различнымъ племенамъ, но въ историческую эпоху такъ между собою сблизились, что изъ всѣхъ индо-европейскихъ племенъ являются самыми родственными. Мы основываемъ свое мнѣніе на томъ, что о предъисторическомъ времени ничего неизвѣстно, а въ историческую эпоху видимъ не разрозненность двухъ народовъ, а, напротивъ, тѣсное сближеніе. Но какъ бы то ни было, оставимъ отношенія Литвы къ Славянамъ и займемся отношеніями ея къ Руси. Враждебныя столкновенія между ними начинаются еще при первыхъ князьяхъ нашихъ. Ярославъ I-й велъ съ нею войны; подлѣ 1132 годомъ лѣтопись упоминаетъ о походѣ Мстислава Владиміровича на Литву (3), потому-что, послѣ изгнанія князей полоцкихъ, онъ сталъ непосредственнымъ владѣльцемъ ихъ княжества, сосѣдняго съ этимъ народомъ. То, чѣмъ Половцы были для юго-восточныхъ нашихъ княжествъ, Литовцы были для княжества полоцкаго: пользуясь междуособіями, безнаказанно опустошали его области, и между-тѣмъ, подобно Половцамъ, служили въ войскахъ русскихъ князей. Авторъ «Слова о Полку Игореву» укоряетъ полоцкихъ князей за то, что они междуособіями накликали на свою землю Литовцевъ, которые точно такъ же опустошили ее, какъ Половцы опустошали области юго-восточныя (4). Не выгодны были для русскихъ князей походы на этотъ дикій и бѣдный народъ, въ глубь лѣсовъ его: дань побѣдителю состояла въ звѣриныхъ шкурахъ, даже въ вѣникахъ и лыкахъ (5). Въ 1183 году, Псковитяне испытали литовское нашествіе; извѣстно, какъ знаменитый Романъ Мстиславичъ мстилъ Литовцамъ за ихъ опустошенія; но варвары скоро забыли романовъ плугъ и по-прежнему свирѣпствовали въ областяхъ полоцкихъ, новгородскихъ, галицкихъ и волынскихъ. Послѣ монгольскаго нашествія, набѣги Литовцевъ становятся все чаще и чаще, не смотря на то, что на сѣверѣ Александръ-Невскій, а на югѣ Даниилъ Романовичъ Галицкій нанесли имъ нѣсколько страшныхъ пораженій. До-сихъ-поръ, Литовцы жили разсыянно въ лѣсахъ своихъ, повинувая многочисленнымъ князьямъ; Александръ-Невскій билъ и бралъ въ плѣнъ этихъ князей цѣлыми толпами. Такое множество владѣльцевъ, такое, слѣдовательно, разединеніе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными толпами и опустошать сосѣднія страны, препятствовало

(2) Staroz., стр. 361.

(3) Ипатьев., стр. 12.

(4) Издан. Дубен., стр. 184.

(5) Стрыйков., кн. VIII, гл. 6. Dlugosz, l. VI, p. 599.

однако единству, постоянству въ движеніяхъ, не могло сообщить этимъ движеніямъ наступательнаго, завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было единовластіе; нѣкоторые князья начинаютъ стремиться къ нему; изъ нихъ замѣчательнѣйшимъ является Миндовгъ.

Миндовгъ обладалъ именно тѣмъ характеромъ, который необходимъ для успѣшнаго дѣйствованія въ обществѣ варварскомъ—былъ жестокъ, хитръ и не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣяніе не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Миндовгъ началъ покушеніемъ на жизнь племянниковъ; послѣдніе ушли къ галицкимъ князьямъ нашимъ, Даниилу и Васильку. Даниилъ притялъ литовскихъ князей подъ свое покровительство и послалъ въ Польшу съ слѣдующими словами: «время есть хрестіаномъ на поганые, яко сами имѣють рать межи собою (6)». Поляки обѣщали и не дали помощи; Даниилъ пошелъ одинъ на Миндовга; съ другой стороны, поднимались на него ливонскіе Нѣмцы, ибо одинъ изъ бѣжавшихъ племянниковъ его, Тевтивиль, ушелъ въ Ригу и принялъ тамъ хрестіанство. Тогда Миндовгъ, видя бѣду, вошелъ въ тайныя сношенія съ Андреемъ фон-Штукландомъ, магистромъ ливонскаго ордена, послалъ къ нему богатые дары съ просьбою убить или изгнать Тевтивила; Штукландъ, прельщенный дарами, вошелъ въ интересы Миндовга и предложилъ ему принять хрестіанство, какъ самое лучшее средство удержаться единовластителемъ въ Литвѣ. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ: за роскошнымъ обѣдомъ было улажено все дѣло (7). Миндовгъ, принявшій, какъ говорятъ, незадолго предъ тѣмъ православіе, оставилъ его и подчинился римской церкви (8); папа былъ въ восхищеніи: онъ принялъ литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство св. Петра (9), писалъ къ литовскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго (10), поручилъ епископу кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ (11), писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа, (12), а между тѣмъ, новый хрестіанинъ Миндовгъ въ лѣсахъ своихъ приносилъ жертвы прежнимъ богамъ, строго соблюдая всѣ старинныя суевѣрія (13), и неослабно стремился къ единовластію, побивая или выгоняя братьевъ и племянниковъ (14). Но всѣ эти насилія не остались безнаказанными: въ 1262 году, Миндовгъ женился на свояченицѣ, отнявъ ее у живаго мужа; послѣдній, не стерпѣвъ оскорбленія, убилъ преступника, вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Изгнанные Миндов-

(6) Ипатъев., стр. 187.

(7) Ипатъев. 188; Руссова Лифлянд. Хроника, въ переводѣ Пабста, стр. 30.

(8) Густин., стр. 341, подъ годомъ 1246: «Въ сіе лѣто великій князь литовскій, Миндовгъ пріять вѣру хрестіанскую отъ востока, со многими своими бояры.»

(9) Histor. Ross. Monim. I, № LXXXII.

(10) Тамъ же, № LXXXIII.

(11) Тамъ же, № LXXXIV.

(12) Тамъ же, № LXXXV.

(13) Ипатъев., стр. 188.

(14) Тамъ же, стр. 201.

гомъ родичи возвратились въ Литву; но отъ убитаго князя оставался въ живыхъ еще третій сынъ, Воишелгъ, котораго характеръ и жизнь замѣчательны для историка, потому что подобныя явленія всего яснѣе обнаруживаютъ состояніе нравовъ въ обществѣ. Жестокъ былъ и Миндовгъ, но безчеловѣчіе Воишелга превосходило всякое вѣроятіе; наивнѣйшій разсказъ лѣтописца наводитъ ужасъ: «Воишелкъ же нача княжити въ Новгородѣ (Новгородѣ Литовскомъ) въ поганьствѣ буда, и нача проливати крови много: убивашеть бо на всякъ день по три по четьри; котораго же дни не убьешеть кого, печаловашеть тогда, коли же убьешеть кого, тогда весель бьшеть (15).» И вдругъ разнеслась вѣсть, что Воишелгъ христіанинъ; мало того, онъ постригается въ монахи, три года живетъ въ одномъ изъ русскихъ монастырей, и, не довольствуясь этимъ, предпринимаетъ путешествіе на Абонскую-Гору. Страшныя смуты, происходившія тогда на Балканскомъ-Полуостровѣ, помѣшали Воишелгу исполнить свой обѣтъ; онъ возвратился въ отечество и основалъ собственный монастырь на Нѣманѣ. Миндовгу сильно не нравилась такая жизнь сына; но Воишелгъ мало обращалъ вниманія на гнѣвъ отцовскій и продолжалъ свои иноческіе подвиги, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть, что Миндовгъ убитъ и враждебныя родные подѣлили между собою Литву. Воишелгъ испугался и ушелъ въ Пинскъ, выжидая времени. Скоро узналъ онъ, что новые литовскіе владѣльцы поспорили за добычу и гибнуть отъ усобицъ и заговоровъ домашнихъ; тогда Воишелгъ явился въ Литвѣ, принялъ достоинство князя, и, какъ-бы желая привести въ забвеніе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать точно такъ же, какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новгородѣ: «Воишелгъ же нача княжити во всей землѣ литовской и нача вороги свои избивати, изби ихъ безчисленное множество, а друзіи разбѣгошася, и нача пристравиватися и поиде въ сѣль тяжьцѣ, и нача города имати; города же поймавъ, а вороги своя избивъ, и тако придоша во свояси (16).»

Кромъ странности въ характеръ, для насъ замѣчательна еще въ исторіи Воишелга связь его съ князьями галицкими: кромъ сего, у Миндовга осталась еще дочь, которая выдана была за Шварна, одного изъ сыновей короля Данила Романовича. По смерти послѣдняго, когда старшимъ въ родѣ сталъ братъ его Василько, Воишелгъ подѣлился съ зятемъ своимъ Шварномъ Литвою и самъ вступилъ въ родъ князей галицкихъ, признавъ старшинство Василька, нарекиши его, по обычному выраженію, отцомъ себѣ и господиномъ (17). Такая тѣсная связь Литвы съ Русью не должна казаться удивительною, если вспомнимъ древнюю до-историческую связь Литвы съ племенемъ кривскимъ — связь, основанную на единствѣ богослуженія; вспомнимъ также, какое ничтожное пространство было занимаемо собственно Литвою, которое распространилось все болѣе и болѣе на-счетъ русскихъ областей; но, какъ обы-

(15) Тамъ же.

(16) Ипатьев., 202.

(17) Тамъ же.

кнovenно. бываетъ, что народъ варварскій, при столкновеніи своемъ съ народомъ, обладающимъ высшею цивилизаціею, подчиняется послѣдней на-счетъ своей собственной народности, такъ точно и Литва, въ областяхъ русскихъ, подчинилась русской цивилизаціи, приняла русскій языкъ, письмена, вѣру; послѣ этого не удивительно, что литовскій князь Войшелгъ, православный монахъ, не усомнился подъявиться Литвою съ зятемъ своимъ, княземъ русскимъ, и Литва не противилась распоряженію своего князя. Съ другой стороны, русское народонаселеніе такъ же легко подчинялось князьямъ литовскимъ: надобно замѣтить, что у предковъ нашихъ мы вовсе не замѣчаемъ слѣдовъ національнаго отвращенія отъ чужихъ народовъ — замѣчаемъ только отвращеніе религіозное: всякій чужеземецъ, если только принималъ православіе, этимъ уже самымъ становился Русскимъ, на чуждое происхожденіе его не обращали никакого вниманія. Изумительное дѣло призванія чуженародныхъ князей, которымъ начинается русская исторія, становится болѣе неизумительнымъ именно потому, что часто повторяется въ-послѣдствіи: Новгородцы и Псковитяне такъ же охотно принимаютъ иноплеменныхъ литовскихъ князей, какъ предки ихъ приняли Рюрика; старыя русскіе города, въ-слѣдствіе родового быта и непрерывныхъ смѣнъ княжескихъ, были равнодушны къ этимъ смѣнамъ: имъ было все равно, каково ни было происхожденіе князя, лишь бы онъ былъ православный, или, по крайней-мѣрѣ, не трогалъ православія и все оставлялъ по старинѣ: «Ты нашъ князь, коли силенъ будешь» говорили они враждующимъ владѣльцамъ, и когда силенъе всѣхъ явился князя литовскіе, то граждане русскихъ областей легко подчинились имъ: легко подчинились и князья, привыкшіе уже и прежде признавать сильнѣйшаго старшимъ; нѣкоторые бились за свои отчины, но что они могли сдѣлать одинъ? Нѣкоторые же изъ нихъ поступали точно такъ же въ-отношеніи къ литовскимъ князьямъ, какъ Войшелгъ поступалъ въ-отношеніи къ Шварну Даниловичу: принимали ихъ въ свои семейства и передавали имъ свое княжество, будучи увѣрены въ равнодушномъ согласіи гражданъ.

Казалось, Литва тотчасъ же сольется съ Русью подъ одною династіею Рюрика, потому-что Войшелгъ не довольствовался только дѣлемъ своихъ владѣній съ Шварномъ Даниловичемъ, но въ 1268 году заключился снова въ монастырь, отдавъ все свои владѣнія зятю. Тщетно Шварнъ уговаривалъ его покняжить еще вмѣстѣ—Войшелгъ рѣшительно отказался, говоря: «Много согрѣшилъ я передъ Богомъ и передъ людьми; ты княжи, а земля тебѣ безопасна». Шварнъ началъ княжить въ Литвѣ, а Войшелгъ пошелъ въ Угровскій Даниловъ Монастырь; онъ говорилъ: «Вотъ зѣвѣ подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а другой господинъ мой отецъ князь Василько; буду ими утѣшаться» (18). Но онъ не долго утѣшался спокойною жизнью. Шварнъ умеръ безъ потомства; Литовцы снова вызвали Войшелга изъ монастырскаго убжища для управленія дѣлами княжества; это возбудило неслюбе въ братѣ

шварновомъ, Львѣ Даниловичѣ, князѣ галицкомъ, которому хотѣлось быть наследникомъ брату въ Литвѣ, а Воишелгъ не склонялся на его желаніе. Между обоими князьями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь волинскій, старшій въ родѣ Романа-Великаго, почитаемый и отъ Воишелга отцомъ и господиномъ, предложилъ враждующимъ родичамъ съѣздъ для примиренія. Воишелгъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владиміръ-Волинскій; Маркольдъ, родомъ нѣмецъ, старый совѣтникъ короля Данила, позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдая весело, много пили; Василько, напившись, поѣхалъ домой спать, а Воишелгъ поѣхалъ въ Михайловскій-Монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣло не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелгу и сталъ говорить ему: «Кумъ! поьемъ-ка еще!» Тотъ согласился, и началась опять попойка; здѣсь хмѣль вскрылъ сердца пирующихъ, взаимная вражда вышла наружу, отъ брани дошло до драки, и Воишелгъ палъ отъ руки Льва (19). Левъ хотѣлъ-было воспользоваться смертію послѣдняго изъ сыновей Миндовга и пріобрѣсти себѣ Литву; но старанія его остались тщетными: Литовцы выбрали себѣ княземъ Свынторога въ 1268 году.

Не будемъ входить въ подробности литовской исторіи по смерти Воишелга; въ дѣятельности преемниковъ его до Гедимина мы замѣчаемъ преимущественно двѣ стороны: во-первыхъ, безпрерывную борьбу съ нѣмецкимъ орденомъ, которая имѣетъ великое значеніе въ исторіи Восточной-Европы. Извѣстно, какъ въ Сѣверовосточной-Европѣ явился нѣмецкій орденъ крестоносцевъ для покоренія христіанству варварскаго литовскаго народонаселенія въ нынѣшнихъ провинціяхъ обѣихъ Пруссій; извѣстно, какъ распорядились здѣсь крестоносцы, какъ цѣлое туземное народонаселеніе исчезло, было покорено или онемчено, оставивъ по себѣ одно только имя, которымъ украшается одно изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Новой-Европы — имя Пруссіи. Не всѣ, однако, Литовцы-Пруссаки подверглись истребленію: многочисленныя толпы ихъ бѣжали къ своимъ единоплеменникамъ, въ собственную Литву. Этого обстоятельства нельзя оставлять безъ вниманія: безъ всякаго сомнѣнія, прусскіе изгнанники увеличили силы Литовцевъ и дали имъ средства не только съ успѣхомъ противиться наступательнымъ движеніямъ крестоносцевъ, но и начать съ своей стороны наступательное движеніе на юго-востокъ, на области русскія. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за бѣглецами крестоносцы явились въ предѣлахъ собственной Литвы, и отсюда-то начинается страшная борьба, въ которой литовскіе князья берутъ на себя великую роль защитниковъ восточнаго, славяно-литовскаго міра отъ наступательнаго движенія нѣмцевъ. Вторая главная сторона дѣятельности литовскихъ князей отъ Воишелга до Гедимина состояла въ медленномъ, незамѣтномъ, но постоянномъ распространеніи своихъ владѣній на востокъ и югъ, въ областяхъ русскихъ, такъ-что въ началѣ XIV вѣка, при смерти Витесса, къ владѣ-

ніямъ послѣдняго принадлежала вся область Кривичей, начиная отъ Западной-Двины подъ Полоцкомъ, до Новогродка, также княжества Туровское и Минское по Бугъ, потомъ Брестъ, Слонимъ, Волковыскъ до самыхъ предѣловъ Мазовіи; наконецъ, княжества Дойновское и Нальщанское, Жмудъ и часть Восточной-Семигаліи были соединены съ Литвою. Стоить только взглянуть на географическое положеніе этого государства, заключавшаго въ себя пять тысячъ квадратныхъ миль, чтобъ уразумѣть все его значеніе историческое: область Литвы въ началѣ XIV вѣка находилась при соединеніи четырехъ главныхъ рѣчныхъ системъ Восточной-Европы (кромя волжской): днѣпровской, вислинской, нѣманской и западно-двинской: здѣсь, ставъ на этихъ системахъ, Литва сдѣлалась естественною проводницею между Россією и Польшею и соединила обѣ страны неразрывными узами.

Въ 1316 году великимъ княземъ литовскимъ является Гедиминъ. Примѣромъ страшныхъ противорѣчій, которыми исполнены источники литовской и малороссійской исторіи, служатъ извѣстія о происхожденіи Гедимина: одни источники (20) говорятъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ великаго князя Витенеса; въ заговоръ съ молодою женою послѣдняго, убилъ онъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другіе же утверждаютъ (21), что Гедиминъ былъ сыномъ Витенеса и получилъ престолъ литовскій по смерти отца, пораженнаго громомъ. Имѣя другую цѣль въ нашемъ сочиненіи, мы не можемъ входить здѣсь въ разборъ, какое изъ этихъ свидѣтельствъ правдивѣе (22) и, оставя въ сторонѣ происхожденіе Гедимина, обратимся къ его дѣятельности, столь важной въ лѣтописяхъ собственной Руси или Малороссіи. Но прежде, нежели начнемъ рассказъ о подчиненіи этой страны династіи князей литовскихъ, скажемъ нѣсколько словъ о предшествовавшей ей судьбѣ, сколько намъ позволитъ скудость источниковъ.

Послѣ татарскаго погрома, воротились въ русскую землю князья: Данило Романовичъ, Василько, братъ его, Левъ, сынъ Даниловъ, Михаилъ Всеволодичъ Черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ, Ростиславъ Владиміровичъ, и начали — говорить лѣтописецъ (23) — эти князья между собою ссориться и вести войны за пустую землю, и разорили они въ конецъ то, что осталось отъ Татаръ. Въ 1243 году, Ярославъ Всеволодачъ, великій князь Сѣверной-Руси, взялъ въ свое владѣніе такъ же

(20) Annales Olyvienses, Dlugosz, Mischorita Bielski, Kramer.

(21) Рукописная хроника Быховца, Стрыйковскій.

(22) См. Narbutt, Dzieje narodu Litew. t. IV, p. 455 et seq. Какъ ни старается Нарбутъ подтвердить второе мнѣніе, но мы не можемъ отдать ему преимущество, именно потому, что въ письмѣ къ папѣ Іоанну XXII Гедиминъ называетъ князя Витенеса просто своимъ предшественникомъ: predecessor noster Rex Viten; Нарбутъ въ слѣдующей фразѣ: *Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt* — находить подтвержденіе мнѣнію, что Гедиминъ происходитъ отъ Витенеса; но мы понимаемъ здѣсь progenitores nostri такъ, что Гедиминъ, отъ лица всѣхъ Литовцевъ, говоритъ о своихъ отцахъ.

(23) Густин., стр. 340.

и Южную и отправилъ въ опустошенный Кіевъ намѣстникомъ воеводу своего, Димитрія Ейконовича. Неизвѣстно, много ли времени продолжалось владычество сѣверныхъ князей надъ Кіевомъ и кто смѣнилъ ихъ здѣсь; извѣстно только, что въ послѣдній годъ XIII вѣка митрополитъ Максимъ оставилъ Кіевъ для непокоевъ татарскихъ (24). Въ самомъ началѣ княженія Гедимина, мы уже видимъ непріязненныя столкновенія его съ князьями русскими, галицкими и вольнскими, потомками короля Данила. Очень-вѣроятно мнѣніе (25), что эти князья хотѣли, съобща съ нѣмецкимъ орденомъ, положить предѣлъ все болѣе и болѣе увеличивавшемуся могуществу литовскаго владѣльца, и первые начали противъ него наступательное движеніе. Страшныя противорѣчія въ именахъ и хронологіи преслѣдуютъ историка на каждомъ шагѣ; онъ идетъ ошупью и ни за что не ручается предъ читателями. Въ 1320 году, полагается походъ Гедимина на Владиміръ-Вольнскій. Тамъ княжилъ Владиміръ Владиміровичъ, подъ предводительствомъ котораго граждане оказали отчаянное сопротивленіе; наконецъ, князь Владиміръ палъ и столичный городъ его отворилъ ворота Гедимину, въ войскѣ котораго Литва занимала незначительную часть, другую же занимали Русскіе изъ Полоцка, Новогродка, Гродна (26). Такимъ-образомъ по однимъ извѣстіямъ Владимірское-Княжество завоевано Гедиминомъ; но по другимъ (27) Владиміръ, Луцкъ и вся земля вольнская достались Любарту, сыну гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, пріянялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ, взятъ былъ Любартомъ въ приданое за женою; а другія извѣстія говорятъ, что въ Луцкъ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи Владиміра, бросилъ свой столичный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ-Сѣверскій, гдѣ были у него родные. Луцкъ поддался Гедимину; бояре, собранные со всей Вольны, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежнія права, обычаи, веру. На слѣдующій 1321 годъ, Гедиминъ двинулся къ Кіеву: здѣсь княжилъ неизвѣстно откуда взявшійся князь Станиславъ, имя котораго странно звучитъ въ ряду князей русскихъ; на помощь Станиславу явились Олегъ, князь переяславскій, Святославъ и Василій, князья брянскіе и, вмѣстѣ съ ними, бѣжавшій изъ Вольны князь Левъ луцкій. Надъ рѣкою Ирпенемъ сошлись непріатели, и Гедиминъ побѣдилъ; князья Олегъ и Левъ были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Брянскъ съ тамошними князьями; Бѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ, граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вече и положили поддаться литовскому князю, который съ триумфомъ въѣхалъ въ Золотыя-Ворота. Окрестные города русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстниковъ и гарнизоны по городамъ.

(24) Тамъ же, стр. 346.

(25) Narbutt, t. IV, p. 470.

(26) Narbutt, t. IV, p. 486. Густин., стр. 348.

(27) Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

Намѣстникомъ въ Кіевъ былъ назначенъ Миндовгъ, князь гольшанскій; потомъ упоминается какой-то князь Осодоръ, исповѣданія православнаго.

Въ 1339 году умеръ Гедвигъ, оставивъ семерыхъ сыновей—Монвида, князя корачевского и слонимскаго, который вскорѣ послѣдовалъ за отцомъ въ могилу; Наримуна—Гляба, князя туровскаго и пинскаго; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедвигъ оставилъ Олгерда (что значитъ *радость Ольги*): Олгердъ, женившись на единственной дочери князя витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; Кейстута, князя троцкаго; отъ третьей жены Еввы, такъ же княжны русской, оставилъ Любарта—Владимира, князя вольнскаго, и Коріата—Михаила, князя новгородскаго; наконецъ, Евнутія, князя виленскаго. Послѣдній, не смотря на то, что былъ самый младшій, получалъ, однако, столь великокняжескій, вѣроятно по стараніямъ матери его, послѣдней жены Гедвина. Ясно, какъ должны были смотреть на это остальные братья. Двое самыхъ даровитыхъ изъ нихъ соединились для изгнанія похитителя съ похищеннаго стола. Олгердъ и Кестутій жили между собою очень—дружно, говоритъ летописецъ (28), а князь великій Евнутія, державшій старшинство, не полюбился имъ, и сговорились между собою оба брата, Олгердъ и Кестутій, какъ бы Евнутія изъ Вильны выгнать. Сговорившись, положили срокъ, въ который день взять Вильно подъ братомъ Евнутіемъ. Князь Олгердъ къ Вильнѣ изъ Витебска не успѣлъ къ тому сроку, а князь Кестутій напалъ на городъ Вильно и прорвался въ него; великій князь Евнутія спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ тамъ себя ноги и попался въ плѣнъ. Привезли его къ брату Кестутію: тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца къ Олгерду, чтобъ шелъ скорѣе въ Вильну, а Евнутія уже въ ихъ рукахъ. Когда Олгердъ пришелъ, то Кестутій сказалъ ему: «тебѣ подобаетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно». И посадилъ его на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнутію далъ Изяславль. Уговорились оба князя между собою также и на томъ, чтобъ всей братии слушаться великаго князя Олгерда; договорились: что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлать пополамъ, и жить имъ до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другаго. Такъ поклялись оба брата и сдержали клятву.

Въ 1377 году умеръ Олгердъ; постригшись передъ смертью въ монахи, по старому русскому обычаю, причемъ мірское имя Александра перемѣнилъ на имя Алексѣя. Великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайло, въ православіи Якобъ; дядя Кейстутъ, князь троцкій, присягнулъ племяннику. Но Ягайло, подобно дядѣ своему, Евнутію, взялъ старшинство не по праву, мимо старшаго брата, Вингольта—Андрея, рожденнаго отъ первой жены олгердовой; Вингольтъ—Андрей, княжившій въ Трубчевскъ и Полоцкъ, объявилъ—было свои притязанія на великокняженіе, но, не получа ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ усту-

пить Ягайлу, лишился своихъ волостей—Трубчевска и Полоцка, бѣжалъ во Псковъ, а оттуда въ Москву, гдѣ вступилъ въ службу къ великому князю Дмитрію Ивановичу. За этой смутою скоро послѣдовала другая, важнѣйшая. Ягайло не уродился въ отца и дѣда, былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ никакого характера, въ-слѣдствіе чего подвергался вліянію любимцевъ. Самымъ приближеннымъ изъ нихъ былъ какой-то Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ летописецъ (29): «Былъ у великаго князя Олгерда паробокъ, крѣпостной холопъ, звали его Войдыломъ; сначала былъ онъ хлѣбникомъ; здѣсь полюбился онъ великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю спать и пить подавать, а наконецъ, далъ ему держать городъ Лиду». Высокъ былъ Войдылло при Олгердѣ, еще выше сталъ при Ягайлѣ, который до того приблизилъ его къ себѣ, что отдалъ за него родную сестру свою, княжну Марью. Старому князю Кейстуту сильно не полюбилось, что племяннику его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ олгердовой, и Ягайлу, и самой Марьѣ: отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллою; послѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этою цѣлію онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него нѣмецкихъ рыцарей. Кuno Либштейнъ, командоръ остеродскій, кумъ Кейстута, послалъ сказать Кейстуту: «ты ничего не знаешь, какъ великій князь Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ у тебя отнять волости и взять себѣ». Кейстутъ, зная, что сынъ его Витовтъ живетъ въ большой дружбѣ съ Ягайломъ, послалъ сказать ему: «ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ нѣмцами на наше лихо». Витовтъ отвѣчалъ отцу, чтобъ тотъ ничему не вѣрилъ, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ все его тайныя помыслы. Но скоро, однакожъ, правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по изгнаніи Андрея-Вангольта Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута Андрей, прозвѣщемъ Горбатый. Ягайлу, то-есть, Войдыллу, хотѣлось выжить Кейстутевичей изъ всехъ волостей литовско-русскихъ, и потому, уговорившись съ нѣмцами, великій князь хотѣлъ посадить тамъ роднаго брата своего Скиригайла; но Полочане, старые вѣчники, не думали отказываться отъ своей старины и какъ жили съ Рюриковичами, такъ продолжали жить и съ Гедиминовичами, то-есть, держать князя, который имъ любъ. Узнавъ, что великій князь прислалъ имъ Скиригайла на смѣну Андрея, они поклялись держаться Андрея, а Скиригайла, посадивъ на клачу, съ позоромъ выгнали изъ города (30). Великій князь выслалъ противъ Полочанъ сильное войско, съ которымъ соединились и нѣмцы; но Полочане не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, который хотѣлъ съестъ у нихъ насильно, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно оразили весь приступъ (31). Старикъ Кейстутъ, услыхавъ о полоцкихъ проше-

(29) Даниловича, стр. 40.

(30) Naruszewicz, t. VII, x. III, przypis 77.

(31) Narbutt, t. V, 277.

шествіяхъ, опять сталъ жаловаться и плакаться сыну своему Витовту на Ягайла (32): «За Войдылла отдалъ мою племянницу, отъ нѣмцевъ мнѣ пришла вѣсть, что онъ уговорился съ ними на мое лихо, а вотъ теперь, съ кѣмъ мы воюемъ, съ нѣмцами? а онъ съ ними за одно добываетъ Полоцка!» — Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совсѣмъ вѣритъ коварству Ягайла, и выѣхалъ въ Дрогичинъ, откуда вскорѣ отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣвій сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣвъ ею, взялъ въ плѣнъ великаго князя со всѣмъ семействомъ, захватилъ все грамматы, и между прочимъ послѣдній договоръ съ нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный черезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродно въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему граммату: «Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и граммата на-лицо; написали на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за то ни какого зла не сдѣлалъ—не дотронулся ни до имѣнья его, ни до стада, и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малой стражею; отчину его Витебскъ и Крево, и все мѣста, что отецъ его держалъ, то все даю ему, и ни во что его не вступаюсь, и что я теперь сдѣлалъ, того не сдѣлать было мнѣ нельзя: берегъ своей головы.» Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не будетъ стоять противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ чего со всѣми родными и имѣніемъ отправился въ Витебскъ.

Кейстутъ сталъ великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова олгердова и дѣти ея не могли спокойно видѣть, что столь великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады всякой смутѣ въ Литвѣ. Заключенъ былъ договоръ: великій магистръ обязался помогать Ягайлу въ возвращеніи отцовскаго стола съ условіемъ, чтобъ онъ самъ и со всѣми своими подданными принялъ католицизмъ (33). Но пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться, тѣмъ болѣе, что безхарактернаго и лживаго Ягайла трудно было согласить на какое-нибудь отважное предпріятіе. Только крутой поступокъ великаго князя, приказавшаго повѣсить плѣнника своего Войдылла, могъ вывести Ягайла изъ бездѣйствія: онъ позволялъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время; старый Кейстутъ велъ войну съ Диматріемъ Корибутомъ, княземъ съверскимъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстутъ не былъ тогда, и овладѣвъ городомъ. Та же участь постигла и Троки. Кейстутъ набралъ большое войско и, соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложилъ Троки; противъ него сталъ Ягайло съ своими союзни-

(32) Лѣтопись Даниловича, стр. 32.

(33) Narbutt, t. V, 283.

ками нѣмцами. Но потомки Гедимина рѣдко любили сражаться оружіемъ: коварство имъ больше нравилось. Ягайло началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцомъ, для чего просилъ обохъ князей пріѣхать къ нему въ станъ. Князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что особы ихъ будутъ неприкосновенны. Надѣясь на эту клятву, Кейстутъ и Витовтъ явились въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но вмѣсто того были схвачены, и Кейстутъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, которые оковали его и свезли въ Крево, гдѣ заперли въ тюрьму: здѣсь на пятую ночь онъ былъ удушенъ.

По смерти Кейстута, сынъ его, большой Витовтъ, былъ также отвезенъ, вмѣстѣ съ женою Анною, въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. Выздоровѣвшій Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣщала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя приближенными женщнами; наконецъ, въ-слѣдствіе своей просьбы, она получила отъ великаго князя изъ Вильны свободный пропускъ въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла прощаться съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ и слѣдовало ожидать, долѣе обыкновеннаго: въ это время Витовтъ переодѣвался въ платье одной изъ женниныхъ служанокъ, Елены, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ, спущенный со стѣны, нашелъ лошадей, высланныхъ изъ Волковійска, отъ тамошняго тіуна, въ короткое время достигъ Слонима, оттуда до Бреста, и на пятый день былъ уже въ Плоцкъ; Елена, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла больного князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Несчастливая поплатилась жизнію за свое великодушіе.

Витовтъ нашелъ себя убѣжище тамъ, гдѣ находили его всѣ изгнанники изъ Литвы—у нѣмецкаго ордена, который видѣлъ въ нихъ средство мутить опасную державу. Ордену выгодно было видѣть Литву по-дѣленную между Олгердовичами и Кейстутновичами и ослабленную въ-слѣдствіе такого раздѣла; вотъ почему магистръ Целнеръ принялъ къ себѣ Витовта; началась война между великимъ княземъ и нѣмцами, и шла съ переменнымъ счастьемъ; наконецъ Ягайло примирилъ съ двоюроднымъ братомъ и перезвалъ его въ Литву обѣщаніемъ дать волюсть: ему нуженъ былъ миръ съ Кейстутновичемъ; онъ замыслилъ тогда роковой бракъ.

ГЛАВА II.

Мы достигли въ своемъ разсказѣ той великой эпохи въ исторіи Восточной-Европы и славянскихъ народовъ, когда литовско-руссій князь Ягайло произвольнымъ бракомъ своимъ съ наслѣдницею польскаго престола связалъ судьбу Польши съ судьбою Руси, которая, будучи раздѣлена на двѣ половины и сосредоточиваясь около двухъ центровъ, въ самой борьбѣ своей уже показывала необходимое, естественное стремленіе къ соединенію. Польша, тѣсно связавъ себя съ одною изъ поло-

винъ Русі, необходимо должно было раздѣлять ея судьбу; вопросъ былъ въ томъ: которая же изъ двухъ половинъ Руси притянетъ къ себѣ другую, въ которой изъ нихъ будетъ болѣе прочныхъ государственныхъ основъ? Сначала должно было казаться, что побѣда останется на сторонѣ Югозападной-Руси, которой силы были увеличены силами Польши; но вышло наоборотъ: Польша, соединясь съ Югозападною-Русью, своимъ безварадѣемъ ослабила ея силы, и такимъ-образомъ приготовила легкую побѣду Руси Сѣверовосточной. Такъ-какъ судьба Малороссіи, вмѣстѣ съ восточными областями литовской Руси, и даже болѣе чѣмъ другія, тѣсно связалась съ судьбою Польши, то намъ необходимо бросить хотя бѣглый взглядъ на первоначальную исторію послѣдней, до соединенія ея съ Литвою.

Въ то время, когда вся европейскія государства, проходили черезъ форму неограниченной монархіи, которая одна могла дать имъ прочность и могущество, уравнивая и связуя многообразныя части государственнаго тѣла, находившіяся въ хаотическомъ, безсвязномъ сопоставленіи и борьбѣ — въ то время Польша шла путемъ обратнымъ и среди семи новыхъ европейско-христіанскихъ государствъ представила анахронизмъ, явленіе изъ міра древняго, языческаго. Уже Ж. Ж. Руссо замѣтилъ это явленіе, сказавъ, что среди новыхъ европейскихъ государствъ Польша болѣе всѣхъ приближалась къ формамъ древняго языческаго общества Греціи и Рима: эта форма состояла въ неограниченной свободѣ одной части народонаселенія и въ рабствѣ другой. Благопріятствуемая стеченіемъ вѣншихъ обстоятельствъ, Польша съ чрезвычайною быстротою шла къ развитію означенныхъ формъ быта: князь, король, этотъ *мировой судья*, какъ вѣрно называлъ его одинъ изъ современныхъ историковъ, этотъ *нарядникъ*, какъ называлъ его нашъ летописецъ (названія совершенно-равнозначительныя), король подвергался все болѣшимъ и болѣшимъ ограниченіямъ. Если мы внимательнѣе рассмотримъ въ первоначальную исторію Польши, въ преданія и мѣфы, то необходимо должны будемъ согласиться, что народонаселеніе этой страны съ незапамятныхъ поръ состояло изъ двухъ частей — побѣдителей и побѣжденныхъ, изъ которыхъ первые носили имя Леховъ, составлявшихъ воинскую аристократію страны. Борьба между обѣими частями народонаселенія выказывается въ первоначальныхъ преданіяхъ народныхъ, хотя искаженныхъ педантами-историками; она выказывается въ преданіи о владычествѣ Лешковъ, въ сказкѣ о Попелѣ, который презиралъ славянскіе нравы и обычаи, отказалъ въ гостепріимствѣ двоимъ странникамъ, убилъ двадцать родныхъ дядей и былъ съѣденъ въ наказаніе мышами — презрительный намекъ на низкое, земледѣльческое народонаселеніе. Это народонаселеніе, какъ видно, взяло верхъ по смерти Попеля, и князь избранъ изъ ея среды: то былъ миончeskій поселянинъ Пясть. Потомки Паста остались вѣрны своему происхожденію, стараясь поддержать высшій классъ народонаселенія противъ Лехитовъ; но враждебныя обстоятельства, съ самаго начала, шли на перекоръ ихъ стремленіямъ. Главнымъ бѣдствіемъ для Польши было принятіе христіанства отъ западной церкви: католическое духовенство, какъ войско папы, по

характеру своему, не могло быть народнымъ, блюсти интересы народа, изъ которыхъ главнымъ было поддержаніе, усиленіе власти королевской; у католическаго духовенства былъ свой особый интересъ, въ жертву которому оно приносило все остальные; съ другой стороны, Поляки приняли христіанство отъ нѣмцевъ, которые видѣли въ немъ только орудіе для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, для порабощенія ихъ себѣ, для уничтоженія ихъ народности. Мечиславъ, который первый изъ князей польскихъ принялъ христіанство, получилъ отъ нѣмцевъ унизительный титулъ графа и долженъ былъ стать присяжникомъ имперіи: платить дань въ мирное время, помогать войсками въ ратное. Наслѣдникъ Мечислава, Болеславъ I, старался высвободить Польшу изъ-подъ вліянія имперіи и хотѣлъ насильственнымъ соединеніемъ славянскихъ государствъ положить оплотъ наступательнымъ движеніямъ нѣмецкихъ императоровъ; но, действуя въ томъ смыслѣ съ одной стороны, съ другой, въ то же самое время, самъ подкапывалъ собственное зданіе, утверждая въ своихъ владѣніяхъ католицизмъ, который необходимо тянулъ Польшу подъ зависимость Запада и его двухъ владыкъ — папы и императора. Преемники Болеслава вкусили горькіе плоды этой зависимости. Сынъ и наследникъ его, Мечиславъ I, былъ правитель слабый; дѣла шли при немъ худо; но еще хуже пошли они послѣ его смерти, когда, по причинѣ малолѣтства сына его Казимира, въ чело управленія стала мать послѣдняго, Рикса. Нѣмка по происхожденію, Рикса презирала польскіе нравы и обычаи, смѣялась надъ туземцами и отдавала явное предпочтеніе нѣмцамъ. Поляки вышли изъ терпѣнія, и Рикса принуждена была удалиться изъ Польши; за нею послѣдовалъ и сынъ ея. Тогда наступила анархія: старая борьба между побѣдителями и побѣжденными, началомъ чужимъ и народнымъ отпрыгнула: нисшее народонаселеніе возстало противъ высшаго, язычество противъ христіанства, т. е. противъ католицизма, принесеннаго народомъ, чуждымъ и ненавистнымъ издавна, употреблявшаго языкъ непонятный, и потому немогшаго найти сочувствія въ народѣ. Гибнущая аристократія и католическое духовенство призвали Казимира, воспитаннаго на чужбинѣ, который, по возвращеніи своемъ, нашелъ себя страшнаго противника: въ смутное время, въ Мазовіи возвысился вождь Маславъ, который сталъ теперь въ чело демократической партіи, находившейся въ связи съ язычествомъ противъ аристократической и католической партіи Казимира. Въ 1042 году, послѣдній окончательно восторжествовалъ надъ Маславомъ, павшимъ въ битвѣ; пораженіе Маслава было пораженіемъ нисшихъ классовъ народонаселенія. Съ-этихъ-поръ холъ общественнаго развитія принимаетъ для нихъ вредный оборотъ; аристократія, все болѣе и болѣе ограничивая власть королевскую, отнимала у народа его естественнаго защитника. Болеславъ II-й Смѣлый, сдѣлался жертвою магнатовъ и духовенства; онъ принужденъ былъ удалиться въ Венгрію и умеръ въ изгнаніи. Ему наслѣдовалъ братъ его, Владиславъ Германъ, человекъ беззаботный и ограниченный; такой государь былъ по нраву и магнатамъ и духовенству; при немъ епископства и аббатства наполнились чужеземцами. Сынъ Болеслава-Смѣлаго, Мечиславъ, возвра-

тился—было изъ Венгріи въ отечество; но память отца его была страшна для магнатовъ и любезна для народа: молодой Мечиславъ погибъ отъ яда въ 1089 году: земледѣльцы и пастухи, оставя плугъ и стада, съ тоскою стремились ко гробу несчастной жертвы. Слабое правленіе Владислава-Гермава, смуты, произведенныя беззаконными поступками любимца его, палатина Сецеха, потомъ междоусобія между законнымъ сыномъ Владислава, Болеславомъ III Кривоустымъ, и незаконнымъ Збигневомъ, увеличивали все болѣе и болѣе силу магнатовъ на счетъ власти монархической, которой страшный ударъ нанесъ еще Кривоустый раздѣленіемъ государства между четырьмя своими сыновьями въ 1139 году.

У насъ, на Руси, нѣмое дѣленіе областей между потомками Ярослава I, т. е. владѣніе всею землею сообща цѣлымъ родомъ княжескимъ, положило неодолимую преграду усилению власти дружины, не дало ея членамъ возможности принять аристократическій характеръ, потому что, при отсутствіи завоеванія, при неопредѣленныхъ отношеніяхъ власти княжеской ко власти народной въ городахъ, дружина первыхъ князей не могла принять характера высшаго сословія въ странѣ, но сохранила чистый, первоначальный характеръ воинственной толпы, собравшейся отовсюду около вождя и находящейся на его содержаніи. Слѣдовательно, здѣсь преобладали отношенія къ князю съ исключеніемъ отношеній къ землѣ, къ странѣ. Произошелъ разъѣздъ членовъ княжескаго рода по волостямъ и безпрестанная смѣна этихъ волостей между ними въ—слѣдствіе господства родовыхъ отношеній; дружины перемѣщались вмѣстѣ съ князьями изъ одной волости въ другую, слѣдовательно, нигдѣ не могли утвердиться въ качествѣ постоянныхъ землевладѣльцевъ, приобрести вліяніе на дѣла страны, соединиться въ одно могущественное цѣлое съ однимъ сословнымъ интересомъ, принять аристократическій характеръ. На сѣверѣ, усѣвшись вмѣстѣ съ князьями постоянно въ одной волости, дружинники поняли всю выгоду этой осѣлости для себя и всеми силами помогали князьямъ усиливаться одному на счетъ другихъ, что всего лучше видно изъ примѣра Московскаго Княжества; потомъ, когда съ утвержденіемъ единовластія интересы дружины разрозились съ интересами князя, дружинники не могли выставить противъ историческаго стремленія государя съ своей стороны ничего историческаго, кромѣ права отъѣзда, которымъ уже нельзя было болѣе пользоваться. Мало помогла имъ вступившая въ ихъ ряды толпа безудѣльныхъ князей съ отжившими и враждебными притязаніями; мало помогли имъ и самозванцы, и смуты, и Ляхи: ихъ притязанія постоянно являлись чуждыми для общаго дѣла, несвоевременными, случайнымъ дѣломъ личности, никогда сознательнымъ, прочнымъ и постояннымъ дѣломъ сословія. Причина ясна: эти притязанія, не имѣя исторической основы, не могли привиться къ жизни народной. Совершенно—противоположное явленіе мы видимъ въ Польшѣ. Уже выше было сказано, что здѣсь имѣло мѣсто завоеваніе, при чемъ завоевательная дружина съ самаго начала должна была получить характеръ высшаго сословія. Съ незапамятныхъ временъ до Болеслава-Криво-

устаго Польша существовала нераздельною, под однимъ государемъ, что дало дружинѣ возможность утвердиться въ странѣ въ видѣ цѣлаго сословнаго тѣла, сознававшаго свои интересы относительно остальнаго народонаселенія и относительно государя; мы видели, что событія, послѣдовавшія за смертію Мечислава II, сильно увеличили власть магнатовъ на счетъ власти королевской, и вотъ послѣдней наносится страшный ущербъ раздѣленіемъ ея между многими, тогда-какъ сила магнатовъ окрыла: они приобрѣли значеніе единаго, цѣльнаго сословія. Вотъ почему, тогда-какъ у насъ на Руси бояре сильно содѣйствовали единовластію, соединенію всехъ русскихъ волостей подъ однимъ государемъ, въ Польшѣ, наоборотъ, магнаты рады раздѣленію, стараются поддержать его, ибо оно, ослабляя силу государя, тѣмъ самымъ увеличивало ихъ собственную.

Старшій сынъ Кривоустаго, Владиславъ II, хотѣлъ быть единовластителемъ и вооружился противъ младшихъ братьевъ; но высшее духовенство и магнаты приняла сторону послѣднихъ, Владиславъ былъ побѣжденъ и принужденъ бѣжать въ Германію; ему наследовалъ въ старшинство братъ его, Болеславъ IV; этому другой братъ Мечиславъ III. Мечиславъ хотѣлъ возстановить упавшую королевскую власть, но былъ изгнанъ магнатами: его мѣсто заступилъ младшій братъ Казиміръ-Справедливый. При немъ явился сенатъ, безъ согласія котораго король не могъ ничего дѣлать. Для показанія отношеній, существовавшихъ между государями и сенатомъ, приведемъ слѣдующій случай: изгнанный Мечиславъ умолялъ брата своего Казиміра о позволеніи возвратиться въ отечество; Казиміръ, тронутый, просьбами старшаго брата, который во время малолѣтства его заступалъ для него мѣсто отца, предложилъ сенату о возвращеніи изгнанника. Въ отвѣтъ, вмѣсто обыкновеннаго порядка совѣщанія, поднялся страшный шумъ и послышались слова: «Наши предчувствія исполняются: воронъ ворону не выклюетъ глаза; вмѣсто избавленія отъ одного, мы приобрѣли теперь двоихъ враговъ: Мечиславъ будетъ мстить за самого-себя, Казиміръ за брата. Не лучше ли было бы искоренить все это сѣмя!» Казиміръ принужденъ былъ отказаться отъ своего предложенія.

Мечиславъ пережилъ Казиміра; по смерти послѣдняго, магнаты провозгласили королемъ сына его, Лешка-Бѣлаго; но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ притязаній, слѣдствіемъ чего были кровопролитныя усобицы; наконецъ, послѣ разныхъ переменъ, старшинство перешло въ младшую линію, т. е. въ потомство Казиміра-Справедливаго. По смерти Лешка-Бѣлаго, вступилъ на престолъ сынъ его Болеславъ V Стыдливый, котораго правленіе было самое продолжительное (34) и самое несчастное: Татары опустошали землю съ одной стороны, княжескія междоусобія съ другой; обѣднѣвшіе князья занимали деньги у нѣмцевъ подъ закладъ земель, которыя такимъ-образомъ переходили въ руки послѣднихъ. Между-тѣмъ, нѣмцы грозили Польшѣ еще съ другой стороны: множество нѣмецкихъ ремесленниковъ

(34) Онъ правилъ 52 года.
Т. LXI. — Оуд. II.

и купцовъ поселились въ польскихъ городахъ; такъ-какъ ихъ дѣятельность была выгодна для владѣльцевъ страны, то послѣдніе, для ихъ привлеченія, начали давать городамъ нѣмецкія права, и такимъ-образомъ города и деревни получили нѣмецкое устройство. Отклоненіе шло быстро: князья окружали себя нѣмцами и при дворахъ своихъ ввели въ употребленіе нѣмецкій языкъ; вельможи подражали имъ въ этомъ, особенно желая отличиться отъ простонародья; скоро употребленіе нѣмецкаго языка распространилось повсемѣстно въ Силезіи; въ большихъ городахъ, въ Краковѣ, въ Познани говорили и писали по-нѣмецки. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ явленій, въ слѣдствіе кровопролитныхъ междоусобій, эгоизма и безнаказаннаго своеволія онѣмеченной знати, эгоизма нѣмецкаго средняго сословія и безпомощнаго состоянія сословія нисшаго, народъ долженъ былъ необходимо исчезнуть, право сильнаго господствовало исключительно и естественно влекло къ безнравственности: заговоры, вѣроломства, самыя черныя преступленія характеризуютъ послѣдніе годы описываемаго времени.

✓ По смерти Болеслава V, корона перешла къ потомкамъ Конрада, младшаго сына Казимира-Справедливаго, которые образовали двѣ княжескія линіи — куявскую и мазовецкую. Лешко-Черный, князь куявскій, вступилъ на престолъ; Лешко былъ правитель неспособный; по смерти его, престолъ принадлежалъ брату его, Владиславу-Локетку; но князья изъ старшихъ линій объявили свои притязанія; начались опять междоусобія; Локетекъ былъ два раза изгоняемъ; чешскій король Вацлавъ вмѣшался въ дѣла Польши и былъ провозглашенъ королемъ этой страны. По смерти Вацлава, Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ. Правленіе Локетка особенно замѣчательно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому-что король, имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, что прежде принадлежало только епископамъ и магнатамъ. Такимъ-образомъ, при Локеткѣ положено начало той шляхетской волѣ и власти, которая сдѣлала Польшу чудовищемъ между государствами и были причиною ея паденія. Тщетно сынъ и преемникъ Локетка, Казимиръ-Великій, старался защищать нисшій слой народонаселенія отъ притѣсненій магнатовъ и шляхты (35): онъ

(35) Dlugossi-Histor. Polon. lib. IX, p. 1163 et squ. Et emethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriæ: quo factum est, ut emethones et coloni, sub militaribus et Nobilibus degentes, quotiescumque per suos Dominos et haeredes gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et eorum injuriis, effectuale oppositionem sequare et rigidè interponebat, ut nemo, quantumcumque magnus, potens et dives, auderet in suos esse emethones violentus, gravis et injurius: Rege Casimiro, unumquamque pro sua factione, excessu, aut demerito, digna mulcta coercente. Obquam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practicatum, sugillationem vitare non patuit, quin *rusticorum Rea* a Nobilibus et militaribus vocitaretur..... Tante sane justitiæ cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes propensus, ut colonis proprios dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit. Ipsosque juxta ac peculiare tutatus est,

не могъ произвести никакого благодѣтельнаго переворота въ судьбѣ утѣсненныхъ и заслужилъ только отъ шляхты прозвище *мужицкаго короля*. Притомъ Казиміръ, не смотря на всю свою благонамѣренность, нанесъ Польшѣ ударъ не менѣе того, какой былъ нанесенъ ей Боле, славомъ Кривоустымъ, а именно, не имѣя дѣтей, онъ сдѣлалъ наследникомъ по себѣ племянника своего Лудовика, короля венгерскаго; разумѣется, что король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ на счетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казиміра, въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Лудовика подтвержденіе шляхетскихъ правъ (36). Лудовикъ жилъ въ Венгріи и не обращалъ вниманія на Польшу, которая, слѣдовательно, была предоставлена самой-себѣ, т. е. своимъ епископамъ, магнатамъ и шляхтѣ. Въ такомъ-то состояніи находилась Польша, когда ея магнаты придумали средство безъ завоеванія присоединить къ ней обширное и богатое государство, которое давно уже стало грозить Польшѣ своимъ могуществомъ.

14 сентября 1382 года, умеръ король Лудовикъ, котораго двѣнадцатилѣтнее правленіе въ Польшѣ ознаменовано было безпрестанными смутами въ слѣдствіе пренебреженія, оказаннаго имъ къ наследству Казиміра-Великаго (37). Лудовикъ, не имѣя сыновей, назначилъ наследникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочери, Маріи, Сигизмунда, маркграфа бранденбургскаго, сына чешскаго короля и нѣмецкаго императора, Карла IV. Но польскіе магнаты не очень уважали волю покойнаго короля, и, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Лудовика, Ядвигѣ, и выбрать ей въ мужа князя по своей волѣ, сообразно съ ихъ собственными интересами. Явился претендентъ на польскую корону и на руку Ядвиги: то былъ князь отъ крови Пяста, Земовитъ Мазовецкій, котораго было уже и выбрали по согласію большинства. Началась война между Земовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая внутренними волненіями и кровопролитіями. Наконецъ, 15 октября 1384 года, Ядвига явилась въ Краковъ и была принята съ неописанною радостію всего народа, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смутъ междоцарствія. Надобно было теперь думать о выборѣ ей мужа. Земовитъ Мазовецкій уже успѣлъ пріобрѣсть нерасположеніе Поляковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признать его; у Ядвиги былъ другой женихъ, съ которымъ обручилъ ее покойный отецъ, съ которымъ она вмѣстѣ вос-

exemptoque interdum majori nummo, homini de haerede suo querenti, monens ut ignili mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum iret, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum suorum expilantium, aut illos gravantium refrenavit.

(36) Dlugossi, I. IX, p. 1101 et squ.

(37) Ibid. I. X, p. 68; Ludovicus, Poloniae et Hungariae rex moritur, cum apud Polonos annis duodecem, non sine Polonorum gravamine, pernicio, et assidua seditionum et invasionum civilium, sensim inualescentium, quos morbo et senio gravatus opprimere et extinguere neglexit, vexatione, imperasset.

питывалась, къ которому была привязана нѣжною страстью: то былъ Вильгельмъ, герцогъ австрійскій. Но послѣдній не нравился польскимъ магнатамъ: отъ него нельзя было ожидать скорой помощи (38). Ихъ вниманіе обратилъ на себя государь сосѣдней могущественной державы, которая присоединеніемъ къ Польшѣ освобождала послѣднюю отъ опаснаго врага и вмѣстѣ страшно увеличивала ея силы. Я говорю о Ягайдѣ литовскомъ. Послѣднему также лестно было получить руку Ядвиги и корону польскую, потому-что, не смотря на принятіе русской національности вмѣстѣ съ христіанствомъ восточнаго исповѣданія, литовскіе князья у сосѣднихъ народовъ все еще считались варварами; Ягайлу сильно хотѣлось смыть съ себя это позорное названіе и стать наряду могущественныхъ монарховъ европейскаго, христіанскаго міра; прельщала его также и слава о красотѣ Ядвиги, тѣлесной и нравственной; наконецъ, могли безпокоить его таланты предприимчиваго Витовта, который былъ для него въ Литвѣ опаснымъ соперникомъ и отъ властолюбія котораго благоразумно было обезпечить себя другимъ престоломъ. Такимъ-образомъ, бракъ литовскаго князя съ королевою польскою былъ одинаково желателенъ для обѣихъ сторонъ, и потому трудно рѣшить, кто первый сдѣлалъ предложеніе, польскіе ли магнаты, или Ягайло; по-крайней-мѣрѣ, источники разногласятъ (39). Какъ бы то ни было, въ 1385 году послы литовскіе явились къ Ядвигѣ съ предложеніемъ руки своего князя и съ обещаніями, что Ягайло пріиметъ римскую вѣру не только самъ, но и со всеми родичами, вельможами и народомъ, выдастъ безъ окупа польскихъ пѣвниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ навѣки съ Польшею свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возвратитъ потерянные ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ сумму, должную Вильгельму-Австрійскому за несдержаніе обещанія на счетъ руки королевича. Ядвигѣ не очень-пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно магнатамъ польскимъ: они представили королеву высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли поколебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является въ Краковъ Вильгельмъ австрійскій. Тщетно магнаты запретили ему доступъ къ краковскому замку. Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ францисканскомъ монастырѣ: здѣсь страсть ея къ прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ (40), и слышать не хотѣла объ Ягайдѣ, и, не смотря на представленія Поляковъ, обвѣнчалась съ Вильгельмомъ и жила съ нимъ, какъ жена, пятнадцать

(38) Dlugossi l. X, p. 98: Semovito Masoviæ, et Vladislao Oppoliensi Ducibus neglectes, quod ex eorum assumptione tenuis accessio fieret, Vilhelmoque Duce Avstrisæ repudiato, quodd serum et longinquam ex eo speraretur auxilium.

(39) Въ литовской лѣтописи Даниловича, стр. 40, говорится, что Ляхи сдѣлали первое предложеніе; въ другихъ источникахъ напротивъ.

(40) Dlugossi, l. X, p. 102: Fama insuper et plurimorum assertione proditum est.

дней. Но когда онъ захотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ изгнанъ оттуда вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; Вильгельмъ, боясь чего-нибудь еще худшаго, поспѣшилъ скрыться изъ Кракова. Между-тѣмъ, Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и прелаты снова подступили къ Ядвигѣ съ просьбами не отказываться отъ брака съ литовскимъ княземъ и заслужить титулъ просвѣтителницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣсколько отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться: ее сильно беспокоила молва, что Ягайло былъ варваръ правомъ и уродъ тѣломъ. Чтобъ увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, отправила она къ нему на встрѣчу самаго преданнаго себѣ челоуѣка, съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайлу предъувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланца съ отменной ласкою (41). Посланый, возвратившись къ Ядвигѣ, донесъ ей, что литовскій князь наружною пріятель, красивъ и строенъ, ростъ вмѣстѣ средній, лицо продолговатое, во всемъ тѣлѣ нѣтъ никакого порока, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволяла убѣдить себя. Въ 1386 году совершенъ былъ бракъ Ягайло съ Ядвигаю— бракъ, ознаменованный рядомъ отступничества: Ядвига измѣнила своему жениху или, лучше сказать, своему мужу; Ягайло измѣнилъ своему отечеству, принесши его интересы въ жертву интересамъ чуждымъ, измѣнилъ своему прежнему исповѣданію, отрекшись отъ православія и принявъ латинство, причемъ прежнее имя Якова перемѣнилъ на имя Владислава. Ему послѣдовалъ Витовтъ, пріѣхавшій съ нимъ на свадьбу въ Краковъ, равно двое братьевъ Ягайла—Коригаило и Свидригаило, потомъ нѣсколько другихъ князей литовскихъ, потомковъ прежней династіи. Польскій летописецъ (42), заключая описаніе ягайлова брака, говоритъ, что польскіе вельможи совершили великое преступленіе, съ презрѣніемъ христіанской религіи: отняли у мужа законную жену, и противъ воли последней сочетали ее новымъ бракомъ; и за это всемогущій Господь отищеній наказалъ Поляковъ многими бѣдствіями, безнарядемъ въ правленіи и королями, которые были привержены болѣе къ Литвѣ, чѣмъ къ Польшѣ.

Ягайло, по безхарактерности своей, подчинился вліянію жены и магнатовъ польскихъ. Онъ спѣшилъ исполнить обѣщаніе насчетъ распространенія католицизма въ Литвѣ. Здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина виленскихъ жителей принадлежала къ нему; но оно двигалось медленно; пользуясь этою-то медленностью, католицизмъ посредствомъ Поляковъ захватилъ у него и въ Литвѣ остальныхъ язычниковъ, какъ онъ сдѣлалъ это въ областяхъ прибалтійскихъ посредствомъ нѣмцевъ. Православіе, по самому характеру своему, не употребляло насильственныхъ мѣръ при обращеніи; иначе

(41) Ibid, p. 103.

(42) Dlugossi, l. X, p. 105.

поступили латинскіе проповѣдники, пріѣхавшіе съ Ягайлою въ Литву; они начали истребленіемъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго богослуженія. Народъ, котораго прежнее вѣрованіе было сильно ослаблено давнимъ знакомствомъ съ христіанскою религіею чрезъ Русскихъ, безъ труда согласился на принятіе новой вѣры, причемъ насильственные поступки латинскаго духовенства выиграла въ глазахъ грубыхъ дикарей передъ тихо-распространявшимся православіемъ: варварамъ казалось, что Поляки одарены большимъ могуществомъ, потому-что могли безнаказанно оскорблять ихъ боговъ, истреблять ихъ истуканы и храмы. Но, какъ у насъ при св. Владимірѣ христіанство распространилось быстро только въ Кіевъ и мѣстахъ ближайшихъ, гдѣ уже давно были съ нимъ знакомы, а въ областяхъ отдаленнѣйшихъ язычество долго упорствовало, точно такъ и въ Литвѣ польскіе проповѣдники дѣйствовали успешно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя уже давно находились подъ русскимъ вліяніемъ; въ Жмуди же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія принять новую религію. Но если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то все-таки онъ встрѣтилъ здѣсь страшнаго соперника въ православіи, которое издавна имѣло многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; по самому характеру латинства, оно не могло долго ужиться въ мирѣ съ древнимъ исповѣданіемъ и съ самаго начала уже обнаруживаетъ враждебныя намѣренія противъ послѣдняго: постановлено было, что русскія, выходящія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, и мужья православной вѣры должны были принимать исповѣданіе женъ; есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ (43).

Вмѣстѣ съ интересомъ религіознымъ, Ягайло принесъ въ жертву Польшѣ и государственнѣй интересъ Литвы и Руси. Князья племени Рюрика и Гелимина принуждены были присягать коронѣ польской и королевѣ Ядвига: такъ въ 1386 году князь Фѣдоръ Острожскій утверждѣнъ былъ на своей отчинѣ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наслѣдники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ польской (44), какъ прежде служилъ князь Фѣдоръ князю Любарту Гелиминовичу владимірскому. Въ 1393 году, эту грамоту князю Фѣдору подтвердила уже одна Ядвига, которая величаетъ себя—*Lithuaniae princeps suprema, Romaniae Russicaeque domina et haeres* (45). Такъ князь Симеонъ-Лугвеній Олгердовичъ, позванный Новгородцами, присягалъ: «Мы тому королю (Ягайлу) и Ядвига, королицѣ королевства польскаго, и съ тѣми людьми съ Великаго Новагорода, какожь долгъ держимъ у нашемъ опека-
«нью, слюбилы есмы, и еще симъ листомъ слюбуетъ, ижь хотимъ при
«нихъ, при корунѣ королевства польскаго пристати, и съ нашею силою

(43) Długossi, I. X, p. 119. Лѣтописецъ Даниловича, стр. 204 и 205.

(44) Zródła do dziejów polskich — Grabowskiego przezdzieckiego, t. I, p. 146.

(45) Тамъ же, стр. 151.

«и съ нашими помочми, и съ нашею радою, и съ нашимъ острезень-
«емъ, безъ всякой лести и хитрости; не хотимъ такожь николи отсту-
«пяти ихъ, коруны королевства польскаго» (46).

Ясно, что подобный порядокъ вещей не могъ скоро утвердиться; литовская Русь не могла легко и добровольно подчиниться Польшѣ. Началась борьба за независимость, за народность; началась она подъ покровомъ эгоистическихъ стремленій Витовта, кончилась великимъ возстаніемъ Малой-Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Ягайло сдѣлалъ намѣстникомъ Литвы брата своего Скиригайло, съ титуломъ великаго князя; но столица его была въ Трокахъ: въ Вильнѣ же сидѣлъ Дякъ, староста королевскій (47). Характеръ Скиригайла латинскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому нестерпимымъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи (48). Иначе отзываются о немъ лѣтописцы православные, называя его княземъ чуднымъ и добрымъ (49); причины такого разнорѣчія ясны: Скиригайло остался вѣрнѣ православію, и потому былъ любимъ русскимъ народомъ (50). Скоро нелюбие возникло между Скиригайломъ и Витовтомъ. Мы видѣли, что послѣдній возвратился въ Литву и примирился съ Ягайломъ, когда тотъ задумалъ о коронѣ польской. Находясь еще у нѣмецкихъ рыцарей, Витовтъ принялъ латинское крещеніе, при чемъ получилъ имя Виганда (51). Возвратившись на родину и ставъ обладателемъ русскихъ мѣстъ (52), онъ не усомнился принять православіе съ именемъ Юрія (53); потомъ въ Краковѣ, вмѣстѣ съ Ягайломъ, опять обратился къ католицизму. Не было сообразно съ честолюбіемъ Витовта оставаться въ Литвѣ владѣтелемъ небольшой волости, въ двойной зависимости — сперва отъ Скиригайла, и потомъ черезъ него отъ Ягайла и короны польской; онъ зналъ, что примиреніе его съ Ольгердовичами было вынужденное, и потому страшно было ему жить между владѣніями Ягайла и Скиригайла; меньше было опасности со стороны перваго, человѣка слабохарактернаго и недвѣя-

(46) Акты, относящіеся къ исторіи Западной-Россіи, № 10.

(47) Лѣтопись Даниловича, стр. 44. Еслибъ Скиригайло властвовалъ въ Вильнѣ, то Длугошъ (стр. 120) не называлъ бы его троцкимъ княземъ.

(48) Dlugossi, I, X, p. 120.

(49) Лѣтопись Даниловича, стр. 47.

(50) Dlugossi, I, X, p. 120: *Hunc (Skirgallonem) Vithaudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimescens et c.* Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиригайлу, а не къ Витовту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (Исторія Галицкой Руси, стр. 224)-

(51) Narbutt, V, 338.

(52) Ему уступлены были повѣты—гродненскій, воляковыйскій и брестскій, равно Подѣсье и часть Волини.

(53) Narbutt, V, 381.

тельнаго; во всего можно было ожидать отъ втораго, который отличался характеромъ противоположнымъ и не долго сталъ бы думать въ минуты увлеченія; Витовту наговаривали, что Скиригайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ (54), чтобъ не имѣть соперника въ Литвѣ. Въ нерасположеніи Ягайла онъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему листовъ на уступленныя области, не согласился уступить ему волости любартовой; а потомъ это нерасположеніе обнаруживалось еще сильнѣе: Ягайло заключилъ въ оковы посланца витовтова и вымучивалъ у него извѣстія о сношеніяхъ его князя съ великимъ княземъ московскимъ (55). Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ—было нечаянно овладѣть Вильной; но попытка не удалась: онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ. Снова началась усобица, которая кончилась въ 1392 году тѣмъ, что король Ягайло принужденъ былъ дать Витовту дипломъ на великое княжество литовское и жмудское съ номинальнымъ подчиненіемъ Польшѣ; Свиригайло же получилъ дипломъ на достоинство великаго князя русскаго (56) и Кіевъ столицею; такимъ-образомъ Русь, въ отдаленности даже и отъ Литвы, получила своего особаго великаго князя. Но Скиригайлу не легко достался Кіевъ: здѣсь сидѣлъ другой Олгердовичъ, Владиміръ (57), который не хотѣлъ уступить Руси брату; Витовтъ обязался оружіемъ доставить кіевскій престолъ Свиригайлу (58) и сдержалъ свое слово. Владиміръ долженъ былъ удовольствоваться однимъ Копысомъ (59). Не смотря на то, между обоими великими князьями, литовскимъ и русскимъ, продолжалось нелюбье, или потому-что оба не могли забыть старины, или потому-что съ Скиригайломъ, въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя было ужиться; какъ бы то ни было, королева Ядвига, въ 1393 году, должна была мирить ихъ въ Вильнѣ. Кроме того, Витовтъ долженъ былъ вести усобицы съ Свидригайломъ Олгердовичемъ, княземъ витебскимъ, Дмитріемъ-Корибутомъ, княземъ съверскимъ, и Феодоромъ Коріатовичемъ, княземъ подольскимъ. Здѣсь мы должны упомянуть объ этомъ послѣднемъ княжествѣ, потому-что его имени не встрѣчаемъ прежде между княжествами русскими.

Во время владычества Рюриковичей надъ Южною-Русью, Подолія была мало заселена; послѣ Батыя утвердились здѣсь Татары; великій князь литовско-русскаго Олгердъ разбилъ трехъ братьевъ, вождей татарскихъ— князя Хочебоя (Кочубея), Кутлубуга и Дмитрія, которые были, по вы-

[54] Dlugossi, I. X, p. 120.

[55] Narbutt, V, 433.

[56] Narbutt, V, стр. 493.

[57] Посаженный здѣсь отцомъ своимъ, выгнавшимъ изъ Кіева прежняго князя Феодора. Густин. лѣт., стр. 330.

[58] Kromer. Index Ar. Cracov. № 416: Vitoldi cum Skirgalo concordia et societas contra omnes, excepto Regno Poloniae. Item premitit quod ducatum Kijoviensem armis debet acquirere.

[59] Лѣтопись Даниловича, стр. 46.

раженію лѣтописца (60), отчичи и дядчи подольской земли; имя же послѣдняго брата, если только оно не искажено, указываетъ, что Татаринъ принялъ уже христіанство. Олгердъ отдалъ подольскую землю четыремъ братьямъ, сыновьямъ князя Коріата-Юрія, Александру (61), Константину и Феодору, которые населили страну и настроили въ ней городовъ. Три старшіе Коріатовичи умерли безъ наслѣдниковъ; младшій, Феодоръ, остался одинъ господиномъ Подоліи и не хотѣлъ признавать власти Витовта: послѣдній выгналъ Феодора изъ Подоліи и взялъ ее себѣ; потомъ продалъ половину Польшы, опять выкупилъ и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгли ее отъ великаго княжества литовско-русскаго.

Въ 1396 году, Русь лишилась своего великаго князя и соединилась снова съ Литвою. Скирагаило, въ св. крещеніи Иванъ, умеръ въ Кіевѣ: шла молва, будто онъ былъ отравленъ, и подозрѣвали въ преступленіи Оому, митрополичьяго намѣстника, послѣ объѣда у котораго великій князь заболѣлъ и на сельмой день скончался; его похоронили въ Печерскомъ-Монастырѣ, подлѣ гроба св. Феодосія (62). Витовтъ, узнавъ о смерти Скирагаила, прислалъ въ Кіевъ князя Ивана Ольгимонтовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Тѣсное соединеніе съ Литвою подлѣ однимъ великимъ княземъ не было опасно для Руси, пока этимъ великимъ княземъ былъ Витовтъ, вовсе недумавшій ни о какомъ другомъ подчиненіи Польшы, кромѣ номинальнаго: такъ, въ 1398 году, королева Ядвига прислала къ нему письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдалъ ей княжества литовское и русское въ вѣно, въ слѣдствіе чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ этихъ странъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ и предложилъ боирамъ литовскимъ и русскимъ вопросъ: «считаютъ ли они себя подданными короны польской въ такой степени, что обязаны платить дань королеви?» Всѣ единогласно отвѣчали: «Мы не подданные Польшы ни подлѣ какимъ видомъ; мы всегда были вольны; наши предки никогда Полякамъ дани не платили—не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности (63)!» Поляки испугались и больше ужъ не толковали о дани. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польшы и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ-подъ номинальнаго подчиненія; самымъ лучшимъ средствомъ къ тому было провозглашеніе Витовта королемъ Литвы и Руси, при чемъ, разумѣется, исчезала всякая зависимость отъ другаго короля. Однажды, на объѣдъ, данномъ по случаю заключенія мира съ нѣмецкимъ орденомъ, бояре провозгласили тостъ *Витовта, короля литовскаго и*

(60) Тамъ же, стр. 49.

(61) Отъ Александра Коріатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смотрицкому Домниканскому Монастырю на мельницу. Здѣсь упоминается о дани Татарамъ; слѣдовательно, Подолія, какъ видно, еще не совсѣмъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящіяся къ исторіи Западной-Россіи, т. I, №4.

(62) Лѣтописецъ Даниловича, стр. 47.

(63) Narbutt, V, 594.

русскаго, и просили его, чтобъ онъ позволилъ всегда такъ величать себя. Витовтъ, захваченный въ-распλοхъ, на этотъ разъ прикинулся скромникомъ и отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула, тогда-какъ на самомъ дѣлѣ мысль о независимой коронѣ королевской уже была главною, задушевною его мыслию. Пораженіе на Ворсклѣ остановило на нѣсколько времени честолюбивые замыслы Витовта, особенно въ-отношеніи къ Сѣверовосточной, Московской Руси, которою онъ хотѣлъ овладѣть съ помощію Татаръ. Витовту казалось, что прошла пора думать и объ отделиніи отъ Польши: въ 1401 году, на виленскомъ сеймѣ, въ присутствіи короля и великаго князя было постановлено о соединеніи Литвы и Руси съ Польшею; определено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ великаго князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ короля; оба народа имѣютъ общихъ враговъ и друзей. Ходили слухи еще объ одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году, связь съ Польшею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ въ Городкѣ; дворянство литовское поддалось на приманку: оно сравнено въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ, за исключеніемъ однако православныхъ (64). Польскіе магнаты торжествовали завоеваніе Литвы, т. е. ея зараженіе язвою Польши, а сами пользовались обстоятельствами и слабохарактерностью короля своего, чтобъ все болѣе и болѣе усиливать свои права на счетъ власти королевской. Когда, въ 1425 году, Ягайло, послѣ рожденія сына своего Владислава, собралъ сеймъ въ Брестъ-Куявскомъ и предложилъ магнатамъ, чтобъ они назначили новорожденнаго преемникомъ отцовскаго престола, то они не прежде согласились на это, какъ вынудивъ у короля новыя права и льготы: присяжныя грамоты вельможъ и жалованныя королевскія были сданы на руки епископу краковскому, Збигнѣву Олесницкому, съ тѣмъ, что несоблюденіе послѣднихъ влечетъ за собою уничтоженіе первыхъ. Въ слѣдующемъ 1426 году, король созвалъ сеймъ въ Ленчицѣ, и здѣсь, по внушеніямъ Сагизмунда, императора нѣмецкаго, объявилъ, что онъ не подтвердитъ старыхъ вольностей и не дастъ новыхъ, губельныхъ для него и для его преемниковъ; что же касается до признанія сына его королемъ, то вельможи обязываются къ тому закономъ божественнымъ, безъ всякихъ уступокъ со стороны государя. Попытка была смѣла, но не Ягайлу было успѣть въ ней. Какъ-скоро слышали королевскія слова, поднялся страшный шумъ въ собраніи; Збигнѣвъ, вставъ съ своего мѣста и показывая на присяжный листъ, сказалъ: «Вотъ грамота, мнѣ ввѣренная; возвращаю ее въ цѣлости, когда король отказывается исполнить свои обѣщанія». Вельможи схватили у него грамоту и мечами изрѣзали въ куски. Ко-

(64) Dlugossi, l. XI, p. 337 et squ. Praeterea praedictis libertatibus, privilegiis et gratis tantummodo illi Barones et nobiles terræ Lithuania debent uti et gaudere, quibus arma et clenodia nobilium regni Poloniae sunt concessa, et cultores Christianæ religionis, et Romanæ ecclesiæ subjecti, et non schismatici vel alii infideles sint.

роль съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ вышелъ изъ собранія, однако не отсталъ отъ своего намѣренія, только принялся за дѣло го-раздо-ловчье. Зная, что вельможи его толкуютъ о благѣ общемъ только тогда, когда оно совпадаетъ съ ихъ интересами, и имѣютъ въ виду единственно послѣдніе, онъ началъ осыпая дарами и обѣщаніями каждаго изъ нихъ отдѣльно, и нашлось очень-мало людей, которые, не уступивъ его требованію, не обязались признать королемъ сына его (65).

На томъ же леняцкомъ сеймѣ между прочимъ разсуждали и о сред-ствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о которомъ сталъ снова замышлять Витовтъ. И Витовтъ, какъ видно, не столько замышлялъ о независимости Литвы и Руси отъ Польши, сколько о за-висимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ польскій легко могъ перейти къ нему; но Ягай-ло отъ новаго брака своего имѣлъ уже двоихъ сыновей, и королева Софья была беременна третьимъ; Витовтъ придумалъ средство—осла-вивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ: въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности дряхлому мужу; пыткой вынудили показанія у нѣкоторыхъ придвор-ныхъ женщинъ; перехватили виновниковъ преступленія; но королева успѣла очистить себя присягою—Ягайло успокоился, и Витовтъ не до-стигъ своей цѣли (66). Тогда обратился онъ къ другому средству до-стать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ императору Сигизмунду. Сигизмундъ, нахо-дясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войнъ съ гусситами и Турками; требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣ-та съ Витовтомъ; вотъ почему императору очень хотѣлось сблизиться съ послѣднимъ: «Вижу» говорилъ онъ, «что король Владиславъ чело-вѣкъ простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта; такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ прежде всего литовскаго князя, чтобъ посред-ствомъ его овладѣть и Ягайломъ» (67). Начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ; наконецъ, положено было свидѣть-ся въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 году былъ этотъ знаменитый сѣздъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ польскихъ, русскихъ и литовскихъ. Послѣ праздни-ществъ начались совѣщанія; на одномъ изъ нихъ императоръ сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ гусситами и для преобразова-нія церкви; отправлюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственною моею властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому-что они испо-вѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь только отъ насъ бородами да

(65) Dlugossi, I. XI, p. 491.

(66) Ibid. p. 497 et sequi; Narbutt, VI, 488.

(67) Dlugossi, I. XI, p. 508.

женами (68). Но этого, однако, не должно ставить имъ въ порокъ, потому-что греческіе священники довольствуются одною женою, а латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше.» Эти слова императора скоро были въ устахъ всѣхъ Русскихъ, которые превозносили его похвалами, къ страшной досадѣ католиковъ (69) и Поляковъ. Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ легко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе; но страшное сопротивленіе, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча. И здѣсь на первомъ планѣ явился уже извѣстный намъ Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ краковскій, бывшій вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ. Онъ одинъ въ собраніи нашелся рѣзко отвѣчать Витовту, отказался на его предложеніе, при чемъ не постыдился влести вопіющую ложь, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому-что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами (70). Палатинъ краковскій, Янъ Тарновскій, и всѣ другіе шумомъ негодованія выразили свое согласіе на рѣчь Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ гнѣвныхъ восклицаніяхъ: «Пусть такъ!» говорилъ онъ, выходя изъ собранія: «а я все-таки найду средства сдѣлать по-моему». Поляки накинулись на своего несчастнаго короля: «развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобъ быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?» (Такъ, видно, Литва и Русь не были еще въ концѣ опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами?) Жалкій старикъ заливался слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ своего согласія Сигизмунду и Витовту, что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка куда они сами назначатъ. И точно, прелаты и паны польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако, насильственные мѣры не были въ характеръ Витовта: зная польское корыстолюбіе (71), онъ началъ обдаривать пановъ, чтобъ какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

(68) Здѣсь императоръ разумѣетъ духовенство. Dlugossi, l. XI, p. 155.

(69) Ibid. Scandalisavit hic sermo Ruthenos populos, viventes ritu Graecorum, et in suis confirmavit erroribus. Propter quod Sigismundum regem sanctum vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorem quam Latinorum. Eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum, Sigismundus rex, summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiores quam Romanum judicasset.

(70) Ibid. p. 518.

(71) Я здѣсь перевожу только слово-въ-слово польскаго лѣтописца: Callidus tamen ipse Polonicæque avaritiæ peritus, plerosque Polonorum primores auro et argento implevit.—Dlugossi, l. XI, p. 520.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на корочинскомъ сеймѣ у Поляковъ было положено кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву все тотъ же Збигнѣвъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе. «Вѣдь провозглашеніе себя королемъ» говорилъ онъ Витовту: «скорѣе уменьшитъ твое величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями-то ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлые народы окружитъ всѣми ужасами кровопролитныхъ войнъ?» Но въ Витовтѣ встрѣтилъ онъ для себя достойнаго противника: «Никогда» отвѣчалъ великій князь: «у меня и въ головѣ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, и я не далъ на то своего согласія. Но теперь самъ король Владиславъ потребовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуюсь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было бы для меня отказаться.» Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между-тѣмъ приближенные Витовта, литво-русскіе вельможи, не переставали убѣждать своего князя привести какъ-можно-скорѣе къ концу начатое предпріятіе: вѣроятно, преклонныя лѣта Витовта побуждали ихъ еще болѣе къ этому. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя въ томъ, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и въ томъ, что хочетъ сдѣлать народъ литовскій и князя его васаллами Польши; писалъ и къ императору съ тѣми же жалобами (72). Поляки были въ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигнѣвъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, палатиномъ краковскимъ. Послы изумили Витовта предложеніемъ—принять корону польскую, которую уступаетъ ему Ягайло, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію. Великій князь отвѣчалъ имъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять польскую корону, отнявъ ее у брата, и, чтобъ отдѣлаться отъ докучливыхъ посольствъ изъ Кракова, объявилъ, что самъ не станетъ болѣе добиваться короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между-тѣмъ, Поляки дѣйствовали противъ намѣренія Витовта и съ другой стороны: они представили папѣ Мартину всю опасность, которую грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому-что тогда издревле-господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавитъ только-что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ справедливость опасенія, немедленно отправилъ къ императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту запретъ принимать ее. Получивъ буллу, Витовтъ, въ 1430 году, написалъ прелатамъ и вельможамъ польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его передъ папою и передъ другими владѣтелями католическими. Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что великій князь взялъ съ своихъ бояръ присягу служить ему противъ

(72) Narbutt, VI, 518.

короля и королевства польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить ея князя на счетъ буллы папской и укорить въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердилъ крѣпости вовсе не съ цѣлю начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достоверно извѣстно, что гусситы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между-тѣмъ, днемъ витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ-какъ посланные отъ императора съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ, Рождества Богородицы, и приглашены уже были къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и великій князь московскій. Поляки знали объ этомъ, и потому разставили отрядъ по границамъ, чтобъ не пропускать императорскихъ пословъ въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи схвачены были двое императорскихъ посланниковъ—Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ Витовту съ извѣстіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этими послами слѣдовали другіе, знатнѣйшіе и многочисленнѣйшіе, которые везли корону. Чтобъ перехватить ихъ, отправились трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, поклявшись помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самыя отдаленныя предѣлы. Императорскіе послы, узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду (73).

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно разстроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайлу и самому сильно хотѣлось поѣхать въ Литву, не потому, чтобъ онъ очень любилъ родную страну, а потому-что въ ней всего лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что императорскіе послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣнчаніи короны, сдѣланныя въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ, и потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, а приставили къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполне полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата съ большимъ торжествомъ; но самъ со-дня-на-день все становился слабѣе и слабѣе, не переставая однако требовать отъ Ягайла, чтобъ тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да что жь ему дѣлать, когда Поляки приставили къ нему

Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего не сдѣлаешь; что прежде всего нужно какъ-нибудь размягнуть этотъ камень (74). Витовтъ принялся размягать и просьбами и дарами, какихъ никто до него не получалъ еще въ Литвѣ; но Збигнѣвъ остался непреклоненъ; Витовтъ употребилъ угрозы, давая знать, что употребить все средства, разсыплетъ повсюду то самое золото, тѣ самые дары, которые были приготовлены для Збигнѣва, чтобъ лишить его краковской епископіи. Но угрозы не испугали, а только еще болѣе ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и все другія надежды. Витовтъ умеръ 27 октября 1430 года: главною причиною смерти полагаютъ тяжкую скорбь о несбывшихся намѣреніяхъ.

Разсмотрѣвъ дѣятельность Витовта относительно борьбы его съ Польшею за независимость Литвы и Руси, мы должны были бы обратиться ко внутреннему состоянію Малой-Россіи въ его княженіе; но, къ сожалѣнію, надобно признаться, что мы объ немъ почти ничего не знаемъ. Упомянуто было, что, по смерти Сквиргайла, Витовтъ посадилъ княземъ въ Кіевъ Ивана Ольгимунтовича или Борисовича Ольшанскаго. Этотъ князь палъ въ знаменитой битвѣ съ Татарами при Ворсклѣ. Кіевъ откупился отъ побѣдителей тысячею червонныхъ, Печерскій Монастырь особо за себя заплатилъ тридцать червонныхъ (75). Преемникомъ Ивана Ольгимунтовича былъ, какъ видно, сынъ прежняго князя Владиміра Олгердовича, Александръ или Олелько Владиміровичъ. Отъ него имѣемъ мы только двѣ грамоты: одна, данная въ 1411 году кіевскому доминиканскому монастырю — въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (76); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврашевскому Монастырю на десятину (77); въ этой грамотѣ говорится: «Се язъ князь Олександръ Володимировичъ, и съ своею княгинею *Московскою* и своими дѣтми, далъ есмь десятину св. Богородицы и проч.» Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь московскаго великаго князя Василія Дмитріевича, следовательно, внука витовтова по матери. Преемникомъ Александра въ Кіевъ былъ сынъ его Семень. Кромѣ преемства князей, лѣтописцы упоминаютъ еще объ опустошеніи Кіева и всей русской земли Татарами подъ предводительствомъ Едигея въ 1416 году, послѣ чего Кіевъ не могъ уже никогда оправиться (78).

Но гораздо-болѣе известно намъ о дѣлахъ церковныхъ, именно о раздѣленіи русской церкви, совершившемся въ это время по настоянію Витовта. При господствѣ религіознаго интереса въ нашей древней исторіи, митрополитъ всея Руси имѣлъ великое значеніе, ибо онъ поддерживалъ единство ея, когда не было государя всея Руси; и при ослабленіи родовыхъ отношеній, при стремленіи князей къ особности, къ

(74) Ibid. p. 333.

(75) Густин. лѣтоп., стр. 352.

(76) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 99.

(77) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. I, № 28.

(78) Густин. лѣт., стр. 354.

отдѣленію, мѣстопробываніе митрополита долженствовало быть по необходимости главнымъ городомъ Руси, единственнымъ ея сосредоточеніемъ. Уже давно, въ русскихъ областяхъ — сѣверовосточныхъ и югозападныхъ — обнаружилось различіе въ характеръ началъ общественнаго строя. Андрей-Боголюбскій, первый князь, который задумалъ воспользоваться началами, господствовавшими на сѣверѣ и посредствомъ ихъ дать преобладаніе сѣверу надъ югомъ, Андрей-Боголюбскій понималъ, что сѣверъ не будетъ вполнѣ первенствовать надъ югомъ до-тѣхъ-поръ, пока вся Русь будетъ имѣть одного митрополита, и этотъ митрополитъ будетъ жить въ Кіевѣ. Андрей просилъ у патриарха поставить для Сѣверной-Руси особаго митрополита и не получилъ желаемаго. Но войска Андрея опустошили Кіевъ, подорвали его салу и славу, Татары докончили ихъ дѣло; митрополитъ не находилъ болѣе безопасности на югѣ и переселился на сѣверъ, чѣмъ далъ сѣверу, такъ-сказать, окончательное благословеніе для новой жизни; потомъ митрополитъ же, перенесеніемъ своего стола изъ Владиміра въ Москву, далъ и Москвѣ окончательное благословеніе на великое дѣло собранія земли русской. Городъ, гдѣ жилъ митрополитъ всея Руси, считался необходимо столицею всея Руси. Сильно, говорятъ, досадовали русскіе князья, узнавъ, что митрополитъ переселился въ Москву: они предвидѣли для себя все вредныя слѣдствія отъ этого. Но между-тѣмъ, какъ Сѣверовосточная-Русь собиралась около Москвы, Русь Югозападная сосредоточивалась около другаго пункта — Литвы; явились два князя русскіе, изъ которыхъ каждый назывался и хотѣлъ быть княземъ всея Руси, понимая невозможность дѣлать. Легко понять, какое важное преимущество давало московскому князю пребываніе всероссійскаго митрополита въ Москвѣ; легко понять, слѣдовательно, какими глазами долженъ былъ смотрѣть на это обстоятельство князь литовскій, особенно послѣ того, какъ онъ принятіемъ католицизма отчудилъ себя отъ православнаго русскаго народонаселенія, которое необходимо должно было стремиться теперь къ столицѣ русскаго митрополита и православнаго великаго князя московскаго и всея Руси. Вотъ почему Витовту необходимо должна была прийти мысль высвободить югозападные русскія области изъ-подъ вліянія Москвы, поставивъ для нихъ особаго митрополита. Ему трудно было найти предѣлъ для раздѣленія русской церкви при митрополитѣ Кипріанѣ, потому-что этотъ пастырь пекася наравнѣ о сѣверной и южной своей паствѣ, верьдко посѣщая Заднѣпровье: такъ съ 1396 года онъ пребылъ на югѣ 18 мѣсяцевъ, а съ 1404 года 23 мѣсяца (79). Преемникомъ Кипріана былъ Фотій, Грекъ, родомъ изъ Морей, который, по словамъ одного изъ ученѣйшихъ іерарховъ нашей церкви (80), не наследовалъ отъ своего предѣстника искусства угождать двумъ государямъ русской іерархіи и предоставилъ южныя области намѣстникамъ, а самъ занимался въ Москвѣ тяжбами съ боярами и другими

(79) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 98.

(80) Митрополитъ Евгеній, въ приведенномъ сочиненіи.

мірянамъ. Витовтъ воспользовался такимъ поведеніемъ Фотія, созвалъ православныхъ архіереевъ югозападныхъ русскихъ областей и привулдилъ ихъ къ избранію особаго митрополита для кievской Руси, которымъ и провозглашенъ Григорій Памблакъ, ученый Болгарь. Въ соборной грамматѣ о его поставленіи (81), западно-русскіе епископы полоцкій, черниговскій, луцкій, владимірскій, перемышльскій, смоленскій, холмскій и туровскій, говорятъ, что они скорбѣли, видя, какъ митрополитъ Фотій пренебрегаетъ церковь кievскую, главною на Русі: пастырь именемъ только, а не дѣломъ, онъ не хотѣлъ сидѣть у церкви, данной ему Богомъ, и управлять людьми Божиими, а только собиралъ доходы церковные, живя въ иномъ мѣствѣ, перенося туда и богатство и честь кievской церкви. Когда мы были въ скорби, продолжаютъ архіереевъ, то милостивый Богъ подвинулъ сердце великаго князя Александра-Витовта, литовскаго и многихъ русскихъ земель господаря; онъ изгналъ Фотія и послалъ въ Царьградъ за другимъ митрополитомъ. Но императоръ Мануилъ не захотѣлъ послушать прошенія его праведнаго ради своихъ прибитковъ неправедныхъ. Тогда великій князь собралъ на совѣтъ всѣхъ насъ и всѣхъ князей литовскихъ и русскихъ земель и иныхъ странъ, ему подвластныхъ и исповѣдающихъ православіе, также бояръ и вельможъ, архимандритовъ и игуменовъ, иноковъ и священниковъ. По общему совѣту и желанію, избранъ митрополитомъ Григорій, по преданію апостольскому. Епископы оправдываютъ свое дѣло примѣромъ великаго князя Изяслава Мстиславича, при которомъ былъ поставленъ митрополитъ независимо отъ патріарха, примѣромъ родныхъ Болгаръ и Сербовъ, и въ заключеніи объявляютъ, что ихъ поступокъ никакъ не должно принимать знакомъ отдѣленія ихъ отъ восточной церкви: они свято сохраняютъ единеніе съ нею, но только не хотятъ принимать митрополитовъ отъ патріарха константинопольскаго, потому что патріархъ по правиламъ поставить митрополита не можетъ, а ставить кого ему императоръ велитъ. Здѣсь должно замѣтить, во-первыхъ, что никогда избраніе русскаго митрополита не зависѣло отъ произвола ни греческаго императора, ни патріарха, которые не смѣли присылать чловека, неугоднаго великому князю (82); потомъ, еслибъ въ Константинополь всего больше преобладали корыстныя цѣли, то императору и патріарху гораздо-выгоднѣе было бы согласиться на предложеніе Витовта и поставить для Кіева особаго митрополита, потому что при поставленіи двухъ митрополитовъ въ Москву и въ Кіевъ сошло бы больше даровъ, чѣмъ при поставленіи только одного. Не отъ Константинополя должно было бояться симоніи, а отъ иновѣрнаго короля польскаго: такъ въ 1398 году луцкій епископъ Іоаннъ покупалъ у Ягайла галицкую митрополию за 200 гривенъ и 30 коней (83). Наконецъ, западно-русское духовенство явно показало, что оно, обвиняя императора и патріарха царьградскаго,

(81) Акты, относящіяся къ исторіи Западной-Россіи, I, № 24.

(82) См. мою статью: *Взглядъ на состояніе духовенства въ Древней Руси*, напечат. въ «Чтеніяхъ Московскаго Историческаго Общества», стр. 13.

(83) Акты, относящіяся къ исторіи Западной-Россіи, I, № 12.

служило только видамъ Витовта, хотѣвшаго исторгнуть его изъ-подъ вліянія Москвы, ибо въ то время, какъ Москва отдѣлилась отъ Константинополя, Кіевъ, добывъ себѣ особаго митрополита, опять сталъ принимать его отъ рукъ цареградскаго патріарха, когда послѣдній уже находился подъ властію султана.

Очень-любопытна также граммата самого Витовта касательно избранія особаго митрополита для Кіева (84): «Сколько митрополитовъ ни было за нашею памятью, церкви не строили, только доходы брали, да въ инныя мѣста уносили. Видя это, мы, по смерти митрополита Кипріяна, послали въ Царьградъ владыку полоцкаго Θεодосія съ просьбою къ царю и патріарху, чтобъ его намъ поставили митрополитомъ, чтобъ сидѣлъ на столѣ кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь по давнему, какъ нашъ, потому-что, по Божію изволенію, мы владѣемъ Кіевомъ. Но они того не захотѣли... Намъ жаль стало смотрѣть: хотя мы и не вашей вѣры, да другіе люди со стороны скажутъ: господарь-то не той вѣры, такъ церковь и оскудѣла... Мы пишемъ вамъ это для того, чтобъ вы вѣдали, какъ это дѣло сталося. А кто хочеть, по старинѣ, держаться подъ властію митрополита кіевскаго, хорошо, а кто не хочеть, тому воля; но знайте то: мы не вашей вѣры, и еслибъ захотѣли, чтобъ въ нашей державѣ вѣра ваша ослабѣвала, и церкви ваши оставались нестроены, то мы бы о томъ и не заботились, никто насъ не могъ къ тому принудить. Но когда митрополита нѣтъ, или которій владыка умеръ бы на которой епископѣ, то мы бы держали какого-нибудь намѣстника; а доходъ церковный, митрополитчій и епископскій, себѣ бы брали; но мы, желая, чтобъ ваша вѣра не уменьшилась, и церквамъ вашимъ было строеніе, поставили митрополита въ Кіевъ, чтобъ русская честь вся стояла на своей землѣ».

Такъ подъ предлогомъ чисто-церковнымъ скрывалъ Витовтъ свои замыслы чисто-политическіе; такъ хвастался онъ своею терпимостью, своимъ равнодушіемъ въ дѣлахъ вѣры, что всего лучше доказалъ неоднократно перемѣною исповѣданія. Въ-слѣдствіе этого равнодушія, Витовтъ самъ не могъ быть гонителемъ православія; но для своихъ преемниковъ, менѣе-равнодушныхъ и менѣе-благоразумныхъ, онъ оставилъ вѣрное средство къ гоненію, расторгнувъ союзъ южно-русской церкви съ сѣверною, выставивъ первую безъ защиты на жертву врагамъ ея.

(84) Тамъ же, № 25.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ ДО ПОДЧИНЕНІЯ ЕЯ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ.

Статья вторая.

ГЛАВА III.

Смерть Витовта обрадовала польскихъ пановъ, трепетавшихъ передъ мыслию о самостоятельности литовской Руси; но не одни Поляки радовались смерти Кейстутовича: ей радовались и тѣ изъ Русскихъ, которымъ дорого было свое, и которые видѣли ясно, что Витовтъ, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, руководился однѣми корыстными цѣлями, что отступникъ отъ православія не могъ дѣйствовать въ духѣ русской народности. Ихъ надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Ольгердовича, который оказывалъ явное расположеніе къ православію (85) и явную ненависть къ Польшѣ. Польскіе лѣтописцы изображаютъ Свидригайла человѣкомъ преданнымъ вину и праздности, непостояннымъ, вспылчивымъ, безразсуднымъ, склоннымъ на всѣ стороны, куда вѣтеръ подуетъ (86), и находятъ въ немъ одно только доброе качество—щедрость. Мы, съ своей стороны, замѣтимъ только одно, что почти всѣхъ Гедиминовичей можно упрекнуть въ непостоянствѣ, видя, съ какою легкостью измѣняютъ они одной вѣрѣ и народности въ пользу другой, лишь бы только эта измѣна вела къ скорѣйшему достиженію извѣстной цѣли, что отличительную черту въ характерѣ Гедиминовичей составляетъ равнодушіе къ самымъ крѣпкимъ убѣжденіямъ человѣка, или, лучше сказать, отсутствіе всякихъ крѣпкихъ убѣжденій. Эта фамильная черта Гедиминовичей равно поражаетъ насъ какъ въ Ягайлѣ и Витовтѣ, такъ и въ послѣднемъ изъ Гедиминовичей, Сигизмундѣ-Августѣ, который точно такъ же былъ равнодушенъ, точно такъ же колебался между

(85) Dlugossi, l. XI, p. 358. Liberalitate tamen maxima, et miscendo se ebriatibus, multorum sibi animas mortalium consiliaverat, Ruthenorum singularius, in quorum ritum, licet esset Romanae religionis Princeps, ferebatur inclinatio... In Withaudi ducis morte, etsi nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Rutheni, laetabantur nimium, sperantes sibi, et sectae suae schismaticae meliora, rerum permutatione, et Switrigielli successione, cui magnum Lithuaniae destinabant principatum, proventura.

(86) Ibid.

католицизмомъ и протестантизмомъ, какъ предки его колебались между католицизмомъ и православіемъ; та же фамильная черта, наконецъ, замѣтна и въ тѣхъ Гедиминовичахъ, которые перешли на службу въ московское государство, преимущественно въ знаменитой фамиліи князей Мстиславскихъ, славныхъ отсутствіемъ крѣпкихъ убѣжденій. Быть-можетъ, причина такому явленію заключалась въ самомъ положеніи литовскаго народа, который, не успѣвъ выработать для себя крѣпкія основы народнаго характера, пришелъ въ столкновение съ различными чуждыми народностями: къ одной которой-нибудь изъ нихъ онъ долженъ былъ приравняться, не насильственно, однако, а съ правомъ выбора.

Но если непостоянство, отсутствіе крѣпкихъ убѣжденій, было отличительною чертою Гедиминовичей, то, намъ кажется, Свидригайла менѣе чѣмъ кого-либо изъ его родичей можно упрекнуть въ этомъ непостоянствѣ. Во всей его, съ перваго взгляда безпокойной, дѣятельности легко замѣтить одно постоянное стремленіе — противоборствовать польскому вліянію, опираясь на русскомъ началѣ; безпрестанныя неудачи, изгнаніе изъ родной страны, заточенія не отнимали духа у Свидригайла: побѣжденный, сломленный, онъ скоро снова поднималъ голову, снова преслѣдовалъ свою завѣтную цѣль; онъ не желалъ, подобно Витовту, титула королевскаго; онъ хотѣлъ быть только великимъ княземъ литовской Руси, но Руси независимой, освобожденной отъ польскаго вліянія: однимъ словомъ, въ поступкахъ Свидригайла мы замѣчаемъ гораздо-болѣе сочувствія къ интересамъ страны, чѣмъ въ поступкахъ Витовта, который постоянно имѣлъ въ виду однѣ личныя цѣли.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: русскіе и литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его великимъ княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайла, и тѣмъ обнаружилъ намѣреніе свергнуть польское иго. Кипя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ укорялъ короля и его польскихъ совѣтниковъ, грозилъ имъ достойною местию (87). Ягайло находился въ самомъ затруднительномъ положеніи; эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстии, что Поляки, услыжавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолію, вытѣснивъ оттуда литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолію Литвѣ. Тогда Поляки, окружавшіе короля, рѣшились умертвить Свидригайла и, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія короннаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру, и почелъ за лучшее возвратить брату Подолію. Свидригайло, обрадованный уступчивостью короля, утихъ, и началъ ласкаться къ брату; но паны польскіе были

(87) Dlugossi, l. XI, p. 360—361.

въ отчаяніи, что Подолія отходитъ отъ нихъ, и стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ отыскали: тайнымъ образомъ дали знать польскому коменданту Каменца, Михаилу Бучацкому, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвъ и заключилъ бы въ оковы ягайловыхъ и свидригайловыхъ посланцевъ; Бучацкій исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году, Ягайло возвратился въ Польшу; на сендомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоліи, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ великаго князя вооруженною силою, зная необыкновенную привязанность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату (88), и потому рѣшились попробовать сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подоліи и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Но, видно, они мало еще знали Свидригайла: первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; на второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину (89). Въ томъ же году (1431), Бржескій снова явился посломъ отъ Ягайла, снова говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину, но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а заключенъ въ тюрьму. Ягайло не посылалъ уже въ третій разъ къ брату, а выступилъ противъ него съ войскомъ, хотя, какъ выражается польскій историкъ, горьче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и роднаго брата (90). Свидригайло не уступалъ польскимъ требованіямъ, и военныя дѣйствія должны были открыться. Эта борьба между двумя національностями, изъ которыхъ одна незаконно посягала на права другой, велена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ страшнымъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощадны плѣнникамъ. Русскіе особенно изливали свою месть на ненавистное латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска; не смотря на то, по увѣренію польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться, и война кончилась бы съ выгодой и честью для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшалъ самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ (91), съ которыми онъ послѣдшилъ заключить перемиріе, при чемъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, Русскіе торжествовали отступленіе Поляковъ тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ луцкой землѣ.

(88) Dlugossi, l. XI, p. 573: Quia tamen durum et difficile visum est, illum de possessione Ducatus magni detrahere, cum quod Wladislaus Poloniae Rex occulto et intento ardore sciebatur sibi favere, tam quod a Ruthenos mirq diligebatur affectu, etc.

(89) Ibid. p. 574.

(90) Ibid. p. 582.

(91) Ibid. l. XI, p. 591.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ; но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ; онъ зналъ, что дѣло кончится ничѣмъ: Поляки не отстанутъ отъ своихъ требованій, а онъ не можетъ ни въ чемъ уступить имъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ великимъ княземъ открытою силою, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался православія и русскаго народонаселенія: это возбуждало негодованіе въ литовскихъ вельможахъ, особенно въ тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались этимъ негодованіемъ; они послали Лаврентія Зоронбу въ Литву съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ уговаривать литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію въ великіе князья витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ-нибудь лучше выполнить свое порученіе: противъ Свидригайла составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ стародубскій попалъ нечаянно на великаго князя и выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т. е. Малороссія), Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу, какъ онъ былъ имъ вѣренъ. Такимъ-образомъ, Русскія области въ другой разъ отдѣляются отъ Литвы подъ особымъ княземъ: въ оба раза вѣра служитъ основаніемъ этого дѣленія (92).

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король созвалъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой страны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочныхъ пословъ, въ челѣ которыхъ находился злой духъ Литвы и Руси — Збигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство и подчинилъ себя и свое княжество коронѣ польской. Легко объяснить причины такого поступка: Сигизмундъ собственными средствами не могъ держаться противъ русскаго князя Свидригайла: ему нужна была помощь Польши, авторитетъ ея короля. Но ясно, что подчиненіе Литвы Польшѣ не могло снискать Сигизмунду расположенія между Литовцами, для которыхъ была дорога польза и честь ихъ государства; вотъ почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окруженъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться, и хотя польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только врожденное непостоянство Литовцевъ (93), но мы имѣемъ право видѣть еще что-нибудь другое. Открытъ былъ и заговоръ на жизнь Сигизмунда, главами котораго были знаменитые

(92) Ibid. p. 614: *Movetur enim Rex et Consilarii ad id faciendum, quoniam Dux Switrigailus praefatus, non solum pessimo regimine et crudeli fracerat sed etiam in sectam Graecorum propensior existens, ritum Graecorum ultra Catholicum efferre et promovere, sollicitante eum ad id consorte sua, quem noviter ex principibus de Thwera acceperat, nifebatur.*

(93) Dlugossi, l. XI, p. 645: *Decernere enim campo judicabat (Sigismundus) periculosum, cum quod non aeque Marte videbat se pugnam initurum, tum quod suis plurimum diffidebat. Noverat enim Lithuanorum ingenia fluxa nimis esse, et ex levi momento variari.*

вельможи—Януть, палатинъ троккій, Румбольдъ, гетманъ литовскій; Януть и Румбольдъ, вмѣстѣ со многими другими соучастниками, погибли подъ топоромъ; это возбудило еще большее ожесточеніе противъ васалла Польши; Сигизмундъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайлomъ въ открытомъ полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Литва и Русь, когда въ 1434 году умеръ король Ягайло. Поляки возвели на престолъ сына его Владислава—не безъ смутъ, впрочемъ, и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Но перемѣна, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила отношеній Литвы и Руси: здѣсь попрежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайлomъ, попрежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на Литву, но, какъ всегда, былъ несчастливъ на войнѣ; войска его потерпѣли сильное пораженіе подъ Вилькомиромъ; Сигизмундъ, однако, недолго наслаждался своимъ торжествомъ. Мы уже упоминали о заговорѣ недовольныхъ Литовцевъ на его жизнь; казнь заговорщиковъ не утѣшила другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Въ 1440 году, князь Иванъ Чарторыйскій, Русскій родомъ и вѣрой (94), составилъ новый заговоръ, въ слѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни. Польскій лѣтописецъ говоритъ, что насильственная смерть была праведнымъ наказаніемъ Божиимъ Сигизмунду за его безнравственность (95): таковъ былъ князь, данный Литвѣ польскими крамолами.

По убіеніи Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, короля польскаго; другіе, возвеличенныя Сигизмундомъ, держались сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла, князя русскаго. Король Владиславъ былъ въ это время въ большомъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія, въ противномъ случаѣ грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ польскими вельможами, рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ посѣщилъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя роднаго брата своего, молодого Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя литовскаго, а въ качествѣ намѣстника польскаго короля (96). Литовскіе и нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ, въ томъ числѣ и Александръ или Оделько Владиміровичъ, князь кievскій, внукъ Ольгерда, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника владиславова, и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ; Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе; тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира великимъ княземъ. Видя это, король Владиславъ и его польскіе совѣтники придумали обезсилить Литву, отнять у князей ея средства къ сопротив-

(94) Ibid., I. XII, p. 723: Dux Iwan Czartoryiski ritus et generis Ruthenicis.

(95) Ibid. p. 724.

(96) Długossi, I. XII, p. 725—726.

ленію польскому владычеству; для этого они хотѣли раздѣлить литовскія области между Казиміромъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ мазовецкимъ; назначили и съѣздъ въ Парчевѣ, но никакъ не могли согласиться съ литовскими вельможами (97).

Въ 1444 году, Владиславъ, король польскій и венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ. Смерть Владислава была ударомъ для Литвы, потому-что опять затягивала связь ея съ Польшею, отъ которой она всѣми силами старалась высвободиться. Поляки пригласили звать Казиміра на польскій престолъ; тотъ, привыкнувъ къ Литвѣ, долго не соглашался, наконецъ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ, боясь угрозы, что они выберутъ въ короли врага его Болеслава мазовецкаго. Такимъ-образомъ, Литва снова должна была соединиться съ Польшею подъ однимъ властителемъ; но продолжала всѣми силами стоять за свою отдѣльность, за свои земли и права противъ польскихъ притязаній. Между-тѣмъ, въ 1452 году умеръ старикъ Свидригайло; въ 1471 году умеръ и послѣдній князь кievскій, Симеонъ Омельковичъ или Александровичъ, правнукъ ольгердовъ; по смерти Свидригайла, Литва и Русь видѣли въ Симеонѣ челоуѣка, который могъ поддержать ихъ независимость; быть ихъ самостоятельнымъ великимъ княземъ; вотъ почему король Казиміръ, по смерти Симеона, не посадилъ уже въ Кіевѣ сына его, который могъ быть для него и для сыновей его опаснымъ соперникомъ, но упразднилъ Кіевское Княжество, куда вмѣсто князя послалъ воеводу Поляка Мартина Гастолта. Кіевляне не хотѣли Гастолта, съ одной стороны потому, что онъ не былъ княземъ, съ другой же, и особенно потому, что былъ Полякомъ, но на ихъ ропотъ мало обратили вниманія, и Гастолтъ остался воеводою въ Кіевѣ (98). Не смотря на то, по смерти Казиміра, послѣдовавшей въ 1492 году, Литвѣ и Руси удалось опять отдѣлиться отъ Польши, и выбрать себѣ особаго, самостоятельнаго князя, Александра Казиміровича; но и этотъ князь, подобно отцу, былъ призванъ на польскій престолъ, умеръ бездѣтнымъ, и братъ его, Сигизмундъ, оставшійся единственнымъ потомкомъ Ягайла, необходимо соединилъ Литву и Русь съ Польшею; въ этомъ соединеніи онъ передалъ ихъ единственному сыну и наслѣднику — Сигизмунду-Августу, послѣднему изъ Ягеллоновъ.

Такимъ-образомъ, отъ времени вступленія на польскій престолъ Ягайла до самаго престѣченія его династїи, мы видимъ постоянное стремленіе Польши слить литовскую Русь съ собою воедино, и постоянное стремленіе послѣдней отдѣлиться отъ Польши, главною причиною котораго было различіе вѣроисповѣданій. Поляки ясно понимали, что до-тѣхъ-поръ, пока существуетъ это различіе, связь литовской Руси и Польши никогда не будетъ крѣпка; отсюда естественное и не-

(97) Ibid. p. 753: Quatenus Ducatus ipse in plures partitus, acciperet in his terris, quae nondum cultae sunt, augmentum, et Regibus Poloniae atque Regno, cui subjectus est, taliter diminutus, calcitrare non auderet.

(98) Густин. Лѣтопись, стр. 358.

обходимое стремленіе Польши уничтожить причину разъединенія, уничтожить разницу въ вѣрѣ, истребить православіе, которое было основою русской народности. Но ясно, что посягнуть на вѣру русскую, на основу русской народности, было крайне опасно для Польши, потому-что это посягательство заставляло Русь напричь всѣ свои силы для того, чтобъ отстоять основу своей народности и окончательно разорвать всякую связь съ Польшею. Литовская Русь, какъ было уже выше замѣчено, не заключала въ самой-себѣ основъ самобытной, самостоятельной государственной жизни, но подлѣ ней существовала другая Русь, единовѣрная и крѣпко сплоченная въ государственное тѣло подлѣ державою старой русской династіи, Рюрика. Ясно было, что при первомъ посягательствѣ Польши на русскую вѣру, литовская Русь должна будетъ обратиться къ Руси московской съ просьбою о помощи. Такъ и случилось: едва только Ягеллоны обнаружили посягательство на православіе, какъ русскіе князья, потомки Рюрика и Гедимина, являются въ Москвѣ и бьютъ челомъ ей государю своими вотчинами. Путь, побужденія къ соединенію обѣихъ частей Руси указаны; рано или поздно это соединеніе исполнится. Іоаннъ III явно говоритъ, что Югозападная Русь должна принадлежать ему, какъ потомку св. Владиміра; онъ посылаетъ въ Литву дочь для подкрѣпленія православія, старается отдалить католика Сигизмунда, брата александрова, отъ участія во владѣніи русскою землею (99). Сынъ Іоанна, Василій уже явно предлагалъ себя въ великіе князья литовско-русскіе, мимо Ягеллона Сигизмунда. Намѣреніе Василя не удалось, и московскіе государи не оставляли своихъ предначертаній, имѣя сильныя причины надѣяться на успѣхъ. А между-тѣмъ, Ягеллоны, съ своей стороны, думали, что назначеніе ихъ династіи состоитъ въ вѣчномъ соединеніи Литвы и Руси съ Польшею; послѣдній изъ Ягеллоновъ, Сигизмундъ-Августъ, не хотѣлъ успокоиться до-тѣхъ-поръ, пока не достигнетъ этого соединенія, и наконецъ, послѣ многихъ усилій, достигъ его на люблинскомъ сеймѣ. Но это желанное соединеніе приковывало только Польшу къ судьбѣ Руси, вовсе не уничтожая въ послѣдней неконнаго стремленія къ соединенію съ Москвою. Къ Москвѣ тянуло православное народонаселеніе литовской Руси (100); къ ней тянули и протестанты разныхъ сектъ, зная терпимость православной церкви и московскаго правительства.

Еще при жизни Сигизмунда-Августа, послы его, пріѣхавъ въ Москву договариваться о мирѣ, прямо объявили царю Іоанну Грозному о своемъ желаніи избрать его въ короли по смерти послѣдняго Ягеллона. 18 іюля 1582 года, умеръ Сигизмундъ-Августъ; говорятъ, что на смертномъ одрѣ онъ совѣтовалъ вельможамъ предложить соединенную

(99) См. объ этомъ въ моей книгѣ: «Исторія отношеній между русскими князьями рюрикова дома.»

(100) Въ 1564 году кардиналъ Коммендоне писалъ, что жители Кіева всѣ на сторону московскаго государя, по причинѣ единовѣрія: Tutti sono partiali del Mosko, per causa della religione. Turg. Histor. Rossiae Monumenta, I, № CXLV.

польско-литовскую корону царю московскому. Иоаннъ давно уже думалъ о наслѣдствѣ Ягеллоновъ: съ этою цѣлю, вѣроятно, онъ сватался на сестрѣ бездѣтнаго Сигизмунда, Екатериинѣ, желая такимъ образомъ упрочить себѣ и дѣтямъ своимъ право на Литву; но Сигизмундъ, враждуя тогда съ Иоанномъ, не согласился на царское предложеніе, и Екатерина была выдана за сына Густава-Вазы, шведскаго, Иоанна, герцога финляндскаго. Грозный, однако, хотѣлъ достигъ своей цѣли какимъ бы то ни было образомъ: узнавъ, что герцогъ финляндскій заточенъ братомъ своимъ, королемъ Эрикомъ, онъ требовалъ отъ Эрика выдачи Екатерины; но и это желаніе не было исполнено. Когда, по смерти Сигизмунда-Августа, польскіе и литовскіе паны прислали съ извѣстіемъ о королевской кончинѣ въ Москву гонца Федора Зенковича Воропаю, то Грозный объявилъ Воропаю о желаніи своемъ занять упраздненный престолъ Ягеллоновъ (101). «Ты привезь мнѣ извѣстіе о смерти моего брата, короля Сигизмунда» сказалъ Иоаннъ Воропаю: «я слышалъ объ этомъ и прежде, да не вѣрилъ... Такъ теперь паны польскіе и литовскіе остались безъ главы: потому-что хотя въ Польшѣ и Литвѣ много головъ, да нѣтъ одной доброй головы, которая бы всѣмъ заправляла и къ которой бы все относилось, какъ потоки водные къ морю протекають. Если ваши паны захотятъ взять меня къ себѣ въ государи, то сами увидятъ, какого приобрѣтутъ во мнѣ защитника и добраго государя: не только поганство, но и самый Римъ и никакое королевство не будетъ въ состояніи сопротивляться намъ, если земли наши соединятся. Знаю, что многіе въ землѣ вашей называютъ меня злымъ и гнѣвливымъ; то правда, что я гнѣвливъ и золъ, самъ то знаю и не хвалюсь; но пусть же спросятъ меня, на кого я золъ? Отвѣчаю: кто противъ меня лихъ, на того и я лихъ; а кто добръ, тому отдамъ послѣднюю цѣпь и платье, что на мнѣ.»

Тутъ царь обратился къ недавнему событію, сожженію Москвы Дивлет-Гиреємъ, въ чемъ видѣлъ явную измѣну воеводъ; онъ продолжалъ: «Вотъ какова была измѣна моихъ людей противъ меня; но измѣнниковъ вездѣ карають... У васъ есть мой отъѣзжные, Курбскій, который погубилъ у меня жену, а у него мать (тутъ царь указалъ на старшаго сына своего, Ивана); а я, Богъ свидѣтель, не думалъ его казнить, но хотѣлъ только отнять у него должности»...

Важны слѣдующія слова царя, изъ которыхъ видно, какъ онъ дорожилъ Лифляндію: «Я не стою за Полоцкъ и за всѣ его пригороды; еслибъ даже пришлось, придамъ къ нему и своихъ московскихъ волостей; но за то пусть паны уступятъ мнѣ Лифляндію по Двину. Если паны захотятъ выбрать себѣ въ короли кого-нибудь изъ моихъ сыновей, то у меня ихъ только двое, какъ два глаза у головы; отпустить кого-нибудь изъ нихъ отъ себя, все равно, что вырвать сердце у человѣка.» Потомъ царь примолвилъ о протестантахъ; онъ не могъ не знать, что они скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ

(101) Turg. Histor. Russiae Monim. I, M CLXIII.

католическихъ сонскателей; однако, говоря съ католикомъ, онъ сказалъ: «Есть въ вашей землѣ польской и литовской вѣра Мартына Лютера, вотъ, что образа истребляютъ; этимъ людямъ не хочется имѣть меня государемъ, но я объ нихъ ничего говорить не буду, потому-что священное писаніе дано не на брань и не на гнѣвъ, а на тихость и на покорность.»

Сойскателями Грознаго были: 1) Эрнестъ, сынъ императора Максимилиана, 2) герцогъ д'Анжу, братъ Карла IX, французскаго, 3) король шведскій Іоаннъ Ваза, или сынъ его Сигизмундъ, рожденный отъ Екатерины Ягеллонъ. Царь не хотѣлъ унижать передъ панами ни своего достоинства, ни достоинства своего государства, и потому не явился искателемъ; притомъ обширный умъ его долженъ былъ ясно видѣть множество препятствій, которыя могли произойти для московскаго государства отъ присоединенія Польши въ то время; другое дѣло получить безъ оружія единовѣрную литовскую Русь, полное сліяніе которой съ московскимъ государствомъ казалось такъ легко. Вотъ почему царю хотѣлось особенно, чтобъ Литва избрала его великимъ княземъ отдѣльно отъ Польши, ибо въ такомъ случаѣ послѣдняя, ослабленная присоединеніемъ литовско-русскихъ областей къ московскому государству, не могла быть опасною для Москвы. Съ другой стороны, Іоаннъ могъ думать, судя по недавнимъ успѣхамъ своего оружія, что покореніе литовской Руси не замедлитъ и безъ того, и что съ покоренными областями гораздо-легче распорядиться, чѣмъ съ добровольно-присоединившимися; онъ хорошо зналъ, что такое была Польша съ своими панами и сеймами, и потому не могъ прельщаться польскою короною. Главною заботою царя въ это время было приобрѣтеніе прибалтійскихъ областей и безопасность отъ грозныхъ замысловъ султана, который недавно еще пытался отнять у Москвы Астрахань и Казань. Вотъ почему, въ случаѣ, если сеймъ не изберетъ его самого въ короли, Іоанну хотѣлось, чтобъ избранъ былъ сынъ императора, естественный врагъ Турковъ, а не герцогъ д'Анжу, котораго царь считалъ союзникомъ Турковъ. Когда пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ отъ сейма Гарабурда, царь сказалъ ему (102): «Ты говоришь, что паны-рада Великаго Княжества Литовскаго не хотятъ безъ Польши избирать себѣ государя: ну, въ томъ ихъ воля! Еще ты говорилъ, чтобъ мы возвратили вамъ Смоленскъ и Полоцкъ съ пригородами, Усвятомъ и Озеричемъ—это не дѣло: съ какой стати я стану отнимать земли у своего государства? хорошо увеличивать государство, а не уменьшать. Съ какой стати я дамъ вамъ сына своего Федора съ убыткомъ своему государству? Польша и Литва—земли не бѣдныя, могутъ содержать короля, а сынъ нашъ не дѣвка, что ему приданое давать.» Царь никакъ не согласился также допустить избирательную форму правленія въ Польшѣ и Литвѣ: онъ хотѣлъ вѣчнаго соединенія обоихъ государствъ съ московскимъ. Но такъ-какъ избраніе царевича Федора вовсе не

правилось Грозному, то онъ поспѣшилъ завести рѣчь о собственномъ избраніи и потомъ перейти къ любимой мысли о присоединеніи Великаго Княжества Литовскаго къ московскому государству: «Сынъ мой Федоръ молодъ, бороться съ нашими и своими непріятелями не въ состояніи; знаю, что нѣкоторые изъ Поляковъ и изъ вашихъ (т. е. Литовцевъ) хотятъ меня самого имѣть государемъ: это было бы гораздо—лучше.»—Гарабурда возражалъ, что избранію самого царя препятствуетъ обширность трехъ владѣній; что одинъ государь долженъ безпрестанно переѣзжать изъ одного въ другое для защиты вѣншей и дѣлъ внутреннихъ, кого тогда онъ будетъ оставлять на свое мѣсто? При томъ, безъ принятія римской вѣры, онъ не можетъ быть королемъ въ Польшѣ. Царь отвѣчалъ: «Мы хотимъ быть государемъ на всѣхъ трехъ государствахъ и управлять ими можемъ, и причины, тобою выставленныя, тому не препятствуютъ. Въ титулъ нашемъ будетъ стоять напередѣ царство московское, потомъ Королевство Польское и Великое Княжество Литовское, при чемъ одинъ только Кіевъ безъ пригородовъ отходить къ государству московскому, равно Лифляндія по Двину, Курляндія же и Полоцкъ съ пригородами отходить къ Литвѣ; титулъ будетъ: «Божіею милостію государь, царь и великій князь всея Руси, кіевскій, владимирскій, московскій, король польскій, великій князь литовскій, русскій, Великаго-Новгорода, царь казанскій, царь астраханскій, а потомъ росписать области русскія, польскія и литовскія по мѣрѣ ихъ важности. Вѣрѣ нашей быть въ особомъ уваженіи; намъ вольно ставить церкви въ нашихъ замкахъ, волостяхъ и дворахъ. Правъ и вольностей панскихъ нарушать не будемъ. Когда достигнемъ старости и захотимъ удалиться въ монастырь, то паны—рада должны намъ то дозволить, и выбрать въ государя изъ нашихъ дѣтей, кого имъ будетъ угодно. Но еслибы Великое Княжество Литовское захотѣло нашего государствованія одно, безъ короны польской, то это намъ было бы гораздо—пріятнѣе. Литва будетъ соединена съ Москвою, какъ прежде была соединена съ Польшею, а которыя земли литовскія были отобранны къ Польшѣ (что мы хорошо знаемъ), тѣ земли отыскать и возвратить Литвѣ, кромѣ одного Кіева, который отойдетъ къ Москвѣ. Если же Литвѣ нельзя отдѣлиться отъ Польши, то ужь лучше выберите себѣ въ государя императорскаго сына, потому—что, въ—самомъ—дѣлѣ, я уже становлюсь старъ, и тремя государствами управлять мнѣ будетъ трудно. Но если Польша и Литва хотятъ имѣть насъ своимъ государемъ, то мы не прочь; еслибъ даже и одно Великое Княжество Литовское хотѣло насъ, то намъ это еще было бы пріятнѣе. Но объявляемъ тебѣ и панамъ раднымъ сказать велимъ, чтобъ не выбирали въ короли Француза, потому—что онъ будетъ гораздо—болѣе желать добра Туркамъ, чѣмъ христіанамъ. Если же возьмете Француза, то знайте вы, Литовцы, что мнѣ надъ вами промышлять.»

Когда уже Гарабурда собрался совсѣмъ ѣхать, то пришли къ нему царскіе повѣренные—Умный, Плещеевъ и двое дьяковъ Щелкаловыхъ, и сказали—ему отъ имени царскаго: если одно Великое Княжество Литовское захочетъ признать Юанна своимъ государемъ, то онъ охотно

согласится, какъ уже и самъ объявилъ, и чтобъ при этомъ паны литовскіе не боялись ничего отъ Польши: царь помирить ихъ съ нею.

Но переговоры Грознаго съ Гарабурдою остались безъ слѣдствій: Ходкѣвичъ, папскій легатъ Коммендоне и французскій посолъ Монлюкъ превозмогли на сеймѣ, не смотря на сопротивленіе диссидентовъ, и Генрихъ Анжу былъ избранъ королемъ. Однако, диссиденты, зная, чего имъ можно ожидать отъ брата Карла IX, приняли свои мѣры: они образовали варшавскую конфедерацію, и Генрихъ долженъ былъ присягою утвердить права ихъ. Избраніе Анжу еще тѣснѣе сблизило интересы московскаго и австрійскаго дворовъ; Максимилианъ уведомилъ царя о вареоломеевской ночи, въ которую французскій король истребилъ болѣе 100,000 подданныхъ единственно за различіе въ вѣрѣ; Іоаннъ отвѣчалъ ему: «А что, братъ нашъ дражайшій, скорбишь о кровопролитіи, что учинилось у францовскаго короля, въ его королевствѣ нѣсколько тысячъ и до ссущихъ младенцевъ избито, и о томъ крестьянскимъ государемъ пригоже скорбѣти, что такое безчеловѣчество французской король надъ толикимъ народомъ учинилъ, и кровь толику безъ ума пролилъ» (103).

Анжу немного нацарствовалъ въ Польшѣ; послѣ его бѣгства снова началось избраніе, и тутъ у царя явилось много доброжелателей. Папскій нунцій въ Польшѣ писалъ къ кардиналу комскому, что хотя знатные паны никакъ не хотятъ видѣть на престолѣ царя, однако народъ очень расположенъ къ послѣднему (104). Въ другомъ письмѣ онъ извѣщаетъ, что Іоанна желаетъ все мелкое дворянство польское и литовское, особенно же желаютъ его всѣ русскія области, и что перехвачены письма, отправленныя къ царю нѣкоторыми вельможами польскими и русскими (105). Въ-самомъ-дѣлѣ, архіепископъ гнѣзенскій, Яковъ Уханскій, Янъ Глѣбовичъ, кастелянъ минскій и другіе вельможи снова обратились къ Іоанну; но тотъ преслѣдовалъ свою любимую мысль отдѣлать Великое Княжество Литовское отъ Польши. Не достигши этого прежде путемъ переговоровъ, онъ хотѣлъ достигнуть теперь путемъ силы, именно хотѣлъ подѣлать наслѣдіе Ягеллоновъ между Австріею и Москвою: себѣ взять Литву и Русь, а Польшу отдать Эрнесту, сыну максимилианову; вотъ почему онъ не далъ панамъ рѣшительнаго отвѣта, и ждалъ рѣшенія вопроса отъ обстоятельныхъ переговоровъ съ Максимилианомъ. Но Максимилианъ не былъ въ уровень Іоанну, и въ то время, когда въ Москвѣ происходили бесполезные переговоры съ австрійскими послами, толковавшими, вмѣсто Польши, объ изгнаніи Турковъ изъ Константинополя, сеймъ избралъ въ короли Стефана Баторія, князя седмиградскаго. ✓

Быть-можетъ, нѣтъ ни одного историческаго лица, которое, при видимомъ блескѣ и величіи, имѣло такое черное значеніе въ исторіи народовъ, какъ Стефанъ Баторій. У московскаго государства онъ от-

(103) Карамз. IX, примѣч. 434.

(104) Histor. Russiae Monim. I, № CLXXX.

(105) Histor. Russ. Monim. I, № CLXXXI.

плятъ прибалтійскія области, средство соединенія съ Западною Европою; на Польшу и литовскую Русь навелъ іезуитовъ, и такимъ образомъ явился для славянскаго міра величайшимъ гасильникомъ просвѣщенія. По смерти Баторія, сеймъ, созванный для избранія короля, раздѣлился на три партіи: австрійскую, шведскую и московскую. Въ Москвѣ царствовалъ Θεодоръ, правилъ Годуновъ. Литва попрежнему была за царя московскаго (106); его приверженцы превосходили числомъ; касательно условій избранія обѣ стороны уступали: Годуновъ ничего не упоминалъ о наслѣдственности въ домѣ Θεодора, давалъ богатія обѣщанія немедленно начать войну съ Турками и завоевать въ пользу Польши Молдавію, Валахію, Боснію, Сербію, Венгрію, дать бѣдной шляхтѣ зѣмли по Дону и Донцу, заплатить ратнымъ людямъ долги Баторія, завоевать Эстонію для Польши, взявъ себѣ только Нарву, подтвердить права вельможъ; послы наши даже соглашались дать послѣднимъ 100,000 злотыхъ. Уступили и въ титулѣ: Θεодоръ долженъ былъ писаться царемъ всея Руси, королемъ польскимъ, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ и литовскимъ. О Лифляндіи, о Кіевѣ ни слова! Всѣ выгоды присоединенія были явно на сторонѣ Польши. Съ своей стороны литовскіе вельможи тайно сказали нашимъ посламъ, что Θεодоръ можетъ остаться въ православномъ законѣ, не ссорясь только явно съ папою. Но въ то время, какъ преданные Москвѣ литовскіе вельможи вели переговоры съ нашими послами, канцлеръ Замойскій, стоявшій въ челѣ шведской партіи, не терялъ времени и провозгласилъ королемъ Сигизмунда, сына короля Іоанна-Вазы и племянника послѣдняго Ягеллона. Узнавъ объ избраніи Сигизмунда, Годуновъ возобновилъ было намѣреніе Грознаго присоединить одну Литву, но было уже поздно; поздно было хлопотать и о возведеніи австрійскаго герцога Максимилиана, который прежде хотѣлъ быть царемъ московскимъ (107): австрійская партія была самая слабая; литовскіе вельможи говорили нашимъ посламъ: «цесарева брата и помянуть у насъ никто не хочетъ, для того, что онъ не богатый государь, и къ тому должной; и какъ только у насъ на государствѣ будетъ, и онъ тотчасъ захочетъ богатѣть, да и долги платить, и то все станеть съ насъ братъ. Да и потому цесарева брата не хотимъ: которыя государства поддались цесарю, и онъ на нихъ дань положилъ... У насъ то писаное дѣло, что нѣмецкій языкъ славянскому языку никакъ добра не смыслить...»

Замойскій, провозгласивъ Сигизмунда, погнался за Максимилианомъ,

(106) Dzieie panowania Zygmunta III, przez I. U. Niemewicza, t. I, p. 32—35.

(107) Zródła do dziejow Polskich. Matin. I, 62. Письмо короля Стефана Станиславу Тарновскому 1583 года: Jam a multo tempore crebris fumoribus ad nos perferebatur Arhiduces Austriae laborare, ut in locum... minus idonei Moschoviae ducis, Maximilianus Romanorum Imperatoris frater assumatur. Ipsam etiam Mosc. legationem eam ob causam apud Imperatorem fuisse recensent. Gedano nobis significatum est, non modo Austriacem familiam in id incumbere, sed et Electorum principum conventum Ratisbonæ haberi, ad consultandum de modo deducendi Maximilianum in Moschoviam.

разбилъ его въ Силезіи, взялъ въ плѣнъ и освободилъ подъ условіемъ не думать о Польшѣ. Такимъ образомъ домъ Вазы взомель и на польскій престолъ; соединеніе Польши и Литвы съ Швеціею грозило Сѣверной Европѣ страшнымъ могуществомъ, но іезуиты постарались подкопать это могущество. Сигизмундъ былъ воспитанникъ іезуитовъ, и, по вступленіи на престолъ польскій, тотчасъ же окружилъ себя ими, и во все царствованіе слѣдовалъ ихъ внушеніямъ. Слѣдствіемъ этого была сперва потеря короны шведской, ибо Шведы не хотѣли допустить Сигизмунда разрушить дѣло знаменитаго дѣда его, Густава Вазы, и ввести снова католицизмъ, да еще въ прибавку съ іезуитами. Какъ дѣйствовали іезуиты въ Польшѣ, видно изъ слѣдующаго: въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа, въ сенатѣ находилось только два свѣтскіе сенатора, которые были католическаго исповѣданія. При Баторіи, со введенія іезуитовъ въ королевство, число католическихъ сенаторовъ увеличилось значительно; однако, при вступленіи на престолъ Сигизмунда III-го, еще большая часть сенаторовъ состояла изъ диссидентовъ; но при смерти Сигизмунда III-го оставалось только два сенатора изъ диссидентовъ. Восторжествовавъ надъ протестантизмомъ въ Польшѣ и Литвѣ, іезуиты обратились противъ православія: іезуитамъ хотѣлось подорвать московское вліяніе въ литовской Руси и, окатоличивъ послѣднюю, дѣйствовать черезъ нее и на Русь московскую. Но они сильно ошиблись въ своемъ разчетѣ: успѣхъ въ борьбѣ съ протестантизмомъ ослабилъ ихъ; они забыли, что протестантизмъ былъ явленіе новое, распространился въ высшихъ слояхъ народонаселенія въ слѣдствіе моды, выгоды, и, не имѣя крѣпкой, исторической основы, такъ же скоро ослабѣлъ, какъ быстро усилился. При совершенно-другихъ условіяхъ существовало православіе: это была вѣра отцовъ, вошедшая въ плоть и кровь народонаселенія, и самой огромной массы его, которая отличается всегда стойкостью въ сохраненіи старины, особенно когда дѣло идетъ о самомъ высшемъ интересѣ; и вотъ простое русское народонаселеніе выставило сперва сопротивленіе страдательное, но потомъ, будучи выведено изъ терпѣнія, встало — и судьба Польши была рѣшена. Сценою возстанія Русскихъ за вѣру была древняя Русь, называвшаяся въ описываемое время Малороссіею: къ сему исторіи мы и должны теперь обратиться.

ГЛАВА IV.

Мы видѣли, какъ Южная Русь, ослабѣвшая въ слѣдствіе родоваго быта, не могла выработать сама изъ себя началъ государственныхъ и принуждена была признать вліяніе сперва сѣверныхъ великихъ князей владимірскихъ, а потомъ, послѣ нашествія Монголовъ, подчиниться великому князю литовскому. Прежніе князья Рюриковичи исчезли, или

потеряли свое прежнее значеніе; но не могли исчезнуть ихъ дружины, которыя попрежнему составляли военное сословіе. Мы знаемъ, что дружины нашихъ князей наполнялись пришлецами отовсюду; знаемъ также, что Южная Русь кипѣла разными народцами, которые примыкали къ дружинамъ княжескимъ; теперь, послѣ монгольскаго нашествія, при владычествѣ литовскомъ, обстоятельства не могли перемяниться; напротивъ, число бѣглецовъ, желавшихъ войти въ военное сословіе Украйны, еще увеличилось въ слѣдствіе притѣсненій, которымъ подверглось нисшее сельское народонаселеніе отъ шляхты въ Польшѣ и вообще русское народонаселеніе отъ Поляковъ, преимущественно въ Галиціи; еще въ 1232 году папа Григорій IX писалъ, что польскіе крестьяне, притѣсняемые землевладѣльцами, бѣгутъ въ Русь (108); послѣ эти притѣсненія все болѣе и болѣе усилялись (109); слѣдовательно, число перебѣжчиковъ долженствовало увеличиваться; такимъ-образомъ, Украйна наполнялась людьми отважными, приходившими сюда искать облегченія отъ тяжелой доли, какую они терпѣли въ отечествѣ. Люди вольные и бездомные во всѣхъ русскаихъ областяхъ и у Татаръ назывались казаками; скоро это названіе распространилось и на все малороссійское военное сословіе, хотя несправедливо, какъ увидимъ. Собственно названіе казаковъ прилично было запорожцамъ, которые представляли дружину въ полномъ ея характерѣ, не подчиняясь никакому вліянію ни государственному, ни семейному, ибо не допускали къ себѣ женщинъ. По исчезновеніи князей, малороссійское военное сословіе не могло оставаться безъ вождя: явились гетманы. Первые гетманы были истые вожди дружинъ, какихъ представляетъ намъ исторія среднихъ вѣковъ, *duces ex virtute*. Это были храбрые изъ храбрыхъ, которые собирали около себя толпу удалцовъ и совершали съ ними тѣ дивныя воинскіе подвиги, о какихъ уже забыла въ то время Западная Европа. Какое было отношеніе первыхъ гетмановъ къ великимъ князьямъ литовскимъ—объ этомъ трудно сказать положительно; болѣе чѣмъ вѣроятно, что это отношеніе было самое свободное и неопредѣленное; такъ же свободно и неопредѣленно было отношеніе первыхъ гетмановъ и къ войску. Первымъ извѣстнымъ вождемъ малороссійскаго войска былъ Предславъ Ланцароускій, явившійся въ 1506 году (110). Вѣдущая исторія Малороссіи при первыхъ гетманахъ состоитъ преимущественно въ войнахъ съ Татарами и Турками; исторія эта смутна, отличается противорѣчiami, которыя простираются болѣею частію изъ

(108) Histor. Rnss. Monim. I, № XXXV.

(109) Андрей Фридрихъ Модрзевскій.

(110) Мы не станемъ спорить съ г. Маркевичемъ насчетъ названія *гетманъ*. Назывались ли первые вожди малороссійскихъ казаковъ гетманами или нѣтъ — отъ рѣшенія этого вопроса исторія мало выиграетъ: мы не получимъ болѣе точнаго и яснаго опредѣленія отношеній, если узнаемъ, что они точно именовались гетманами; но что, будучи вождями войска, они не имѣли значенія позднѣйшихъ гетмановъ, не были правителями страны, это ясно, и мы вполне согласны съ г. Бантышъ-Каменскимъ. (См. статью г. Маркевича — «О первыхъ Гетманахъ Малороссійскихъ», въ «Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ.», годъ III, № 9.)

того, что позднѣйшіе историки предполагали здѣсь болѣе или менѣе правильное устройство, правильныя отношенія, правильное избраніе гетмановъ на всю жизнь и т. п., чего повсе не было. Вотъ почему такъ трудно согласить малороссійскихъ историковъ касательно порядка, въ какомъ гетманы слѣдуютъ одинъ за другимъ—знакъ, что при не-правильности избранія нѣкоторые изъ нихъ были современны; сюда же присоединяется сношеніе запорожскихъ вождей съ вождями мало-россійскаго войска, и выходитъ страшная путаница. Такъ послѣ Лянц-каронскаго, полагають гетманомъ знаменитаго князя Дмитрія Вишневецкаго и хвалятъ его за попеченія о внутреннемъ устройствѣ страны, хотя очень-странно, что онъ могъ устроить ее въ-продолженіе одного года—отъ 1513 до 1514! Конискій преспокойно хоронитъ его въ 1514 году, а по другимъ извѣстіямъ самыя знаменатыя его дѣла относятся къ 1557 году! Рядомъ съ Дмитріемъ Вишневецкимъ ставятъ гетмана Евстафія Ружинскаго, которому приписываютъ организацію малороссійскаго войска (111). Прежде это войско раздѣлялось на околицы, состоявшія изъ одного селенія, и на курени, состоявшія изъ нѣсколькихъ селеній; отсюда названіе куренной и околичной шляхты. Старые служивые назывались *товариществомъ* (дружина), молодые *казаками* (только!). Курени и околицы управлялись выбранными атаманами и товарищами, которые разбирали маловажныя распри и мирили; по важнымъ же земскимъ дѣламъ войны разбирались и судились въ повѣтовыхъ и городскихъ судилищахъ. По службѣ воинской они выдались хорунжими повѣтовыми, которые обязаны были дѣлать смотры и описи казакамъ и ихъ вооруженію, также хранили знамена или хоругви повѣтовыя. Въ случаѣ похода, хорунжіе повѣщали по куренямъ сборъ въ назначенныя мѣста, гдѣ изъ собравшихся казаковъ и товарищества составлялись полки и сотни, и въ нихъ избирались вольными голосами все чиновники высшіе и нисшіе, которые считались въ своихъ чинахъ только во время похода; по возвращеніи же изъ него переходили въ прежнее состояніе, съ названіемъ товарищей и съ нѣкоторымъ вліяніемъ при подачѣ голосовъ. Но казаки собирались часто безъ позыва хорунжихъ, выбирали начальниковъ, составляли такъ-называемые охочкомонные полки и отправлялись на Турцію, Молдавію, Крымъ, подъ предлогомъ освобожденія плѣнниковъ, а въ-самомъ-дѣлѣ для грабежа. Ясно, что такія казацкія прогулки раздражали Турцію, которая обвиняла въ нихъ польское правительство. Вотъ почему король Сигизмундъ I рѣшился прекратить казацкое своеволие болѣе-правильнымъ устройствомъ малороссійскаго войска. Въ-слѣдствіе этого, гетманъ Ружинскій учредилъ двадцать непременныхъ казацкихъ полковъ, въ 2000 человекъ каждый; имена эти полки получили отъ главныхъ городовъ, напр. кievскій, переяславскій и т. д. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, названныя такъ же по городамъ и мѣстечкамъ. Во всякій полкъ опредѣлены были выбранные товариществомъ и казаками изъ заслу-

женныхъ товарищей полковники, сотники и старшины полковые и сотенные, которые оставались въ этихъ чинахъ на всю жизнь. Полки должны были наполняться выбранными изъ куреней и околицъ молодыми казаками, записанными въ реестръ до положеннаго на выслугу срока, и отъ-того назывались реестровыми казаками. Въ мирное время, содержались они собственнымъ имуществомъ, а въ случаѣ войны получали жалованье изъ малороссійскаго скарба. Но мы видимъ, что въ Малороссію безпрестанно стекались отовсюду бѣглецы еще бездомовные, пеосѣдые; государству нужно было куда-нибудь дѣвать этихъ людей, употребить ихъ на собственное служеніе: въ противномъ случаѣ, они обратились бы прямо противъ государства. Для помѣщенія такихъ охотниковъ, называвшихся *гультями*, устроено пять *охочекомонныхъ* полковъ, называвшихся по фамиліямъ полковниковъ, назначаемыхъ гетманамъ; охочекомонные содержались на пограничной стражѣ, въ нзвѣстныхъ рѣкѣ Самары, Буга и Днѣстра, и получали ежегодно незначительное жалованье и больше довольствовались звырюю и рыбною ловлею; за поведеніе ихъ отвѣчали полковники. Малороссійскимъ казакамъ дано было устройство; но, разумѣется, нельзя было дать его запорожскимъ казакамъ, гультямъ, охочекомоннымъ по-преимуществу, которые и бѣжали за пороги большею частію для того, чтобъ освободиться изъ-подъ опеки государственной. Въкѣ дружинѣ прошелъ безвозвратно; дружины сдѣлали свое великое дѣло, внесли новое начало, новую жизнь въ разслабленное государственное тѣло Рима, сдѣлали и свое великое дѣло у насъ, на востокъ Европы, положивъ основаніе русскому государству. Но въ описываемое время дружина была анахроническимъ явленіемъ; она могла существовать въ степяхъ Юговосточной Европы подлѣ государствъ, но имѣть какое-либо вліяніе на нихъ, кромѣ вреднаго, внѣшняго, не могла; ибо эти государства (я разумью русское и польское) были еще такъ слабы, что допускали существованіе подлѣ себя дружины, но вмѣстѣ съ тѣмъ были уже и такъ сильны, что не позволяли дружинѣ имѣть на себя внутреннее вліяніе. Вотъ почему въ описываемое время казачьи общества представляли дружину праздную, запоздалую, которой грозило уничтоженіе при усиленіи государства.

Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ съ Турками и Татарами, гетманъ Ружанскій умеръ въ 1534 году. Послѣ него упоминають *Венжика Хмельницкаго*, какъ вождя малороссійскаго войска; къ его временамъ относятся подвиги князя Дмитрія Вишневецкаго и люблинскій сеймъ. Князь Дмитрій Вишневецкій былъ истый казакъ: ему не сидѣлось на мѣстѣ, ему не нравилось миролюбіе Сигизмунда-Августа, который сдерживалъ казаковъ въ ихъ своевольныхъ набѣгахъ на турецкія области. Вишневецкій, набравъ себѣ удалую дружину, засѣлъ съ нею на Хортицкомъ-Островѣ, предложилъ услуги царю Іоанну, и полъ московскими знаменами опустошилъ Крымъ. Потерпѣвъ неудачу здѣсь, Вишневецкій занялъ Черкасы и Каневъ, обещалъ царю возвратить ему отъ Польши и весь правобережскія области; но Іоаннъ, котораго вниманіе обращено было тогда на Лифляндію и дѣла внутреннія, не хо-

тѣль въ угоду безпокойному Вишневецкому начинать войны съ Польшею, возвратилъ оба города Сигизмунду-Августу, а Вишневецкаго переселъ въ Бѣлевъ. Наскучивъ сидѣть въ Бѣлевѣ, Вишневецкій снова пришелъ къ королю; тотъ заблагоразсудилъ осведомиться у самого царя о причинахъ этого перехода, думая, вѣроятно, что царь усилить за это вражду съ Польшею; но Грозный спокойно отвѣчалъ: «пришелъ онъ какъ собака, и пошелъ какъ собака, а мнѣ, государю, и землѣ убытка никакого не причинилъ». — Не могли ни ходить, ни ѣздить на конѣ отъ старости, Вишневецкій не думалъ однако успокоиваться: молдавскіе бояре призвали его быть у нихъ господаремъ, на мѣсто Стефана IX, которымъ были недовольны; старикъ пошелъ и былъ схваченъ Стефаномъ и отправленъ въ Константинополь, гдѣ погибъ въ страшныхъ мукахъ съ изумительною твердостью.

Между-тѣмъ, на люблинскомъ сеймѣ, гдѣ Великое Княжество Литовское соединено навѣки съ Польшею, русская земля и княжество кievское были отторгнуты отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ безъ всякаго права и основанія. Известно было всѣмъ, что княжество кievское присоединено къ Литвѣ Гедиминомъ — а между-тѣмъ послѣдній потомокъ этого Гедимины не постыдился сказать слѣдующее въ актѣ присоединенія: «Мы, помня присягу нашу, которою обязались предъ всеми обывателями коронными — все, оторванное отъ упомянутой короны возвратитъ по силѣ нашей, прежде всего возвращаемъ ей русскую землю и княжество кievское, ибо, по сушеи правдѣ, что изъ всѣхъ древнихъ исторій и писаній всякъ подлинно увидитъ можетъ, Кіевъ былъ и есть главою и главнымъ мѣстомъ русской земли, а русская земля вся отъ давнихъ временъ, предками нашими королями польскими присоединена къ польской коронѣ, частью чрезъ войну, частью чрезъ добровольное подданство и наслѣдство, послѣ нѣкоторыхъ ленныхъ князей, которые ее межъ собою дѣлили: что все можно видѣть изъ привилегій, хранящихся въ нашей казнѣ. Между послѣдними есть много такихъ, которыя именно свидѣтельствуютъ о княжествѣ кievскомъ, что оно должно принадлежать коронѣ польской вѣчно, какъ и принадлежало всегда до самого Владислава Ягайла короля, прадеда нашего, который, начавъ государствовать надъ обоими народами, Поляками и Литвою, нераздельно, хотѣлъ княжество кievское отлучить отъ Польши и оставить при Литвѣ, безъ совзволенія всѣхъ становъ коронныхъ, которые, какъ ему самому, королю Владиславу, такъ и его наслѣдникамъ, предкамъ нашимъ, королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ, и намъ самимъ о той землѣ прилежно всегда напоминали, чтобъ возвратитъ ее коронѣ» (112).

Трудно найти въ архивахъ какой-нибудь другой страны такой безчестный актъ, въ которомъ бы исторія была такъ дерзко поругана. Въ силу этого акта, княжество кievское присоединилось къ Польшѣ,

(112) Ригельмана «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи», въ «Чтен. Москов. Истор. Общ.» 1847 г. № 9, стр. 91.

какъ равное къ равному, вольное къ вольному; жители Кіевскаго Княжества уравнины съ жителями королевства польскаго во всѣхъ привилегіяхъ. Одинакой участи съ Кіевскимъ Княжествомъ подверглась и Вольшь.

Послѣ Венжика Хмѣльницкаго помѣщаютъ гетманомъ князя Михаила Вишневецкаго. По свидѣтельству Конискаго, этотъ Вишневецкій дѣятельно помогъ московскимъ войскамъ освободить Астрахань отъ огромной турецкой и татарской рати; но источники московскіе и польскіе ничего не знаютъ объ этомъ дѣлѣ. Лѣтопись Самовидца, важный источникъ малороссійскій, и за нею Ригельманъ, вовсе не знаютъ князя Вишневецкаго какъ гетмана, и послѣ В. Хмѣльницкаго прямо помѣщаютъ Сверговскаго, избраннаго въ 1574 году, когда, говоритъ Ковнскій, Вишневецкій сложилъ съ себя гетманскую должность, чтобъ отправиться, по волѣ правительства, въ чужіе края (113). Сверговскій счастливо началъ-было войну съ Турками и Волохами за Молавію, но погибъ при осадѣ Килии. Преемникомъ Сверговскому, съ 1576 года, полагаютъ Оедора Богдана, современника Баторію. Здѣсь опять хронологическая и фактическая путаница. Въ 1576 году, избранъ Богданъ; въ 1579, говоритъ Ковнскій, умеръ Богданъ, и на его мѣсто избранъ Павелъ Подкова; по Лѣтописи Самовидца, Подкова былъ избранъ въ гетманы въ 1577 году, по Ригельману уже казненъ въ 1578 году, что и справедливо, потому что онъ былъ казненъ Баторіемъ до начала войны его съ Москвою; следовательно, Богданъ, избранный гетманомъ въ 1576 году, оставался въ этомъ званіи только до 1577 года и въ одинъ годъ успѣлъ разгромить Крымъ, потомъ, по приказу Баторія, пошелъ на Турцію, черезъ черноморскія степи, Землю-Донскихъ-Казаконъ, за Кубань, Кавказскимъ-Перешейкомъ въ Малую-Азію, выграбилъ предмѣстія Синопа и Трапезунта, потомъ переправился у Царяграда на европейскій берегъ, вошелъ въ Болгарію, достигъ Дуная, и выжегъ Килию, отмщая за Сверговскаго. Все это сдѣлалъ гетманъ Богданъ съ цѣлымъ малороссійскимъ войскомъ въ одинъ годъ и получилъ похва-

(113) Г. Бантышъ-Каменскій отвергаетъ показаніе Конискаго, и говоритъ, что кн. Михаилъ Вишневецкій никогда не былъ гетманомъ малороссійскихъ казаковъ. Мы готовы согласиться съ нимъ, потому что вообще очень-мало вѣримъ Конискому. Г. Маркевичъ (въ «Исторіи» своей и въ приведенной выше статьѣ въ «Чтеніяхъ») вооружается противъ г. Бантышъ-Каменскаго за Конискаго, и въ пользу послѣдняго приводитъ извѣстіе изъ Географическаго Словаря, гдѣ также говорится, что Грозный въ 1369 году призывалъ съ Дибра князя Михаила Вишневецкаго, когда турецкое войско приходило подъ Астрахань.—Г. Маркевичъ говоритъ, что составитель словаря *спротивно* не имѣлъ въ рукахъ Конискаго. Во-первыхъ, это *спротивно* инымъ можетъ показаться невѣроятнымъ; во-вторыхъ, если бы даже и правда, что Михаилъ Вишневецкій приходилъ на помощь къ Астрахани, то это извѣстіе нисколько не служитъ подтвержденіемъ извѣстія о гетманствѣ его, потому что не называетъ Вишневецкаго гетманомъ; следовательно, онъ легко могъ быть вождемъ вольной дружины, подобно князю Дмитрію Вишневецкому, и въ этомъ званіи ходить всюду, куда его позовутъ, что было бы ему гораздо-труднѣе сдѣлать въ званіи гетмана всего малороссійскаго войска, и при тогдашнихъ, вовсе недружественныхъ отношеніяхъ Польши къ Москвѣ.

лу и награды отъ Баторія, который дорожилъ расположеніемъ султана, и принесъ ему въ жертву, какъ увидимъ послѣ, Подкову и Шаха. Въ 1579 г. не было уже въ живыхъ и преемника богданова, Подковы; а между-тѣмъ, у Конискаго приводится привилегія, данная Баторіемъ на имя Богдана 1579 г. апрѣля 19-го дня. Дѣло въ томъ, что своевольные набѣги запорожцевъ, за которые другъ султана, Баторій, сильно на нихъ сердился и хотѣлъ истребить ихъ, у Конискаго является государственнымъ дѣломъ, предпринятымъ всѣмъ малороссійскимъ войскомъ, подъ начальствомъ гетмана, съ соизволенія короля. Вотъ что говоритъ Лѣтопись Самовида: «Въ то время казаки, напавши на Азію, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ корысти побрали. Видячи же король Баторій, началъ и самъ опасоваться ихъ и хотѣлъ всѣхъ выгубити. Но казаки, познавши королевскій замыселъ, первые отъ кочевокъ своихъ пошли къ донскимъ, и тѣмъ самымъ большій еще Полякамъ страхъ задали, а потомъ знову въ луги днѣпровскіе пріишли и войною противъ Татаръ забавлялись попрежнему.» Что же касается до похода богданова на Крымъ только, то это событіе мы можемъ принять, ибо оно подтверждается Лѣтописью Самовида.

Говорятъ, что Баторій оказалъ малороссійскому войску разныя милости: далъ гетману булаву или жезлъ и знамя съ гербомъ блага орла, прибавилъ также бунчукъ, будто въ знакъ победы надъ азіатскимъ народомъ. Резиденція гетмана переведена была изъ Черкасъ въ городъ Батурино, причемъ ясна была мысль короля отвести гетмана подалше отъ юга. Къ 1577 году относятъ избраніе въ гетманы Павла (Ивана?) Подковы, котораго одни называютъ господаревичемъ волошскимъ, другіе просто казакомъ изъ Волоховъ. Узнавъ, что Волохи недовольны своимъ господаремъ Петромъ, Подкова, съ шайкою преданныхъ ему казаковъ, задумалъ овладѣть Валахіею и счастливо исполнилъ свое предпріятіе, изгналъ Петра и утвердился на его столѣ. Баторій, боясь султана, тотчасъ послалъ войско выгнать Подкову изъ Валахіи; послѣдній не хотѣлъ сражаться съ Поляками, спокойно оставилъ завоеванную страну, и пошелъ назадъ съ королевскимъ войскомъ; но дѣло тѣмъ не кончилось; въ угодность султану, въ присутствіи его посла, Подковъ отрубили голову во Львовѣ. Такъ разсказываютъ писатели безпристрастные и достоверные; такъ разсказываетъ и лѣтописецъ малороссійскій; но не то у Конискаго: здѣсь читаемъ сказку, что господарь Петръ былъ дядя малороссійскому Подковъ и, будучи свергнутъ мятежными подданными, убѣжалъ къ племяннику, который пошелъ съ войскомъ возвращать ему престолъ; что жители Бухареста покорились ему, но признали своимъ господаремъ его самого вмѣсто

(111) Этотъ привилей баторіевъ мы читаемъ у Конискаго; но, приводя извѣстія изъ Конискаго, считаемъ обязанностью прибавлять осторожное *говорятъ*. Прочтя всѣ главы нашего очерка, читатель, надѣемся, согласится съ нами.

(112) Reinch. Heidensteinii S. R. Rerum Polonicarum ab excessu Sig. Aug. p. 329 et squ. Карамзинъ, т. IX, гл. V, стр. 170, изд. Эйверл.

дядя; Подкова, отпустивъ казаковъ, остался въ Валахіи; но скоро въ Малороссію пришла вѣсть о его кончинѣ: одинъ вельможа, зазвалъ Подкову къ себѣ въ домъ на крестины, приготовилъ убійцъ, которые и обезглавили господаря. Когда Подкова своевольно пошелъ въ Валахію, то на его мѣсто былъ избранъ въ гетманы Іона Петрвицкій; но въ 1582 году видимъ новаго гетмана, *Якова Шаха*, товарища и друга Подковы. Шахъ тотчасъ же отправился въ Валахію, а королю сказалъ, что идетъ охранять границы. Султанъ снова потребовалъ удовлетворенія отъ Баторія: Шахъ былъ преданъ суду, сверженъ и заточенъ въ монастырь. Послѣ него является Демьянъ Скалозубъ, который попался въ плѣнъ къ Туркамъ и умеренъ въ Константинополѣ голодомъ.

Между-тѣмъ, въ 1586 году, умеръ Стефанъ Баторій. Іезуиты сигизмундовы приготовляли унию. Уже Поссевианъ, обманутый въ своихъ надеждахъ на обращеніе московскаго государства, самымъ лучшимъ средствомъ для этого полагалъ обращеніе Руси литовской; при Сигизмундѣ, покорномъ орудіи въ рукахъ іезуитовъ, всего легче было это сдѣлать. Со стороны вельможъ нельзя было ожидать большаго сопротивленія: когда была мода на протестантизмъ, они оставляли въру предковъ для этого ученія; теперь настала мода на католицизмъ, и то же явленіе должно было повториться. Іезуиты дѣйствовали хитро, не шли прямо противъ православія, но пролагали путь мало-по-малу; они привлекали православную молодѣжь въ свои школы, не показывая вида, съ какою цѣлю, и тихо, незамѣтно подкапывая прежнія вѣрованія учениковъ. На духовенство дѣйствовали обѣщаніями выгоднѣйшаго положенія, сенаторскихъ креселъ и т. п. Съ другой стороны, представляли униженіе повиноваться константинопольскому патріарху, поставляемому султаномъ, и отъ котораго можно было получить все за деньги. Іезуиты, по-видимому, достигли своей цѣли.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

(Будетъ продолженіе.)

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ ДО ПОДЧИНЕНІЯ ЕЯ ЦАРЮ АЛЕКСІЮ МИХАЙЛОВИЧУ.

Статья третья и послѣдняя ().*

ГЛАВА V.

Извѣстія объ униі, объ этомъ событіи первой важности въ исторіи Восточной-Европы, къ-сожалѣнію, также запутаны и содержатъ противорѣчія, какъ и вообще исторія Малороссіи (116). Въ предъидущей главѣ мы упомянули о средствахъ, употребленныхъ іезуитами для привлеченія православнаго народонаселенія на сторону католицизма. Изъ школъ іезуитскихъ явилось много людей, поколебленныхъ въ отцовской вѣрѣ; тѣ же, которые оставались ей совершенно преданы, не могли не думать о соглашеніяхъ съ господствующею тамъ церковію, дабы вывести угнетенное православіе изъ того жалкаго состоянія, въ какое оно было поставлено; польское правительство находило свои выгоды въ томъ, чтобъ тѣснить его, отнимать всѣ средства къ его распространенію и утвержденію; отъ константинопольскихъ патріарховъ нечего было ждать защиты и подкрѣпленія, ибо они сами находились въ бѣдственномъ положеніи, безпрестанно смѣняясь по волѣ султана. Такимъ-образомъ ослабленіе привязанности къ православію въ однихъ, благонамѣренное желаніе какъ-нибудь помочь ему въ другихъ, наконецъ, личныя стремленія въ нѣкоторыхъ, заставили сдѣлать первый шагъ къ соглашенію съ Римомъ. Главными дѣйствующими при этомъ были — луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, и владимирскій епископъ

(*) Первые двѣ статьи были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1848 года (томъ LXI, ноябрь и декабрь).

(116) Объ Уніи см.: О Уніи, какъ начаса въ Русской Землѣ, въ прибавленіи къ Ипатьев. лѣтоп. стр. 369.—Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ униі, Бантышъ-Каменскаго (Н. Н.).—Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи, митр. Евгенія, въ статьѣ о Михаилѣ Рагозѣ, стр. 124.—Начало униі Зубрицкаго, въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. Годъ третій, № 7.

Ипатіи Поцѣй; Терлецкаго обвиняли въ двоеженствѣ (117) и т. п. Поцѣя обвиняють въ непостоянствѣ касательно религіи (118): Поцѣй, въ свѣтскомъ званіи Адамъ, въ монашествѣ Ипатій, былъ сынъ православныхъ родителей, учился въ краковской академіи, въ домѣ князей Радзивиловъ принялъ кальвинское ученіе, отъ котораго впрочемъ послѣ отрекся, много путешествовалъ, былъ образованъ и краснорѣчивъ; эти достоинства и связь съ Радзивилами проложили ему путь къ высшимъ мѣстамъ: онъ былъ сенаторомъ и каштеляномъ брестскимъ; по смерти жены вступилъ въ духовное званіе, и въ 1592 году посвященъ въ епископы (119). Что же касается до митрополита Михаила Рагозы, то онъ не стоитъ на первомъ планѣ: его поведеніе нерѣшительно, обличаетъ человѣка безхарактернаго, трусливаго, или воспитанника іезуитовъ. Изъ разныхъ противорѣчивыхъ извѣстій о началѣ уніи съ достовѣрностію можно вывести только то, что на одномъ изъ соборовъ, бывшихъ въ Южной-Руси въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка, епископы совѣщались о средствахъ поддержать православіе, и рѣшились для этого войти въ соглашеніе съ Римомъ, что дѣло это было возложено на Терлецкаго и Поцѣя, которые отправились сперва къ королю Сигизмунду, а потомъ въ Римъ, гдѣ приняли для уніатовъ ученіе западной-церкви, оставивъ только языкъ и богослужебные обряды древняго православія. При этомъ, какъ видно, они переступили границы, пожертвовали слишкомъ много папѣ, вопреки желанію многихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ, которые хотя и не были противъ уніи, однако не хотѣли ее на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ приняли ее Терлецкій и Поцѣй. Вотъ почему поступокъ послѣднихъ возбудилъ сильное волненіе, и сеймъ, созванный въ Брестѣ 6 октября 1596 года, кончился тѣмъ, что унія была принята только частію духовенства и мірянъ, другіе же протестовали и подверглись гоненію. Вотъ, по нашему мнѣнію, самыя достовѣрныя черты этого событія. Что же касается до подробностей, то Бантышъ-Каменскій предварительный соборъ полагаетъ въ 1595 году въ Кіевѣ; митрополитъ Евгенийъ, въ Брестѣ, въ 1594 году, Зубрицкій, въ 1591 году, согласно съ лѣтописцемъ. Что же касается до духовныхъ лицъ, принявшихъ унію и воспротивившихся ей, то въ этомъ всѣ согласны; за унію былъ: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы: Ипатій Поцѣй владимірскій, Кирилъ Терлецкій луцкій, Іоаннъ Хохоль пинскій, Гермогенъ или Германъ полоцкій, и Діонисій Збируйскій холмскій; противъ уніи: Гедеонъ Болобанъ львовскій, Михаилъ Копыстенскій

(117) О Уніи, какъ начася, стр. 370.

(118) Тамъ же: И избраша на епископію Володимирскую Потѣя, человѣка родовитаго и ученаго, но единаго велии непостояннаго, понеже коеяждо вѣра искуси, и въ ней время пожить мною яко и Жидовскія и Турецкія... Сей Потѣй, изначала по освѣщеніи своемъ, во всякой добродѣтели изряденъ явися, си есть въ постахъ, въ молитвахъ, бдѣніяхъ и проч.; но непомнози Кирилъ Луцкій на свою его вѣру и обычай премѣни и всякаго лукавства напои.

(119) М. Евг. стр. 126, 127; Зубрицкій, стр. 23.

перемышльскій, Никифоръ Тура архимандритъ кіево-печерскій и др. Одинъ только Конискій, по своему обыкновенію, показываетъ иное: у него отступниками являются, кромѣ означенныхъ выше, еще Иннокентій Борковскій — епископъ черниговскій и остерскій, хотя въ то время Черниговъ былъ за Московю, и епископъ этого города не могъ мѣшаться въ унию; потомъ Ираклій Шеверницкій — волынскій и почаевскій, Феоктистъ, епископъ галицкій и львовскій, тогда какъ извѣстно, что львовскимъ епископомъ былъ тогда Гелеонъ Болобанъ. Сопротивленіе униі оказали, по Конискому, три епископа: сѣверскій — Иоаннъ Лежайскій, переяславскій — Силвестръ Яворскій, и подольскій — Иннокентій Туптальскій; о Гелеонѣ Болобанѣ, Михаилѣ Копыстенскомъ онъ ничто не знаетъ.

Изъ лицъ свѣтскихъ всѣхъ сильнѣе противоборствовалъ униі знаменитый князь Константинъ Острожскій. До насъ дошла драгоцѣнная переписка его съ упомянутымъ выше Ипатіемъ Поцѣмъ (120), изъ которой гораздо яснѣе открывается положеніе дѣлъ, чѣмъ изъ разнорѣчивыхъ показаній историковъ. Въ 1593 году 21 июня князь Константинъ Острожскій писалъ къ Поцѣю, что восточная-церковь на Руси находится въ самомъ жалкомъ состояніи, что онъ заботится о средствахъ улучшить это состояніе, не прочь и отъ соглашенія съ Римскою-Церковію, для чего однако предлагаетъ Ипатію, чтобъ тотъ, сговорившись съ митрополитомъ и епископами, съ позволенія королевскаго, ѣхалъ въ Москву, къ Царю, поговорить объ этомъ съ нимъ и съ тамошними духовными, и представить всѣ гоненія, которыя терпитъ русскій народъ за свою вѣру. Далѣе, князь пишетъ къ Ипатію: «Нерадѣніе и отступленіе отъ вѣры умножились между людьми; въ-слѣдствіе этого наступило истощеніе хвалы Божіей, уменьшеніе церковей Его. Къ намъ лучше всего прилагается теперь слово пророческое; кто дастъ главѣ нашей воду и очамъ нашимъ источники слезъ, дабы могли мы оплакивать упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь; все ниспроверглось, все упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если такъ продолжится, то Богу одному извѣстно, что наконецъ станется съ нами». При этомъ письмѣ князь предложилъ отъ себя условія, на которыхъ долженствовало быть принято соединеніе: 1) Чтобъ Русскіе остались при всѣхъ обрядахъ Восточной-Церкви; 2) чтобъ католики не обращали нашихъ церквей и имуществъ ихъ на костѣлы. 3) Чтобъ послѣ униі не принуждали униатовъ къ католицизму, особенно въ-случаѣ сводныхъ браковъ. 4) Чтобъ духовенство наше пользовалось почестями наравнѣ съ католическимъ; особенно, чтобъ митрополитъ и владыки имѣли мѣсто въ сенатѣ и на сеймахъ, хотя не всѣ. 5) Нужно бы и патріарховъ обослать, чтобъ и они согласились на единеніе, чтобъ мы единымъ сердцемъ и едиными усты хвалили Господа. Нужно послать въ Москву и къ Волохамъ, чтобъ и они были съ нами за-одно; чтобъ епископъ владимирскій ѣхалъ

въ Москву, а епископъ львовскій въ Валахію. 6) Надобно сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церквахъ нашихъ. 7) Стараться о заведеніи школъ и наукъ особенно для воспитанія духовенства; нужно, чтобъ были ученые пресвитеры и добрые проповѣдники.»

Неизвѣстно, что отвѣчалъ ему на это Поцѣй. Въ 1595 г. 25 марта онъ писалъ князю о томъ же дѣлѣ; благодарить за предостереженіе, которое, какъ видно, давалъ ему князь на счетъ уній; говорить, что онъ, Ипатій, склоняется къ этому дѣлу не для собственныхъ выгодъ, не изъ честолюбивыхъ какихъ-либо цѣлей, но единственно для умноженія хвалы Божіей, и вовсе не хочетъ, чтобъ унія имѣла слѣдствіемъ совершенное измѣненіе въ русской-церкви, которая должна остаться въ цѣлости. Хвалится, что обезнаслѣдилъ собственныхъ дѣтей, продавши два имѣнія въ пользу церкви; говорить, что науки не цвѣтутъ не по недостатку въ людяхъ, а по корыстолюбію учителей, такъ на пр. въ Брестѣ профессора покинули школу, убѣжавши на болѣе сытныя пирогы; пишетъ о жалкомъ состояніи своей епархіи въ слѣдствіе утѣсненій, которыя терпятъ православные, и что по поводу этихъ утѣсненій Русскіе отпадаютъ въ латинеты. Потомъ вооружается противъ слуховъ о его честолюбивыхъ замыслахъ: «Не только не мыслю о кардинальствѣ, но даже и о митрополіи: плачусь на себя, что принялъ и епископскій санъ, да и на того плачусь, кто меня на то навелъ, особенно видя что дѣлается на свѣтѣ. Знаю только то, что я самъ одинъ ничего не начиналъ; но если всѣ пойдутъ за какимъ добрымъ дѣломъ, то я бы не хотѣлъ назади остаться.»

1595 г. іюня 16-го Поцѣй писалъ къ князю: «Причиною замедленія отвѣтомъ было то, что я самъ еще не зналъ ничего навѣрное, хотя нѣкоторые люди уже распустили слухи, будто мы согласились на полное соединеніе съ римскою церковію—мну служить и овресноки употреблять. Вы не должны всему вѣрить, что дойдетъ до вашихъ ушей о нѣкоторыхъ изъ насъ, будто мы постановили что-нибудь противное вѣрѣ и церкви нашей: ничего не постановили не только дурнаго, но и хорошаго; только уже намъ несчастье такое, что насъ за отщепенцовъ и еретиковъ выдаютъ, стараться о церкви Божіей не допускаютъ, и сѣзды наши, для нея необходимыя, заподозрѣваютъ. Странно, что всякимъ еретикамъ, какой бы секты ни было, вольно сѣзжаться, устанавливать въ своихъ сборницахъ порядокъ, и выдавать свои сочиненія; намъ только, горькимъ епископамъ, ведущимъ преемство отъ самаго Христа, нельзя промышлять и радѣть о порядкѣ церковномъ, дабы и намъ можно въ цѣлости сохранить православіе, да и для потомства сдѣлать что-нибудь хорошее.» Касательно условій соединенія, принятыхъ на первомъ соборѣ, Поцѣй пишетъ, что въ нихъ нѣтъ никакихъ измѣненій относительно вѣры: принять только календарь грегорианскій. Въ заключеніе Ипатій увѣдомляетъ, что собирается ѣхать къ королю, по приказу послѣдняго.

Изъ этой переписки мы можемъ вывести, во-первыхъ, что предварительный соборъ, на которомъ разсуждаемо было объ уній, имѣлъ мѣсто въ 1595 году, хотя подобные толки могли быть и на предъ-

идущихъ соборахъ; что Терлецкій и Поцѣй могли отправиться къ королю не ранѣе 16-го іюня 1595 года. Во-вторыхъ, изъ этой переписки оказывается, что самые ревностные приверженцы восточной-церкви, какъ на-примѣръ, князь Острожскій видѣлъ въ уніи крайнее средство вывести русскую церковь изъ того бѣдственнаго положенія, въ какое вовлекло ее стремленіе господствующей церкви къ исключительности; но князь Константинъ и его единомышленники не думали жертвовать основными положеніями православія, не хотѣли также, для соединенія съ Римомъ, отдѣлиться отъ Востока, но хотѣли соединенія цѣлой восточной-церкви съ западною. Вотъ почему, когда означенные владыки слишкомъ-далеко простерли свою уступчивость, князь Острожскій сильно протестовалъ противъ уніи, и рѣшился съ оставшимися у православія силами, противиться теперь ужь двумъ врагамъ, — и католицизму и уніи. Князь завелъ въ Острогъ у себя училище, въ которомъ преподавались славянскій, греческій, латинскій языки и другіе предметы, необходимыя для духовныхъ лицъ; начальникомъ училища былъ поставленъ Герасимъ Смотрицкій, отецъ извѣстнаго Мелетія; въ числѣ учителей находился ученый Грекъ Кирилль, бывшій послѣ патриархомъ константинопольскимъ; основано также училище въ Кіевѣ; изъ острожской типографіи выходили полемическія книги противъ католицизма и уніи; сильнымъ нападкамп подверглась особенно новизна католическая — календарь грегорианскій, противъ котораго были не только православные, но даже многіе католики. Несмотря однако на такую ревность князя Константина, Острогъ не могъ поддержать русской церкви противъ дружныхъ усилій ея могущественныхъ противниковъ, которые не смотрѣли на средства при достиженіи своей цѣли, употребляя противъ православныхъ открытое гоненіе. Но дѣло русской-церкви не было еще проиграно: она нашла себѣ надежныхъ защитниковъ.

Мы видѣли, что несмотря на стараніе польскихъ королей сдѣлать изъ казаковъ стройное ополченіе, которое бы могло быть употреблено для цѣлей государственныхъ, казаки вовсе не думали подчиняться этимъ цѣлямъ, и во время Баторія, такъ дорожившаго пріязнью султана, раздражали послѣдняго набѣгами своими на его владѣнія; наказанія Подковы и Шаха не могли помочь злу и преемникъ Баторія, Сигизмундъ III, рѣшился прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ. Онъ, какъ говорятъ, постановилъ, что казаки впредь должны будутъ зависѣть отъ короннаго гетмана, отъ котораго будутъ поставляемы ихъ начальники; казаки должны дать присягу, что безъ воли короннаго гетмана не будутъ воевать ни на морѣ, ни на сушѣ, и не примутъ никого въ свое товарищество; у гетмана долженъ храниться казачій реестръ; осужденные на казнь не могутъ быть приняты въ казаки (это показываетъ намъ, изъ какихъ отчасти людей составлялись охочекомонные полки); казаки не могли отлучаться никуда безъ воли старшинъ. Мы замѣтили, что охочекомонные малороссійскіе полки и Запорожье наполнялось бѣглыми крестьянами. Чтобъ съ одной стороны прекратить побѣги крестьянъ, съ другой лишить Запорожье

главнаго источника народонаселенія, Сигизмундъ предписалъ управителямъ частныхъ имѣній удерживать крестьянъ отъ бѣгства на острова Днѣпровскіе, наказывать тѣхъ, кто возвращается съ добычею, или кто продать казаку порохъ, селитру, оружіе и даже жизненные припасы; если управители не будутъ исполнять этихъ предписаній, то владѣльцы могутъ казнить ихъ смертію, а сами владѣльцы, въ случаѣ нарушенія предписанія, равно укрыватели награбленныхъ казаками вещей, предаются военному суду; крестьянамъ запрещено отлучаться изъ селеній. Историкъ не будетъ осуждать мѣръ противъ казачества: онѣ были необходимы; казачество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало до-сихъ-поръ, было несомнѣнно съ государствомъ; послѣднее должно было исключить его. Но если казачество долженствовало быть уничтожено, или, по-крайней-мѣрѣ, преобразовано, то для этого нужно было употреблять другіе способы. Охоческомонные полки и Запорожье наполнялись бѣглыми крестьянами: нужно было дать имъ средства не бѣгать, облегчивъ ихъ участь, а вмѣсто того они тогда были еще болѣе отягчены. Необходимымъ слѣдствіемъ этого было умноженіе побѣговъ и усиленіе числа казаковъ, предводителемъ которыхъ является въ это время Косинскій.

Выше было замѣчено уже, что отношенія первыхъ казацкихъ предводителей или, если угодно, гетмановъ, къ польскому правительству были очень-неопредѣленны. Мы видимъ, что при Сигизмундѣ польское правительство прямо отняло у казаковъ право имѣть своихъ предводителей, слѣдовательно, мы должны смотрѣть на Косинскаго, какъ на предводителя вольной казацкой шайки, которая составила и избрала себѣ вождя противъ воли правительства, совершенно отъ него независимо, точно такъ, какъ на Дону и Волгѣ составлялись казацкія шайки, безъ вѣдома московскаго государства, противъ котораго они и направляли свои опустошительные набѣги. Въ 1592 году Косинскій съ своею шайкою напалъ на владѣнія князя Острожскаго. Сынъ послѣдняго, Иванъ, поразилъ казаковъ подъ Пяткою, и взялъ въ плѣнъ самого Косинскаго, который былъ однако отпущенъ княземъ Константиномъ. Вырвавшись на волю, Косинскій бросился грабить владѣнія князя Вишневецкаго, но въ Черкасахъ былъ окруженъ и убитъ. Такъ пишутъ Поляки (121), но такъ же говорятъ и малороссійскіе безпристрастные источники (122), съ тѣмъ различіемъ, что смерть Косинскаго полагаютъ въ сраженіи подъ Пяткою, которое относятъ къ 1594 году, слѣдовательно, задолго до брестскаго сейма и униі (123). Но что же рассказываетъ Косинскій! У него соборъ пригласилъ гетмана (?) на совѣтъ въ Брестъ; но когда онъ туда прибылъ, то немедленно былъ схваченъ и преданъ суду, обвиненъ какъ отступникъ, осужденъ на смерть, и уморенъ голодомъ въ каменномъ столпѣ какого-

(121) Нѣмцевичъ, основываясь на Любенскомъ (1, стр. 177); и др.

(122) Ригельманъ, глѣтонисъ Самовидца, и др.

(123) Такъ же смотритъ на дѣла и Зубрицкій—начало униі, стр. 13.

то монастыря; казаки, свѣдавъ о заключеніи своего вождя, собрались въ числѣ семи тысячъ, и отправились къ Бресту для его освобожденія, встрѣтили польскія войска подъ Пяткою, разбили ихъ, но Косицкаго не застали въ-живыхъ (124).

Послѣ Косицкаго предводителемъ казаковъ является Наливайко. Конискій пишетъ, что новыи гетманъ отправилъ къ Сигизмунду III полковника Лободу съ просьбою, въ которой жаловался на нарушеніе правъ казацкихъ, упоминалъ о заслугахъ русскаго народа Польшѣ, складывалъ всю вину на польскихъ вельможъ, которые, будучи поучены духовенствомъ, всегда мѣшавшимся не въ свои дѣла, побудили короля лишить Малороссію гетмана; просьба оканчивалась увѣреніемъ, что казаки всегда готовы проливать кровь свою за честь и славу короля и всей націи. Сигизмундъ притворился, будто ничего не знаетъ о дѣйствіяхъ Поляковъ въ Малороссіи, и общалъ на первомъ сеймѣ уничтожить затѣи пановъ и духовенства, а до того времени наказывалъ гетману и войску не начинать непріятельскихъ дѣйствій противъ Поляковъ. Наливайко хотѣлъ-было исполнить волю королевскую, но наступательныя движенія короннаго гетмана заставили его приняться за оружіе. При рѣкѣ Тясминѣ произошло сраженіе между нимъ и гетманомъ Жолкѣвскимъ; Поляки проиграли битву, потерявъ слишкомъ 17,000 человекъ; въ три съ половиною мѣсяца Малороссія была очищена отъ Поляковъ; наконецъ, Наливайко напалъ-было на лагерь двухъ гетмановъ, короннаго и литовскаго, на рѣкѣ Сулѣ, какъ-вдругъ король прислалъ повелѣніе прекратить войну, далъ полную амнистію казакамъ и подтвердилъ ихъ прежнія права. Въ 1597 году назначенъ былъ въ Варшавѣ сеймъ; депутатами отъ Малороссіи отправились туда самъ Наливайко, полковникъ Лобода, судья Мазепа и сотникъ Кизимъ. Въ первую же ночь по ихъ пріѣздѣ они были взяты подъ стражу, брошены въ тюрьму, а черезъ два дня, безъ всякаго суда, положены въ мѣднаго быка и сожжены малымъ огнемъ. Такъ рассказываетъ Конискій. Но лѣтопись Самовидца, и съ нею вмѣстѣ Ригельманъ, говорятъ, что послѣ побѣды казаковъ подъ Бѣлою-Церковью, гетманъ

(124) Чтобъ показать читателямъ, какъ обыкновенно Конискій распоряжается событіями, приведу разсказъ о происшествіи ближайшемъ и всѣмъ извѣстномъ. Конискій говоритъ, что казаки уговариваемые Мазепою къ измѣнѣ Петру-Великому, не послушались своего гетмана, по, покинувъ его, отправились на Стародубъ, нашли корпусъ Меншикова въ Бѣлорусіи, при которомъ и самъ Государь тогда присутствовалъ, и донесли Петру объ измѣнѣ Мазепы. Царь велѣлъ имъ остаться подъ начальствомъ Меншикова, который 28 сентября 1708 года сразился съ Левенгауптомъ подъ Лѣвнымъ. «Здѣсь войска великороссійскія отъ сильнаго и нечаяннаго нападенія Шведовъ на мѣстѣ сраженія не устояли, и, смѣшавшись, побѣжали. Тогда самъ Государь, собравъ и выстроивъ ихъ по-прежнему, поставилъ позади фронта и по флангамъ малороссійскихъ казаковъ, съ строгимъ повелѣніемъ рубить саблями и колотъ копыями всѣхъ тѣхъ, кои во время сраженія пойдутъ назадъ, не щадя никого, ни самаго его, Государя, когда онъ впадетъ въ сію слабость.»—И битва подъ Лѣвнымъ была 28 сентября, а Мазепа переправился чрезъ Десну 26 октября, послѣ чего казаки оставили его.

Жолѣвскій нанесъ имъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько поражений, и напоследокъ, подѣ Лубнами, въ урочищѣ Солоницѣ, загналъ въ такую тѣсноту, что, для избѣжанія всеобщаго истребленія, казаки принуждены были выдать ему Наливайку, Лободу и Мазепу, которые въ Варшавѣ и были казнены; при этомъ Ригельманъ приводитъ свидѣтельство какого-то запорожскаго описанія, по которому Наливайкѣ съ товарищами отрублены головы (125).

Поляки спѣшили воспользоваться своимъ торжествомъ и обнаружили всю свою ненависть къ казакамъ. Польскіе вельможи старались выставлять казаковъ своими холопами, и питали къ нимъ непримиримую ненависть. Малороссія потеряла право представительства на сеймѣ; дворянство малороссійское исключено изъ выборовъ въ должности правительственныя и судебныя, у всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ отобраны старостства, деревни и другія ранговыя имѣнія; военному сословію малороссійскому не было другаго названія, какъ хлопъ (мужики) въ политическомъ и шизматикѣ въ религіозномъ отношеніи. Во всѣ правительственныя и судебныя уряды малороссійскіе насланы Поляки, города заняты польскими гарнизонами, села польскими войсками, и всѣмъ этимъ Полякамъ дана полная власть дѣлать что хотять надъ несчастными Малороссіянами: грабительство, насиліе женщинъ и дѣтей, побой, мучительства, убійства—все оставалось безнаказаннымъ. Соберется ли нѣсколько Русскихъ для работы или для праздника, ихъ разгоняли плетьюми, и пытками заставляли открывать, о чемъ они толковали. Русскія церкви силою обращались въ уніатскія; римское духовенство съ торжествомъ разъязало по Малороссіи, понуждая къ уніи жителей; говорятъ, будто-бы отъ церкви до церкви оно ѣздило въ повозкахъ, запряженныхъ людьми: если это правда, то тогда вполнѣ возобновились древнія притѣсненія аварскія, о которыхъ летописецъ сохранилъ преданіе. Церкви несогласавшихся на унію прихожанъ отданы въ аренду жидамъ, и за всякую службу и потребу положена извѣстная плата. Жиды-арендаторы прибрали къ себѣ церковныя ключи и веревки колокольныя, и когда нужно было исправить какуюнибудь потребу, то дьячокъ шелъ къ жиду торговаться, послѣ чего получалъ ключи, которые тотчасъ по совершеніи требы опять относили къ жиду и давалъ клятву, что ничего въ запасъ не отправлено.

Гоненіе скоро принесло свои плоды: большая часть малороссійской шляхты, не могли перенести лишенія своихъ должностей и доходовъ, измѣнила вѣрѣ и народу своему. Эти-то отступники, какъ обыкновенно бываетъ, явились злѣйшими врагами прежней вѣры и прежнихъ единовѣрцевъ. Намѣреніе польскаго правительства состояло въ томъ, чтобъ ослабить войска малороссійскія, разстроить полки, состоявшіе изъ реестровыхъ казаковъ, въ чемъ и легко было успѣть; полки эти, претерпѣвъ въ послѣднюю войну большой уронъ въ людяхъ—не были по-

(125) Пясецкій же говоритъ, что Наливайко умеренъ безсонницею: *Solis vigiliis, quod ipsi non fuisset concessum dormire, enecatus.*

полнены; старшины, перевернувшись въ Поляковъ, по выраженію Конискаго, оставили многія мѣста праздыми; воинскій порядокъ пренебреженъ, и реестровые казаки скитались безъ вождей. Казаки куреней, ближайшихъ къ польскимъ границамъ, гоненіями и ласкательствами обратились въ Поляковъ; недостаточные реестровые казаки, особенно холостые, а съ ними и почти всѣ охочекомонные, перешли въ Запорожскую-Сѣчь и увеличили ея народонаселеніе. Такимъ-образомъ Запорожье выдвинулось на первый планъ; кто оставался въ Малороссіи, тотъ, значило, согласенъ былъ подчиниться новому порядку вещей, признавать власть короннаго гетмана; кто не хотѣлъ, тотъ шелъ въ Запорожье.

Послѣ Наливайка, предводителемъ казаковъ является Конашевичъ-Сагайдачный, извѣстный своими походами въ Крымъ и подь Москву; но въ то же самое время упоминается еще о двухъ вождяхъ—Кушкѣ и Бородавкѣ; отношенія между ними всѣми такъ перепутаны въ извѣстіяхъ, что трудно доискаться истины; Конискій говоритъ, что Кушка и Бородавка были подставляемы Поляками для противоборства Сагайдачному; Кушка убитъ Турками, Бородавка Сагайдачнымъ, который казнилъ его, какъ самозванца. При Сагайдачномъ Малороссія немного отдохнула: возмущенія въ самой Польшѣ и дѣла московскія при самозванцахъ и междуцарствіи отвлекли вниманіе польскаго правительства отъ Малороссіи; для войнъ съ Москвою и Турціею нуждались въ помощи казаковъ; Сагайдачный оказалъ и здѣсь и тамъ большія услуги; раздражать его было бы безразсудно. Сагайдачный умеръ въ 1622 году. Между-тѣмъ, въ-теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ, почти все знаменитѣйшее малороссійское дворянство обратилось въ католицизмъ; унія существовала только въ среднемъ и нисшемъ сословіяхъ, почему она и получила названіе *хлопской вѣры*. По смерти страшнаго Сагайдачнаго, гоненія на православныхъ начались снова: православныя церкви и монастыри въ Кіевѣ были опустошены; въ Луцкѣ наши церкви были обращены въ питейныя конторы; въ Хельмѣ и Львовѣ запрещено было явно ходить со св. тайнами къ больнымъ и открыто погребать тѣла православныхъ; въ Вильнѣ русскія церкви заняты шинками, кухнями, гостинницами. Шесть лѣтъ не было у казаковъ предводителя послѣ Сагайдачнаго; упоминають о какомъ-то Стеблевцѣ, потомъ о Конгѣ, Жарѣ, Максимѣ; но объ нихъ ничего положительно-вѣрнаго неизвѣстно, польское правительство не признавало за казаками права избранія гетмановъ; въ 1625 году наряжена была комиссія для устройства дѣлъ казачихъ. Эта комиссія, подь предсѣдательствомъ короннаго гетмана, Станислава Конецпольскаго, съѣхалась въ урочищѣ Медвѣжьи-Лозы; гетманъ далъ казакамъ старшаго, Миханла Дорошенка, по ихъ избранію однако, и изъ среды ихъ самихъ, причемъ постановлено, чтобъ впредь казаки повиновались только тому старшему, котораго утвердить король и коронный гетманъ. Если этотъ старшій не будетъ исполнять своихъ обязанностей, то казаки должны представить жалобу королю и коронному гетману, и просить смѣны старшаго; то же должны дѣлать и по смерти послѣдняго. Не еслибъ казачье войско

находилось въ дальнемъ разстояніи отъ короля или гетмана, тогда казаки могутъ избрать старшаго изъ среды своей и вручить ему правленіе до тѣхъ поръ, пока король и коронный гетманъ не одобрятъ избраннаго. Форма присяги старшаго была слѣдующая: «Я, Михаилъ Доросенко, клянусь Господу Богу въ Троицѣ святой единому, что пресвѣтлѣйшему королю польскому, Сигизмунду III и его наслѣдникамъ и республикѣ польской въ сей должности моей согласно волѣ его королевскаго величества во всемъ вѣрность и повиновеніе сохранять «буду, соблюдая во всемъ повелѣнія его королевскаго величества и республики, укрощая всякое своеволіе и непослушаніе, а именно: ни «я самъ, ниже посредствомъ другихъ противъ турецкаго императора «ни сухимъ путемъ, ни моремъ не буду ходити и воевать, развѣ по «повелѣнію его королевскаго величества и республики; напротивъ то- «го, еслибъ кто изъ войска его королевскаго величества, мнѣ вѣрен- «наго, или же кто со стороны вознамѣрился то сдѣлать, и я про то «узналъ бы, тогда я обязываюсь доносить про то его королевскому «величеству и короннымъ гетманамъ, и таковымъ сопротивляться; ни- «скакихъ полчищъ охочекомонныхъ созывать и собирать безъ соизво- «ленія его королевскаго величества не только не буду, но даже стану «преслѣдовать ихъ, по обязанности моей; а также всѣ условія, въ «самомагнѣйшихъ пунктахъ, въ бумагахъ пановъ комиссаровъ на Мед- «свѣжыхъ-Лозахъ прописанныя, я со всею моею дружиною исполнять «буду». Эти пункты состояли въ слѣдующемъ: число реестровыхъ казаковъ назначается 6,000; они пользуются всѣми законами, данными отъ прежнихъ королей польскихъ и нынѣ царствующаго Сигизмунда; имъ позволяется снискивать себѣ пропитаніе торговлею, рыбною и звѣриною ловлею, но безъ вреда угождать старостинскимъ; кромѣ того ежегодно назначается имъ отъ короны 60,000 злотыхъ жалованья; старшинамъ назначается особое жалованье. Изъ 6,000 реестровыхъ казаковъ тысяча или болѣе должны находиться за порогамъ; наблюдая движеніе враговъ. Если самъ старшій отправляется въ Запорожье, то вмѣсто себя въ волости оставляетъ способнаго человѣка. Казаки не должны выходить Днѣпромъ въ море, и начинать войны ни съ однимъ сосѣднимъ государствомъ, для чего всѣ морскія лодки будутъ сожжены, въ присутствіи комиссаровъ. Казакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться; ему дается двѣнадцать недѣль срока для очистки дома и земли. Войску ни въ какія дѣла, ему непринадлежащія, не вмѣшиваться, ни подъ какими предлогами союзовъ ни съ какими сосѣдними державами не заключать, пословъ отъ нихъ не принимать, и въ службу постороннихъ владѣтелей не вступать (126).

Противъ этихъ условій нельзя ничего возразить: они были диктованы государственною необходимостію. Но дѣло въ томъ, что стѣснивъ своеволіе казаковъ, Поляки воспользовались этимъ и позволили себѣ

самыя тяжкія, вопіюція угнетенія. Гетманскія ранговія имѣнія раздѣлили между собою польскіе магнаты; введены были двѣ новыя подати, такъ-называемыя *индукта* и *свекта*, то-есть, пошлинный сборъ со всякихъ товаровъ, привозимыхъ и вывозимыхъ; продажа куличей и пасхъ, на свѣтлый праздникъ, отдава была подъ надзоръ польскихъ урядниковъ; покупающій пасху уніатъ долженъ былъ имѣть на груди лоскутъ съ надписью *Уніатъ*, и въ такомъ случаѣ могъ свободно купить пасху; тотъ же, кто не имѣлъ на груди такого лоскута, то-есть, православный, долженъ былъ платить извѣстную подать за право разговляться освященнымъ хлѣбомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ пасочный сборъ отданъ также въ аренду жидамъ. Любопытно читать о состояніи малороссійскихъ крестьянъ, какъ описываетъ его Бопланъ. (127). Но Бопланъ еще не все сказалъ: владѣльцы отдавали имѣнія свои въ аренду жидамъ, причемъ послѣдніе также получали право, которое имѣли владѣльцы. (128).

При такомъ положеніи дѣлъ православное малороссійское духовенство, естественно, должно было обратиться съ просьбой о помощи къ государству, отъ котораго Южная-Русь была насильственно отторгнута, но съ которымъ изначала была соединена двумя самыми крѣпкими связями — единовѣріемъ и единоплеменностію. Въ февралѣ 1625 года пріѣхалъ въ Москву изъ Кіева Исаакій, епископъ луцкій. Ему поручено было отъ митрополита Іова Борецкаго ходатайствовать у царя и патріарха Филарета Никитича о принятіи Малороссіи и запорожскихъ казаковъ подъ ихъ государскую руку: «У Малороссіянъ одна только дума», говорилъ Исаакій, «какъ-бы поступить подъ государскую руку: они боятся Поляковъ, еще болѣе отказа царскаго; имъ, кромѣ государя, нѣкуда дѣваться.» Исаакію отвѣчали: «Великій государь, по своему государскому милосердому обычаю и для прошенія митрополита Іова и всѣхъ православныхъ епископовъ, Запорожское-Войско пожаловалъ, вины ихъ и преступленіе, дерзнутое ими противъ его, государева благочестиваго царствія, отпускаетъ и впередъ памятовать не будетъ. А нѣчто вамъ впередъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ, а у васъ противъ ихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, и вы о томъ царскому величеству и св. патріарху вѣдомо учините, и царское величество, и св. патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ-бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть (129).»

Итакъ московское правительство обѣщалось вступить въ малороссійскія дѣла, когда сами Малороссіяне будутъ имѣть соединеніе и укрѣпленіе, условіе, безъ котораго нельзя было надѣяться ни на какой успѣхъ. Но у Малороссіи еще не было Хмѣльницкаго, которому удалось произвести это соединеніе и укрѣпленіе. Послѣ Дорошенки, старшиной у казаковъ былъ Грицько; этотъ уже слишкомъ началъ дѣйствовать въ видахъ польскаго правительства; казаки возмутились, уби-

(127) Description d'Ukraine p. 8.

(128) Акты, собр. врем. комис. въ Кіевѣ, т. I, № IX, X, XI.

(129) Б.-Каменскаго Исторія Малой Россіи, I, стр. 176, примѣч. 151, 152.

ли Грицько, и выбрали себѣ вождемъ Тараса Трясила. Тарасъ зналъ, что Поляки не будутъ спокойно смотрѣть на его избраніе, и потому спѣшили собрать войско; около него очутилось тридцать тысячъ казаковъ, съ которыми онъ и сталъ у Переяслава, дожидаясь нападенія отъ Поляковъ; противъ него расположился лагеремъ коронный гетманъ Конецпольскій; всѣ нападенія послѣдняго на казачій станъ были отбиты; въ католическій праздникъ Тѣла Господня, когда Поляки веселились въ своемъ лагерѣ, казаки проползли въ сумерки въ одну изъ лощинъ, окружавшихъ послѣдній, ночью ударили на сонныхъ непріятелей и произвели страшную рѣзню, извѣстную подъ именемъ Тарасовой-Ночи. Послѣ этого дѣла началось знаменитое очищеніе Малороссіи отъ жидовъ, которыхъ рѣзали тысячами. Конецпольскій осадилъ Переяславль; заключенъ былъ миръ, на какихъ условіяхъ — неизвѣстно; куда дѣвался Трясила — неизвѣстно; Конецпольскій опять назначаетъ старшаго отъ своей руки—Арандаренка, мѣсто котораго заступилъ скоро Иванъ Петрижицкій; упоминается еще Гавриловичъ. Какъ признали казаки—побѣдители право Конецпольскаго назначать имъ старшихъ, остается необъясненнымъ. Какъ-видно, впрочемъ, Конецпольскій снова силою оружія принудилъ ихъ признать это право. Чтѣ касается до хронологіи, то Конискій даетъ Тарасу девяти-лѣтнее гетманство, возводя его въ этотъ санъ въ 1624 году и продолжая его гетманство до 1632 года; но приведенный выше актъ полагаетъ Дорошенка въ 1525; Лѣтопись—Самовидца и Ригельманъ назначаютъ вѣрнѣе избраніе Тараса и Ночь его въ 1628 г.

Въ 1632 году является старшина Семень Перевязка. Онъ позволилъ польскимъ вельможамъ задарить себя и склонился на ихъ сторону, касательно присвоенія ранговыхъ гетманскихъ имѣній. Казаки, замѣтивъ поведеніе Перевязки, свергнули его и предали сулу; но ему удалось, съ помощію одного жида, вырваться и убѣжать въ Польшу. На его мѣсто казаки выбрали Павлюгу. Поляки не могли позволить имъ этого самовольства, и гетманъ напоольный, Потоцкій, выступилъ противъ казаковъ и нанесъ имъ пораженіе подъ Кумейками, подлѣ Корсуня. Павлюга отступилъ до мѣстечка Боровицы, гдѣ укрѣпился въ замкѣ; Потоцкій предложилъ казакамъ миръ, съ подтвержденіемъ прежнихъ правъ и съ условіемъ принять въ старшіе опять Перевязку, а Павлюгу, исключивъ изъ войска, оставить спокойно жить въ его имѣніи. Миръ былъ подписанъ, подтвержденъ клятвенно, но продолжался только до-тѣхъ-поръ, пока казаки находились въ укрѣпленіи; какъ же скоро они вышли изъ замка и начали въ беспорядкѣ расходиться по дорогамъ, то Поляки бросились на нихъ, однихъ изрубили, другихъ ограбили; Павлюгу же съ нѣкоторыми знатными казаками сковавъ, отослали въ Варшаву съ донесеніемъ, что они взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ; въ-слѣдствіе этого польское правительство велѣло казнить ихъ смертію, и головы казненныхъ выставлены были по городамъ малороссійскимъ. Такъ рассказываетъ Конискій; изъ дошедшаго

до насъ акта видно, что въ 1634 году (130) казаки отправляли къ королю Владиславу IV пословъ съ просьбою о защитѣ противъ притѣсненій. Владиславъ отвѣчалъ уклончиво и неопредѣленно: хвалилъ казаковъ за подвиги, обѣщалъ прислать жалованье, касательно религіи обѣщалъ устроить дѣло на сеймѣ, на которомъ обѣщалъ утвердить и права ихъ, равно удовлетворить за оскорбленія. Ригельманъ упоминаетъ еще о казацкой просьбѣ королю въ 1636 году. Къ 1635 году относится взятіе польской крѣпости Койдака запорожскимъ кошевымъ, Сулимою, за что онъ былъ послѣ казненъ въ Варшавѣ (131). Ригельманъ передъ Павлюгою помѣщаетъ какого-то Савалтовича или Саву Кононовича, котораго казаки, обвинивъ въ измѣнѣ, изрубили въ куски.

Польское правительство воспользовалось возстаніемъ Павлюги, чтобъ окончателно придавить казаковъ: число ихъ оставлено по-прежнему 6,000, но отнять національный предводитель, на мѣсто котораго назначенъ комиссаръ изъ Поляковъ, потому-что, какъ сказано въ инструкціи комиссару Мелецкому (132), Малороссійское войско потеряло право на вольность и свободу, заслуженныя у республики кровію предковъ. Всѣ полки сведены въ Терехтемировъ, осмотрѣны списки, приведены въ порядокъ; наконецъ казаки присягнули, не всѣ вдругъ, какъ бывало прежде, но каждый порознь явственно произносилъ слова, полагая персты на Св. Крестъ; пункты присяги были: 1) Королю и республикѣ не измѣнять; 2) старшихъ, надъ ними поставленныхъ, почитать; на здравіе ихъ не посягать; 3) на море и за пороги безъ королевскаго позволенія не ходить, своевольниковъ до своеволія не допускать, и лодки сжечь. Казаки, выбѣгшіе изъ полковъ въ Запорожьѣ, должны были возвратиться въ прежніе полки; ослушники и жены ихъ лишаются жизни. Остальные люди, которые нейдутъ въ Запорожьѣ, могутъ возвратиться домой со всею добычею, и комиссаръ долженъ смотрѣть, чтобъ въ Запорожьѣ никто не смѣлъ оставаться, кромѣ стражи къ тому назначенной. Въ Запорожьѣ же предписано комиссару отыскать и сжечь всѣ лодки; равно отыскать три пушки, захваченныя въ Кіевѣ, и отвезти ихъ въ Переяславль.

Казаки, видя, что Ляхи умыслили ихъ всѣхъ выгубить, говорить Лѣтописецъ (133), снова поставили между собою гетмана Острицицу, придавши къ нему въ совѣтники казака Гуно. Новый гетманъ укрѣпился при Дѣбурѣ; Поляки ни какъ не могли выбить его отсюда въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ (134); наконецъ собравшись съ силами, Острицица началъ наступательныя движенія, и разбилъ Поляковъ подъ Голтвою, Лубнами, и въ степи, на рѣкѣ Старицѣ; гетманъ Потоцкій принужденъ былъ бѣжать и былъ постигнутъ побѣдителями при мѣстечкѣ Полон-

(130) Маркевичъ, прилож. VII.

(131) Beauplan, Descript. d'Ukraine p. 17, 18

(132) Маркевичъ, прилож. VIII.

(133) Лѣтопись Самовидца.

(134) Ригельманъ.

номъ. Окруженный здѣсь, Потоцкій предложилъ миръ общаніемъ амнистїи и возвращенія всѣхъ прежнихъ правъ; казаки согласились. Но когда они разошлись, и Острианица поѣхалъ на богомолье въ Капевъ, то Поляки окружили его, принудили сдаться, отвезли въ Варшаву, и умертвили безчеловѣчнымъ образомъ со многими товарищами его. Въ главныхъ чертахъ событія, согласны малороссійскіе источники и историки, но Поляки утверждали, что казаки осаждены были при Старицѣ, и, терпя голодъ, принуждены были присягнуть—исполнять волю короля и сейма (135). Эта воля состояла въ томъ, что казаки принуждены были принять къ себѣ старшимъ польскаго комиссара Петра Комаровскаго, который самъ назначилъ полковниковъ изъ Поляковъ; такъ какъ Терехтемировъ былъ опустошенъ дважды—сперва во время возстанія казаковъ, потомъ Поляками, то для пребыванія комиссара былъ назначенъ Корсунь. Какъ Потоцкій съ товарищами, назначенными для устройства Малороссїи, исполняли порученіе правительства, видно, изъ слѣдующаго: «правительство приказало возвратитъ казакамъ ихъ прежнія земли, которыми они владѣли наслѣдственно; но комиссары объявили, что этотъ пунктъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, потому-что, по-случаю выпавшихъ снѣговъ, нельзя различитъ ни столбовъ пограничныхъ, ни насыпей, ни ручьевъ, ни дорогъ, ни болотъ, и потому земли трудно раздѣлитъ. Въ присутствїи Потоцкаго и другихъ комиссаровъ казаки должны были снова присягнуть; все оружіе было свезено въ середину, хоругви, булавы и всѣ доспѣхи были повергнуты къ ногамъ комиссаровъ, представителей Польши; тяжкіе вздохи посылались среди казаковъ; Потоцкій принялъ вздохи за знаки глубокаго раскаянія (136); но казаки скоро доказали противное.

Послѣ гибели Острианицы, Поляки удвоили жестокости свои надъ несчастными Малороссїянами: въ этомъ согласны всѣ, даже и Поляки. Мы не станемъ распространяться въ описанїи этихъ ужасовъ; приведемъ только самое краткое свидѣтельство изъ самой краткой лѣтописи (137): «И съ того времени всякую свободу казакамъ отняли и тяжкія подати наложили необычно; церкви и обряды церковные жидамъ запродали, дѣтей казачьихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ вытискали и проч. — 4,000 казаковъ оставили родину, и отправились искать счастья въ службѣ персидскаго шаха; по дорогѣ они были остановлены Донцами, соединились съ ними, и взяли Азовъ; другіе казаки бѣжали также въ московскіе предѣлы. Эти побѣги обезпокоили Потоцкаго; онъ писалъ къ краковскому кастеляну 6 декабря 1638 года: «Неоднократно писалъ я къ вамъ, прося припомнить его королевскому величеству, чтобъ онъ пресѣкъ путь этимъ своевольцамъ въ Москву, потребовавъ отъ царя выдачи всѣхъ бѣжавшихъ туда измѣнниковъ: ибо извѣстно, что воръ не украдетъ, если ему нѣкуда спрятаться; я не сомнѣваюсь, что эта выдача положить предѣлъ своеволь-

(135) Маркевичъ, прилож. IX.

(136) Маркевичъ, прилож. X.

(137) Самовидца.

ствамъ (138). «Но уже цѣлая Малороссія готова была бѣжать въ Москву: цѣлую Малороссію нельзя было выдать.

Кіевскій Синописисъ полагаетъ въ 1638 году гетмана Савалтовича, того самаго, котораго Ригельманъ ставитъ прежде Павлюги! Другіе прямо послѣ Острианицы полагаютъ Полтора-Кожуха, который старался было завести возстаніе, но толпы его были разбѣяны княземъ Тереміею Вишневецкимъ, самымъ злымъ врагомъ казаковъ. Полтора-Кожуха долженъ былъ уйти въ степи, гдѣ скитался три года, служа крымскому хану; онъ умеръ въ голой степи, гдѣ нельзя было найти досокъ, чтобъ сколотить ему гробъ; говорятъ, его похоронили въ горѣлочной бочкѣ. Преемникомъ его былъ Гулакъ, иначе Булюкъ или Билукъ. И этотъ имѣлъ одинакую участь съ своимъ предшественникомъ: былъ разбитъ Чарнецкимъ при Тясминѣ, и принужденъ былъ держаться въ степи, помогая Москвѣ, Крымцамъ и Туркамъ; говорятъ, будто онъ ходилъ съ Турками противъ Персовъ до самой Эривани. Между-тѣмъ польскіе паны владычествовали неограниченно въ Малороссіи, составивъ себѣ тамъ огромныя помѣстья; у казаковъ же, по словамъ лѣтописца, кромѣ жены, не оставалось ничего собственнаго. Въ такомъ положеніи была Малороссія, когда началъ свое поприще Зиновій Богданъ Хмѣльницкій. Но прежде нежели приступимъ къ описанію дѣлъ его, мы должны обозрѣть религіозное движеніе въ Малороссіи, въ высокой степени замѣчательное.

Мы видѣли уже, что и князь Константинъ Острожскій единственнымъ средствомъ къ успѣшной борьбѣ съ католицизмомъ, считалъ распространеніе просвѣщенія между православнымъ народонаселеніемъ, особенно между духовенствомъ. Послѣ насильственного введенія униі, эта потребность духовнаго оружія становилась все болѣе и болѣе ощутительною, и вотъ для поддержанія православія являются въ Малороссіи знаменитыя братства. Въ 1615 году, жена мозырскаго повѣтоваго маршалка, Степана Лозки, Анна Гулевичевна отказала свой дворъ и землю въ Кіевѣ, со всѣми угодами и доходами подъ ставропигіальнѣйшій патриаршіи монастырь и подъ школу для дѣтей дворянскихъ и мѣщанскихъ, также подъ гостинницу для странниковъ духовнаго чина восточной-церкви, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ монастырь и школа и весь чинъ и строеніе распоряжаемы и устроиваемы были по закону и чину католической восточной-церкви греческаго обряда (139). Въ 1616 году, состоялся уставъ Кіевского-Братства (140), по образцу братствъ, основавшихся въ другихъ городахъ — Львовѣ, Вильнѣ, Могилевѣ: «По благословенію и повелѣнію св. патриарховъ, говорить записъ, мы начинаемъ душеспасительный, дружелюбный союзъ, братство церковное: къ утѣшенію и утвержденію въ благочестіи нашего русскаго рода, сыновъ восточнаго православія, обывателей воеводства кіевскаго, какъ

(138) Маркевичъ, прилож. X.

(139) Акты, издан. времен. комис. въ Кіевѣ, т. II, № 1-й.

(140) Тамъ же № 2-й.

всякаго духовнаго, такъ и свѣтскаго дворянскаго сословія, мѣщанъ всей республики и всѣхъ христоименитыхъ людей; для воспитанія христіанскихъ учениковъ, какъ духовныхъ — для умноженія и вкорененія христіанскихъ добродѣтелей честной иноческой жизни, для преподаванія полезныхъ наукъ и образованія дѣтей народа христіанскаго, такъ и свѣтскихъ — для защиты вдовъ, сиротъ, и для вспомоствованія всякимъ обдѣлѣвшимся людямъ.» Первымъ членомъ братства подписался Петръ Могіла, урожденный господаревичъ молдавскій, архимандритъ Кіево-Печерской-Лавры. Въ 1629 году Сигизмундъ III утвердилъ братство своею грамотою (141). Петръ Могіла, который уже прежде основалъ школу на своемъ иждивеніи въ Кіево-Печерскомъ-Монастырѣ, перевелъ ее, по просьбѣ членовъ братства, въ Братскій-Монастырь, при чемъ будучи старшимъ братомъ, назначенъ пожизненнымъ блюстителемъ и защитникомъ школы, церкви и монастыря, вмѣстѣ съ годичными старостами, избираемыми изъ среды дворянъ (142). Въ 1617 году основано было Братство-Луцкое (143); въ 1619 подтверждено Сигизмундомъ III (144). Въ томъ же году дворяне Волынскаго-Воеводства дали мѣщанамъ луцкимъ листъ (145), которымъ передали имъ надзоръ и попеченіе за дѣлами братства, потому-что, говорятъ дворяне, мы въ городъ вообще не живемъ, и по отдаленности не часто бываемъ, и потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ господъ братіи нашихъ, господъ мѣщанъ луцкихъ съ тѣмъ, чтобъ они, какъ участники въ этомъ дѣлѣ на мѣстѣ нашемъ, несли всѣ труды, и имѣли надзоръ, и наблюдали за всякимъ порядкомъ, и во всемъ ссылались бы на насъ, какъ на старшихъ. А мы тоже, какъ старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться и защищать ихъ на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ.»

Уставъ Луцкаго-Братства былъ слѣдующій (146): 1) Пресвитеръ церкви, избравъ четырехъ старшихъ братіи, составляетъ съ ними засѣданіе; каждаго новаго члена, желающаго вступить въ братство, предлагаетъ пресвитеръ, и если желающій согласится на всѣ нижесозначенныя правила, то долженъ цѣловать крестъ изъ рукъ пресвитера, и руку іерейскую, и каждому брату подать свою руку на вѣрность братству; тогда же обязанъ положить въ братскую кружку вступнаго шесть грошей. Выборъ четырехъ старшихъ братіи и распределеніе между ними должностей происходитъ ежегодно на Оомниой-Недѣлѣ. 2) Если бы кто-нибудь изъ братьевъ велъ себя непристойно и уклонялся отъ обязанности своей, то старшіе тихо и съ братскою любовію, должны ему о томъ напомнить одинъ и нѣсколько разъ. Еслибъ кто не уважилъ

(141) Кіев. акты, т. II, № VI.

(142) Тамъ же, № VII и VIII.

(143) Тамъ же, т. I № 1.

(144) Тамъ же, № 2.

(145) Тамъ же, № III.

(146) Тамъ же, № VII.

ихъ напоминаній и безбоязненно жилъ въ смертныхъ грѣхахъ и безчинствахъ, то они должны жаловаться на него пресвитеру, какъ старшему, который властію, порученною ему отъ патріарха, долженъ подвергнуть ослушника законному наказанію. Если бы и то было не уважено, тогда священникъ, передъ всею церковію, объявляетъ о преступникѣ, дабы съ нимъ никто ни въ чемъ не смѣлъ сообщаться, до-гѣхъ-порѣ, пока не опомнится. 3) Сходку обыкновенную братья должны имѣть каждую недѣлю, тотчасъ по утрени на одинъ только часъ; а на главную сходку сходятся разъ въ мѣсяцъ послѣ обѣда. 4) Здѣсь каждый братъ обязанъ давать въ кружку по четыре бѣлыхъ; если бы кто-нибудь изъ братьевъ былъ въ отлучкѣ и жилъ далеко, и не могъ такъ часто являться на сходкахъ, такой долженъ представить весь взносъ разомъ въ годъ. 5) Кружка братская должна находиться въ казнѣ церковной. Отъ казны ключъ долженъ держать одинъ старшій братъ, а другіе два старшіе брата должны держать ключи отъ самой кружки; выдача денегъ должна производиться въ засѣданіи братства. Четвертый братъ долженъ держать реестръ приходу и расходу; каждый годъ, при выборѣ старшихъ братьевъ, прежніе должны отдавать отчетъ въ своемъ управленіи братскою казною. 6) Доходы братства должны обращаться только на поддержаніе и поправку церкви, на милостыню, преимущественно братьямъ, потомъ на призрѣніе убогихъ, на содержаніе сиротъ, на устройство школы, на погребеніе странныхъ и убогихъ, и поминовеніе, на милостыню за ктиторовъ и другихъ скончавшихся братій. 7) На сходкахъ должно заботиться и разсуждать о всякомъ благѣ ближнихъ своихъ. 8) На сходкахъ братья обязаны другъ другу взаимнымъ уваженіемъ, и если бы кто-нибудь изъ братьевъ малѣйшимъ словомъ оскорбилъ другаго, то долженъ тотчасъ же за это подвергнуться наказанію, какое братья присудятъ ему; онъ обязанъ также, не выходя изъ засѣданія просить прощеніе у обиженного и у всего братства. Словъ невѣжливыхъ какихъ-либо или площадныхъ, чтобъ не было; но по окончаніи дѣлъ своихъ, вмѣсто неприличныхъ шутокъ, пусть будутъ читаны книги, и ведутъ бесѣды о предметахъ нравственныхъ и назидательныхъ. 9) Еслибъ кто-нибудь изъ братьевъ, по простотѣ и необразованности, не сумѣлъ изложить какого-нибудь дѣла своего въ братствѣ, то ему вольно избрать для этого искуснѣйшаго брата. 10) Дѣла и совѣщанія братскія должны оставаться подъ покровомъ тайны, нарушеніе которой подвергаетъ виновнаго наказанію, какое присудитъ ему братія. 11) Еслибъ по приговору братскому и по власти пресвитерской, кто-нибудь изъ братьевъ за извѣстный проступокъ былъ отлученъ, а другой имѣлъ бы съ нимъ сообщеніе, то и послѣдній подвергается также отлученію. 12) Еслибъ кто-нибудь изъ братьевъ раззорился, или подвергся какому-нибудь несчастію, тогда всѣ братья, какъ братскими деньгами, такъ и отъ себя, обязаны ему помогать, въ бользни призирать, о душѣ заботиться. Деньги братскія могутъ быть ссужаемы обѣднѣвшимъ братьямъ безъ процентовъ. 13) Когда умретъ братъ, то всѣ братья должны провожать его до гроба со свѣчами братскими;

до святой литургіи и во время ея должны стоять при тѣлѣ съ зажженными свѣчами, а литургія должна быть за покойнаго братская, также и коливо и раздача милостыни изъ кружки братской.»

Въ 1624 году Луцкое-Братство признало необходимымъ учредить при братской церкви монастырь (147); монахи обязаны были жить въ совершенной общинѣ, т. е., не имѣть ничего своего. Замѣчательнъ уставъ Луцкой-Греко-Латино-Словенской-Школы (148): 1) Желаящій вступить въ школу долженъ былъ, явившись къ ректору, избранному изъ монаховъ, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣднѣи и къ содержанію, для того чтобъ успѣшно начать, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія; ибо каждый принимается только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ окончилъ въ школѣ полный курсъ наукъ. 2) Если вступить не захочетъ, отходить съ благословеніемъ; если согласится на порядокъ и правила, то долженъ объявить старшему, и внести въ школьную кружку четыре гроша: тогда будетъ вписанъ въ ученики. 3) Ученикъ обязанъ оказывать совершенное, безотвѣтное послушаніе старшему, или кому старшій прикажетъ. 4) Поступивши въ школу, ученикъ долженъ просить совѣта у начальника ея, за какую науку ему взятыя, и совѣту этому долженъ слѣдовать охотно; исключаются тѣ ученики, которые родителями или опекунами назначены къ какой-либо извѣстной наукѣ. 5) Никто изъ учениковъ не долженъ заниматься ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно съ товарищами, никакими сдѣлками, ни закладывать, ни торговать, ни покупать, безъ вѣдома учителя. 6) Что будетъ говорить или дѣлаться въ школѣ, того никто за порогъ школьный выносить не долженъ. 7) Ученики не должны держать у себя никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей школьных; также не должны имѣть никакихъ иновѣрческихъ еретическихъ книгъ. Касательно порядка преподаванія было установлено: сперва учатся складывать буквы, потомъ принимаются за грамматику, причемъ учатся также церковному порядку, чтенію, пѣнію. Заведенъ ежедневный обычай, чтобъ дѣти одинъ другаго спрашивали по-гречески, и отвѣчали по-словенски; и также чтобъ спрашивали по-словенски, а отвѣчали на простомъ языкѣ. Но вообще ученики не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, а на словенскомъ и греческомъ. Послѣ грамматики приступаютъ къ высшимъ наукамъ: діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по-словенски (149).

Когда, послѣ гибели Острианицы, Поляки увеличили свои притѣсненія въ Малороссіи, то въ 1640 году, Петръ Могила, тогда уже митрополитъ, созвалъ въ Кіевѣ соборъ, цѣль котораго изложилъ въ пригласительномъ посланіи (150): «Православная-церковь россійская,

(147) Кіев. акты, I, № VIII.

(148) Тамъ же № IX.

(149) Тамъ же. № X.

(150) Тамъ же, № XVII.

будучи уже давно подвержена сильному гоненію, не въ-состояніи отдалить отъ себя хищныхъ волковъ, такъ, чтобъ православные и послушные сыны восточной-церкви не имѣли никакихъ съ ними сношеній относительно религіи. Отъ-того многіе православные, одни по невѣдѣнію, другіе отъ частаго присутствія при ихъ поученіяхъ и богослуженіи, чрезвычайно-искажали себя, такъ-что трудно распознать, подлинно ли они православные, или только по имени. А иные пристали къ разнымъ богомерзкимъ сектамъ. Отъ-того санъ духовный и монастырскій пришѣлъ въ нестроеніе, и настоятели, предавшись нерадѣнію, не только не заботятся ни малѣйше о порядкѣ, но и во всемъ очень отделились отъ древнихъ отцевъ. Такимъ-образомъ и въ братствахъ, отвергнувъ ревность своихъ предковъ и поправъ нравы, каждый хочетъ своего и дѣлаетъ по-свѣдому. Однимъ словомъ, вся наша русская церковь, не въ догматахъ вѣры, которые содержатся нерушимо, но въ обычаяхъ, относящихся къ молитвѣ и благочестивой жизни, весьма-повреждена. Теперь, по причинѣ наступившаго великаго гоненія, по желанію многихъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, всего же болѣе по требованіямъ нашей совѣсти, которая не позволяетъ намъ терпѣть долѣе такого безпорядка, а также и для потребности весьма-важной мы назначили соборъ.»

Для примѣра гѣхъ гоненій, о которыхъ упоминаетъ Могіла, приведемъ протестъ о нападеніи учениковъ іезуитской коллегіи на Луцкое-Братство въ 1634 году (151). Когда, 24 мая, духовенство римско-католическаго костела шло съ св. Тайнами, то человекъ сто іезуитовъ, слугъ коллегіума, учениковъ и разныхъ ремесленниковъ, съ саблями, кортиками, ружьями, а иные съ колыями и камнями, ворвались во дворъ братской церкви, въ комнаты духовныхъ лицъ и въ богадѣльню, начали отбивать и ломать церковныя двери. Видя же, что дверей, крѣпко запертыхъ внутри, выбить нельзя, побѣжали на колокольню и стали звонить; когда на звонъ этотъ прибѣжало еще больше фанатиковъ, то они, соединенными силами, ворвались въ церковь, опрокинули под-свѣчники, скамьи, посрывали ковры; другіе же бѣгая по церковному двору съ палками, саблями и другимъ оружіемъ, разогнали побоями мальчиковъ изъ училища, били и мучили бѣдныхъ и увѣчныхъ людей въ богадѣльнѣ, стариковъ и старухъ; камнями отвѣчали тѣмъ духовнымъ лицамъ, которые вышли-было изъ своихъ келій для ихъ увѣщанія, били чѣмъ ни попало всякаго, лишь бы только былъ Русскій; разбили два сундука и забрали изъ нихъ деньги, перебили окна, повывломили двери, сорвали крышку и ушли.

Любопытенъ также еще одинъ актъ изъ исторіи малороссійской церкви, изъ котораго видно, какъ сильная опасность, начавшая грозить православію, возбудила дѣятельность церкви, заставила ее употребить сильныя мѣры для своего охраненія: это «Совѣтованіе о благочестіи», относящееся къ 1621 году: «Все доброе», говорится здѣсь, «должно

начаться прежде всего отъ самихъ главъ, то-есть, митрополитъ, епископы и все духовенство, да отвергнуть сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя. Епископы должны проповѣдовать правую вѣру, и покаяніе и благочестивыя дѣла, обходя дома и навѣщая жилища благородныхъ. Должны также посылать и учениковъ своихъ, способныхъ учить въ церквахъ. Въ проповѣдяхъ, какъ сами епископы, такъ и поставленные и посланные отъ нихъ, во всѣхъ церквахъ и на всѣхъ мѣстахъ пусть открыто и явственно поучаютъ, что вѣра восточной-церкви, которую мы нынѣ исповѣдуемъ, есть истинная, и спасеніе въ ней несомнѣнное; а въ латинно-римской церкви и въ другихъ сборищахъ, отъ нея происшедшихъ, какъ истинной вѣры нѣтъ, такъ и спасенія достигнуть невозможно. Вѣру же, догматы и обряды восточной-церкви проповѣдники должны во всемъ справедливо одобрять, а чужія отрицать и обличать, впрочемъ, духовно и разумительно, не злорѣча, но приводя писаніе, сильныя примѣры и доказательства, и обнародовать это посредствомъ письма. На іерейство посвящать людей достойныхъ, разумныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія, посвящать даромъ, а не изъ корысти, которой ни самимъ отъ себя, ни чрезъ своихъ намѣстниковъ не требовать ни подъ какимъ предлогомъ, ни какими намеками о своихъ нуждахъ и недостаткахъ. Возбуждать и готовить къ св. мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и народъ. Писать и печатать въ защиту благочестія книги; противникамъ возражать письменно, но только съ совѣта другихъ: ибо у нашихъ разномысліе, а у противниковъ злоба въ сердцахъ на насъ. Съ отступниками-уніатами не сообщаться, и народу на исповѣди то же внушать; обращающихся въ православіе принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Наблюдать, чтобъ въ церквахъ каждый воскресный день и праздникъ была проповѣдь. Учреждать по городамъ школы и братства. Нужно и то принять во вниманіе, что Ипатія Поцѣя, Рагозу и другихъ ихъ единомышленниковъ предки наши, изъ которыхъ многіе были люди весьма-простые, дерзали обличать безбоязненно: то же прилично дѣлать и всѣмъ православнымъ. Такъ-какъ св. апостоль Андрей есть первый архіепископъ константинопольскій, патріархъ вселенскій и апостоль русскій, и на кievскихъ горахъ стояли ноги его, и очи его Россію видѣли, и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посѣялъ: то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ — возобновить торжественно и нарочито его праздникъ. Во-истину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ странъ, ибо и въ ней проповѣдникомъ былъ апостоль. Послать къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; а равно и на св. Аѳонскую-Гору, чтобъ вызвать и привезти преподобныхъ мужей русскихъ: въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнью и богословіемъ. Предстоитъ также духовная потребность въ томъ, чтобъ Русскихъ, искренно-расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную. Если нельзя обращать самихъ писцовъ и дружину, или исчадіе ихъ,

то—есть, арианъ, евангеликовъ и лютеранъ, то, по—крайней—мѣрѣ, всѣми силами должно стараться отыскивать всѣхъ Русскихъ, которые принуждены были отступить отъ восточной-церкви. Къ—этому обязываются архіереи, ради спасенія души (152).»

ГЛАВА VI.

Извѣстія о происхожденіи и первыхъ дѣлахъ Зиновія Богдана-Хмѣльницкаго, разногласятъ другъ съ другомъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, потому-что такой великій историческій дѣятель не могъ не пріобрѣсти сильной привязанности однихъ и сильной ненависти другихъ. Всѣ согласны въ одномъ, что Хмѣльницкій былъ жестоко оскорбленъ Поляками, вмѣстѣ со всею Малороссіею. Но Хмѣльницкаго нельзя было оскорблять безнаказанно: это былъ именно одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ждуть страны и народы для удовлетворенія своихъ потребностей. Хмѣльницкій никогда не забывалъ оскорбленія, и чтобъ отомстить за себя, онъ поднимаетъ всю Малороссію отомстить за свои кровавыя обиды. Мщеніе было вѣрное, когда за дѣло принялся Хмѣльницкій: это былъ не Наливайко, не Павлюга, не Острица: храбрый и разгульный, энергическій и страстный, Хмѣльницкій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ловокъ, остороженъ, проицателенъ, и только при соединеніи такихъ качествъ въ предводителѣ, успѣхъ малороссійскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и общаго русскаго, дѣла былъ несомнѣненъ.

Одни говорятъ, что отецъ Богдана, Михайло, былъ польскій шляхтичъ, бѣжавшій изъ отечества въ—слѣдствіе преступленія, и скрывшійся между казаками; извѣстіе это, сообщаемое Полякомъ Радзминскимъ, очень замѣчательно, даже и при невѣрности своей: Поляки видятъ въ знаменитомъ предводителѣ казаковъ, по своимъ понятіямъ, потомка бѣглаго Поляка; такъ смотрѣли Поляки на казаковъ! По малороссійскимъ свидѣтельствамъ, отецъ Зиновія, Михаилъ Хмѣльникъ (153) родился въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, сперва служилъ при коронномъ гетманѣ Жолкѣвскомъ, потомъ былъ сборщикомъ податей и счетчикомъ въ Чигиринѣ, и получилъ за службу помѣстье Субботово, послѣ чего видимъ его сотникомъ въ реестровомъ Черкасскомъ Полку. Сынъ его, Зиновій, какъ говорятъ, воспитывался сперва въ Галиціи у іезуитовъ, кончилъ курсъ наукъ въ Варшавѣ, искусенъ былъ въ новыхъ европейскихъ языкахъ, также въ латинскомъ и греческомъ. Въ 1620 году, въ знаменитомъ сраженіи съ Турками при Цецорѣ, гдѣ палъ гетманъ Жолкѣвскій, убитъ былъ также и Михаилъ Хмѣль-

(152) Кіев. акты, I, № XXXII.

(153) Но если онъ былъ Хмѣльникъ, то не могъ быть потомкомъ прежняго вождя казацкаго, Венцеля Хмѣльницкаго; ибо короткая форма слова не происходитъ отъ долгой.

никъ; Зиновій попался въ плѣнъ, провелъ два года въ Крыму, въ неволь, былъ выкупленъ королемъ Сигизмундомъ, и поступилъ въ королевскую гвардію; въ 1629 году, въ сраженіи съ Валахами и Венграми, взялъ въ плѣнъ двухъ князей Кантемировъ и привелъ ихъ къ королю. Далѣе слѣдуютъ такія подробности, которыя историкъ имѣетъ полное право заподозрить. Говорятъ, будто-бы при построеніи крѣпости Койдака, распоряжавшись крѣпостными работами, Чаплицкій спросилъ у Богдана:—«Неправда-ли, что крѣпость будетъ неприступна?» Хмѣльницкій отвѣчалъ:—«Никогда не слыхивалъ я и не читывалъ, чтобъ люди не могли взять чего-нибудь сдѣланнаго человѣческими же руками.» Чаплицкій заподозрилъ отвѣтъ, и отослалъ Хмѣльницкаго подъ стражею въ Чигиринъ. Но дочь Чаплицкаго, Анна, освободила Зиновія, который ушелъ въ Варшаву, и подалъ жалобу королю на Чаплицкаго. Король велѣлъ обрѣзать одинъ усъ у послѣдняго, за оскорбленіе офицера своей гвардіи. вмѣстѣ съ усомъ Чаплицкій потерялъ и дочь, которая позволила Хмѣльницкому похитить себя и вышла за него замужъ. Чаплицкій хотѣлъ отомстить: онъ донесъ Конецпольскому, что Хмѣльницкій не имѣетъ права владѣть Субботовымъ, и выпналъ зятя изъ его помѣстья. Хмѣльницкій сказалъ:—«Еще не умерла казацкая matka; Чаплицкій съ Ляхами еще не все у меня забрали, еще есть сабля въ рукахъ.» слѣдовало бы ожидать, что послѣ такихъ угрозъ Хмѣльницкій прямо возьмется за саблю; вмѣсто-того онъ поѣхалъ въ Варшаву, хлопотать о возвращеніи Субботова. Во время отсутствія Богданова, Чаплицкій сжегъ его мельницы и винокурню, увелъ его любовницу, и сына Тимофея высѣкъ плетью (т. е. роднаго внука своего!). Между-тѣмъ въ Варшавѣ Хмѣльницкій видѣлся съ королемъ Владиславомъ: тотъ посоветовалъ ему платить насиліемъ за насилія—и Богданъ воротился въ Малороссію генеральнымъ писаремъ; наказнымъ гетманомъ былъ въ это время какой-то Барабашъ: какимъ-образомъ исчезъ польскій комиссаръ—не извѣстно. Барабашъ благопріятствовалъ Полякамъ, въ-слѣдствіе чего часть казаковъ возмущалась противъ него; возстаніе было усмирено. Но скоро взволновались всѣ казаки, стали допрашивать Барабаша о его намѣреніяхъ; Барабашъ поклялся дѣйствовать въ пользу войска; Хмѣльницкій уговорилъ Барабаша написать жалобу королю на жидовъ и униатовъ; Барабашъ написалъ, Владиславъ отвѣчалъ, что не возбраняетъ казакамъ стать за себя и за свою свободу. Барабашъ, несмотря на увѣщанія Хмѣльницкаго, скрылъ отвѣтъ королевскій. Между-тѣмъ Зиновій продолжалъ свою вражду съ Чаплицкимъ, вызвалъ его на поединокъ; Чаплицкій выслалъ противъ него убійцъ, но Хмѣльницкій спасся отъ нихъ; но не спасся отъ тюрьмы, куда заключилъ его Александръ Конецпольскій, по доносу Чаплицкаго. Уже Хмѣльницкому угрожала голодная смерть, какъ-вдругъ разыгралась опять та же исторія: жена Чаплицкаго, прежняя любовница Богдана, выпросила ему свободу. Хмѣльницкій ушелъ къ Запорожцамъ перезвалъ къ себѣ казаковъ, оставшихся послѣ Гулака.

При первомъ уже взглядѣ на этотъ рассказъ, какъ читаемъ его у

нѣкоторыхъ малороссійскихъ историковъ, видно, что онъ требуетъ критической очистки, что здѣсь факты достовѣрные перемѣшаны съ смутными народными преданіями. Къ этимъ преданіямъ сомнительной вѣрности относится отвѣтъ Хмѣльницкаго о крѣпости Койдакъ, равно извѣстіе о двукратномъ спасеніи Богдана посредствомъ женщины. Мы оставимъ всѣ это розказни, и обратимся къ акту неоспоримому—это *изчисленіе обидъ*, нанесенныхъ казакамъ, посланное самимъ Хмѣльницкимъ къ краковскому кастеляну (154); вотъ эти обиды: «Панъ Чаплицкій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ себѣ у покойнаго пана кастеляна краковскаго, принадлежащій Хмѣльницкому родовій хуторъ, на который у Хмѣльницкаго находится жалованная его предкамъ королевская грамота и подтвержденіе этой грамоты, данное ему самому нынѣшнимъ королемъ. Панъ Чаплицкій, наѣхавши на заселенныя слободы съ шайкою голодныхъ людей, завладѣлъ гумномъ, въ которомъ находилось 400 коненъ хлѣба, и всѣхъ домашнихъ Хмѣльницкаго заковалъ въ цѣпи. Тотъ же панъ Чаплицкій, гнѣваясь, что Хмѣльницкій жаловался на него въ судъ за причиненныя насильства, приказалъ своей дворнѣ высѣчь плетью среди базара сына Хмѣльницкаго, десятилѣтняго мальчика, такъ жестоко, что онъ полумертвымъ былъ принесенъ домой, и вскорѣ потомъ умеръ (155). Панъ Комаровскій, зять Чаплицкаго, нѣсколько разъ клялся въ присутствіи разныхъ казаковъ и эсауловъ, что ежели имъ не удастся сладить съ Хмѣльницкимъ, то они непременно убьютъ или прикажутъ убить его. Панъ хорунжій коронный, возвращаясь изъ Запорожья, велѣлъ взять Хмѣльницкаго подъ стражу и отрубить ему голову, и когда, по этому случаю, Хмѣльницкій хотѣлъ искать спасенія у пана кастеляна краковскаго, то по большимъ дорогамъ расположена была засада (156). Въ 1646 году, когда Хмѣльницкій отвозилъ къ пану кастеляну краковскому двухъ Татаръ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, то въ отсутствіе его взять у него съ конюшни за поволощину сѣрый конь. Украинскіе урядники насильно берутъ все, что имъ понравится въ домѣ казака; жены, дочери казацкія принуждены плясать, когда они заиграютъ. Въ 1647 году, когда Хмѣльницкій ѣхалъ подлѣ своего полковника на встрѣчу Татарамъ, нѣкто Дашевскій, подговоренный какимъ-то старшиною, подѣхавши къ Хмѣльницкому сзади, такъ ударилъ его по головѣ, что размозжилъ бы ему черепъ, еслибъ не защитилъ его желѣзный шлемъ. Когда Хмѣльницкій спросилъ о причинѣ такого поступка, то Дашевскій отвѣчалъ: — «А я думалъ, братъ, что ты Татаринъ (157).» Важнѣйшею для себя обидою Хмѣльницкій почитаетъ то, что его коварно оклеветалъ какой-то Песта-Хамъ, казакъ, передъ хорунжимъ корон-

(154) Кіев. акты, I, отд. III, № 1.

(155) Слѣд. это былъ не Тимофей, который долго жилъ послѣ этого.

(156) О заключеніи въ тюрьмѣ ни слова, слѣд. не могло имѣть мѣста и освобожденіе посредствомъ женщины.

(157) Слѣд. это происходило не во время битвы, и не до изгнанія Хмѣльницкаго изъ Субботова, какъ полагаютъ малороссійскіе историки.

нымъ, будто онъ замышлялъ отправить на море вооруженныя суда. Этотъ доносъ, вмѣстѣ съ претензіями пана Чаплицкаго, разсердилъ хорунжаго, который велѣлъ искать случая умертвить Хмѣльницкаго. Тогда послѣдній бѣжалъ въ Запорожье (158).»

Когда Хмѣльницкій ушелъ въ Запорожье, не было ни одного города, ни одной деревни, гдѣ бы не раздавались призывы къ освобожденію; напоминаніе о заслугахъ казацкихъ, о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія. Гетманъ Потоцкій понялъ опасность, и немедленно двинулся съ войскомъ въ Малороссію; онъ пишетъ къ королю (159): «Еслибъ я не употребилъ скорого противодѣйствія, то на Украинѣ поднялся бы пламя, которое можно было бы погасить не скоро, или только большими силами. Одинъ князь, воевода русскій, отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ; то же сдѣлали и другіе. Все это оружіе съ людьми перешло бы къ Хмѣльницкому.» Не одинъ разъ Потоцкій посылалъ къ Хмѣльницкому съ предложеніемъ выйти изъ Запорожья, обѣщая прощеніе; наконецъ отправилъ ротмистра Хмѣлецкаго, съ увѣреніями, что и волосъ съ головы его не спадетъ, если онъ отстанетъ отъ мятежа. Хмѣльницкій не былъ такъ простъ: онъ хорошо помнилъ судьбу Острианцы, зналъ, какъ можно полагаться на польскія обѣщанія, и потому отпустилъ Хмѣлецкаго съ слѣдующими требованіями: 1) чтобъ Потоцкій вышелъ съ войскомъ изъ Украины; 2) удалилъ изъ полковъ, назначенныхъ Поляками, полковниковъ и другія власти; 3) чтобъ возвращены были казакамъ всѣ ихъ прежнія права. «Это значитъ, пишетъ Потоцкій къ королю, дать казакамъ тѣ права, посредствомъ которыхъ они могли бы не только ссорить насъ съ посторонними, но и поднимать свою нечестивую руку на королей!»

Скоро число сообщниковъ Хмѣльницкаго увеличилось до 3,000 человекъ, съ которыми онъ началъ укрѣпляться на Будкахъ, въ низовой Днѣпра. Потоцкій пишетъ, что прежде хорошо было бы привести въ исполненіе средство, предложенное королемъ, а именно, позволить казакамъ побѣгъ на море; но что теперь это опасно. Эти слова Потоцкаго объясняютъ намъ извѣстіе (160), что Хмѣльницкій, съ помощію какого-то Ильяша Ормянчина, любимаго королемъ, досталъ у Владислава позволеніе на постройку морскихъ лодокъ, безъ вѣдома гетмановъ коронныхъ. Касательно дѣйствій и положенія Хмѣльницкаго до насъ дошло любопытное письмо подольскаго судьи Мясковского къ

(158) И здѣсь не было никакого заключенія въ тюрьму, а слѣд. не могло быть и освобожденія посредствомъ женщины — Хмѣльницкій не жалуется ни на какіе аресты, ни на какое заключеніе со стороны Чаплицкаго; отсюда имѣемъ право думать, что никакихъ арестовъ и заключеній не было, слѣд. не было и освобожденія посредствомъ Анны, дочери Чаплицкаго. — Хмѣльницкій жалуется только на угрозы со стороны Чаплицкаго и зятя его, Комаровскаго, а въ малороссійскихъ исторіяхъ уже находимъ подосланныхъ убійцъ, отъ которыхъ опять спасаютъ Хмѣльницкаго шлемъ и латы.

(159) Кіев. акты, I, отд. III, № 2.

(160) Лѣтопись Самовидца.

коронному канцлеру отъ 2-го апрѣля 1648 г. «Хмѣльницкій сильно укрѣпляется палисадомъ и рвами на неприступномъ островѣ Буцкѣ; провіантъ у него въ изобиліи, есть и пороховой заводъ. Онъ требуетъ того же, чего и прежде хотѣлъ, да, сверхъ-того, чтобъ ни одинъ Ляхъ не былъ старшиною въ Запорожскомъ-Войскѣ. Вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское обхожденіе съ казаками. Прибавлю, что съ ними будетъ продолжительная и трудная война (161).» Конискій пишетъ, что первымъ дѣломъ Хмѣльницкаго было взятіе крѣпости Койдака, подробно описываетъ это взятіе, прибавляя, что по овладѣніи крѣпостью, Хмѣльницкій назначилъ ее сборнымъ мѣстомъ для малороссійскаго войска. Но, во-первыхъ, мы знаемъ, что это сборное мѣсто было на островѣ Буцкѣ; во-вторыхъ, еслибъ Хмѣльницкій прежде всего овладѣлъ Койдакомъ, то это должно было бы имѣть мѣсто, по крайней-мѣрѣ, прежде 4-го мая, когда выступившій противъ Хмѣльницкаго отрядъ казаковъ возмутился противъ Польши; самъ Конискій это возстаніе описываетъ послѣ койдакаго взятія; но до насъ дошло письмо Гродзицкаго, койдакаго губернатора, къ гетману Потоцкому отъ 9-го мая изъ Койдака (162); Гродзицкій увѣдомляетъ о возмущеніи отряда, отправленнаго противъ Хмѣльницкаго, и требуетъ подкрѣпленія. По соображеніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, открывается, что два гетмана, коронный—Николай Потоцкій, и напольный—Калиновскій, узнавъ, что Хмѣльницкій все болѣе и болѣе усиливается въ Запорожьи, пришли со всѣми коронными войсками къ городу Черкасамъ. Отправивъ здѣсь Свѣтлое Воскресенье, гетманы отправили противъ Запорожьи отрядъ польскихъ войскъ, подъ начальствомъ сына гетманова, Степана Потоцкаго, присоединивъ къ нему корпусъ казаковъ съ Барабашемъ; изъ этихъ казаковъ, одни пошли сухимъ путемъ вмѣстѣ съ Поляками, другіе, съ Барабашемъ, поплыли въ чолнахъ по Днѣпру; по однимъ извѣстіямъ у Поляковъ было тысячъ шесть войска, да казаковъ тысячъ шесть (163); по другимъ у Поляковъ было 2,000 войска (164), нѣкоторые же считаютъ у Поляковъ 9,000, да у Барабаша пять тысячъ (165). Казаки, плывшіе по Днѣпру, миновавъ города, и не доходя пороговъ, возстали противъ Поляковъ, перебили старшину, въ томъ числѣ и Барабаша, равно какъ нѣмецкую пѣхоту, посаженную къ нимъ въ лодки, и послали съ вѣстію объ этомъ къ Хмѣльницкому; послѣдній тотчасъ отправилъ къ нимъ Татаръ, которые, взявши казаковъ на своихъ лошадяхъ, привезли ихъ къ Богдану на Желтыя-Воды, гдѣ онъ встрѣтился съ Степаномъ Потоцкимъ; казаки, находившіеся при послѣднемъ, видя, что братья ихъ присоединились къ Хмѣльницкому, послѣдовали ихъ примѣру, равно какъ драгуны, набранные изъ

(161) Кіев. акты, I, отд. III, № 4.

(162) Тамъ же, № 5.

(163) Лѣтопись Самовидца.

(164) Исторія о бунтахъ Хмѣльницкаго.

(165) Конискій.

русскихъ поселянъ (166). Подкрѣпленный такою сильною помощію, Хмѣльницкій съ успѣхомъ напалъ на Потоцкаго; тотъ нѣсколько дней отбивался съ большимъ урономъ, и принужденъ былъ отступить къ Княжимъ-Байракамъ, но въ этомъ отступленіи потерпѣлъ совершенное пораженіе, и, израненный, попалъ въ плѣнъ съ своимъ старшиною; Потоцкій умеръ отъ ранъ въ Сѣчи, остальные знатные плѣнники отданы были въ Крымъ.

Пораживъ Степана Потоцкаго, Хмѣльницкій двинулся противъ обоихъ гетмановъ, стараго Потоцкаго и Калиновскаго, настигъ ихъ у Корсуна, разбилъ на-голову, и обоихъ взялъ въ плѣнъ; мало кто изъ Поляковъ спасся послѣ этого пораженія. Хмѣльницкій провозглашенъ былъ гетманомъ. Вотъ достовѣрныя черты событіи. Но не такъ читаемъ у Конискаго и у историковъ, ему послѣдующихъ. У нихъ Степанъ Потоцкій былъ разбитъ подъ Койдакомъ; казаки, ѣхавшіе въ лодкахъ, возмутились не прежде битвы, но вскорѣ послѣ битвы, и явились, Богъ вѣдаетъ какъ, на сцену; цѣль ихъ внезапнаго появленія впрочемъ ясна; нужно было заставить Хмѣльницкаго произнести рѣчь, которыя такъ любитъ сочинять авторъ исторіи Руссовъ. Послѣ этого койдакаго сраженія Богданъ былъ провозглашенъ гетманомъ 15-го октября 1647 года! Тогда-какъ мы имѣемъ письма съ извѣстіями о событіяхъ, бывшихъ до отправленія Степана Потоцкаго, и эти письма отъ апрѣля 1648 года (167). По Конискому отъ койдакаго сраженія до сраженія при Желтыхъ-Водахъ проходитъ семь мѣсяцевъ, въ-продолженіе которыхъ оба гетмана стоятъ спокойно, неизвѣстно гдѣ, и равнодушно смотрятъ, какъ Хмѣльницкій дѣлаетъ свои распоряженія. При Желтыхъ-Водахъ Богданъ поражаетъ гетмана Потоцкаго, съ которымъ, впрочемъ, неизвѣстно что послѣ дѣлается, потомъ беретъ Каменецъ и поражаетъ Калиновскаго. Одинъ писатель (168), назначетъ числа такимъ-образомъ: 8-го апрѣля битва на Желтыхъ-Водахъ, 16-го мая подъ Каменцомъ, 28-го Богданъ остановился въ Бѣлой-Церкви, откуда написалъ универсалъ ко всѣмъ Малороссіянамъ, 27-го іюня битва корсунская. При этомъ онъ утверждаетъ на бѣло-церковскомъ универсалѣ, взятомъ изъ лѣтописи Фроловской и Конискаго, въ которыхъ Богданъ говоритъ, что онъ разбилъ Поляковъ на Желтой-Водѣ апрѣля 8, и потомъ подъ Каменцомъ мая 16, потомъ продолжаетъ: «Притягнувши отъ Каменца, и станувши обозомъ нашимъ войсковымъ тутъ подъ Бѣлоу-Церковью, пишемъ до васъ сей универсалъ.» Но Ригельманъ сообщаетъ другой списокъ того же универсала, гдѣ въ означенныхъ мѣстахъ вмѣсто Каменца поставленъ Корсунъ; въ универсалѣ, находящемся у Симоновскаго (162), читаемъ то же самое: «На Жолтой-Водѣ мая 8-го, а потомъ подъ *Корсуномъ* мая 16-го.

(166) Шевалье у Ригельмана, Лѣтоп. Самовидца, Ригельманъ.

(167) Кіев. акты, I, III. № 3 и слѣд.

(168) Маркевичъ.

(169) Чтеніе москов. истор. общ., годъ III, № 2.

Но этого мало: до насъ дошло письмо изъ Бѣлой-Церкви въ Варшаву отъ какого-то пана Чернаго къ пану канцлеру съ извѣстіемъ о корсунской битвѣ: это письмо отъ 25-го мая (170)! Имѣемъ и письмо брацлавскаго воеводы Кисселя къ архіепископу гнѣзненскому о корсунскомъ пораженіи и взятіи въ плѣнъ обоихъ гетмановъ, письмо отъ 31-го мая 1648 (171). Наконецъ князь Іеремія Вишневецкій, въ письмѣ отъ 12-го августа 1648 года, послѣ битвы подъ Константиновымъ и взятія Бара, пишетъ: «и Каменцу вѣрно угрожаетъ такое же разрушеніе и бѣдствіе, если мы не подадимъ скорой помощи (172).»

Мы упомянули объ универсалѣ Хмѣльницкаго, разосланномъ изъ-подъ Бѣлой-Церкви; этотъ универсалъ очень-замѣчательнъ. Богданъ пишетъ, что Поляки, приведенные въ ярость пораженіями при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ, собираютъ многочисленную рать, склоняютъ и короля Владислава выступить противъ казаковъ, съ цѣлю опустошить страну, истребить жителей; что онъ, Богданъ, съ своимъ войскомъ рѣшились стать не противъ короля, но противъ гордыхъ Поляковъ за королевскія же привилегіи. Крайне любопытенъ историческій взглядъ Богдана на отношенія Поляковъ и Малороссіянъ: «изъ польскихъ лѣтописцевъ извѣстно, говоритъ Хмѣльницкій, что Поляки, происшедши отъ насъ, Савроматовъ и Руссовъ, и живя сначала съ нами, братьями своими, по несытному желанію славы и богатства удалились отъ насъ, и приняли другое названіе, Ляховъ или Поляковъ, сѣли между рѣками Одеромъ и Вислою, на чужой землѣ, многимъ окольнымъ землямъ и владѣніямъ нанесли сильный вредъ своими разбоями, расплодился и не будучи довольны опустошеніями странъ чуждыхъ, подобно Каину, обратились на насъ, Руссовъ или Сарматовъ, родную свою братію. Подъ предводительствомъ короля своего, Казимира-Великаго завоевали ослабленныя княжества Кіевское и Острожское, и подчинили себѣ наши старинныя русскія области отъ Подола и Волохъ по Вислу, и до самой Вильны и Смоленска. Въ земляхъ этихъ испразднили наше славное имя казацкое и, что еще хуже, насильно отвели отъ православной вѣры. Мы не станемъ исчислять всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ нами отъ Поляковъ, потому-что они очень-извѣстны. Не сердитесь на насъ за то, что мы начали нынѣшнюю войну безъ вѣдома и совѣта вашего всенароднаго: мы поступили такъ для пользы общей, вашей и нашей, научившись осторожности изъ примѣра прежнихъ начальниковъ, которые универсалами своими предостерегали Поляковъ, и давали имъ средства приготовиться къ нападенію. Теперь же объявляемъ: кому мила вѣра благочестивая, обращенная Поляками въ унию, кому люба цѣлость отчизны нашей и честь шляхетская, Поляками поруганная, тотъ пусть спѣшитъ на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи къ намъ въ обозъ подъ Бѣлую-Церковь.» Для большаго побужденія къ защитѣ противъ По-

(170) Кіев. акты, I, III, № 6.

(171) Тамъ же, № 7.

(172) Тамъ же, № 37.

ляковъ, Богданъ прибавляетъ, что онъ началъ войну не безъ вѣдома и позволенія короля, который въ 1636 году при своей коронаціи подтвердилъ ему, Хмѣльницкому, и Бабарашу всѣ прежнія казачія права и сказалъ, что въ случаѣ сопротивленія Поляковъ, казаки имѣютъ право обороняться оружіемъ. «Если король, заключаетъ Богданъ, не выступитъ съ Поляками противъ насъ, то мы не усталимся пановъ и войскъ ихъ, какъ тѣмъ безъ глазъ, потому что если ветхій Римъ, мать всѣхъ городовъ европейскихъ, былъ взятъ горстью храбрыхъ Руссовъ, вышедшихъ съ поморія балтійскаго, подъ предводительствомъ своего князя, который владѣлъ Римомъ 14 лѣтъ, то намъ теперь, потомкамъ тѣхъ древнихъ Руссовъ, кто можетъ противиться.»

На призывъ Хмѣльницкаго вооружилась вся Малороссія, не только казаки, но и крестьяне, всего болѣе ожесточенные противъ польскихъ или ополченныхъ владѣльцевъ своихъ. Последніе, боясь истребленія, начали перебираться въ Польшу. О состояніи Украйны въ это время можно получить понятіе изъ письма Кисселя, воеводы брацлавскаго, къ гнѣзненскому архіепископу, отъ 31 мая 1648 года (173). Этотъ Киссель есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ исторіи Малороссіи описываемаго времени. Онъ былъ Русскій по происхожденію и по вѣрѣ, но, какъ богатый аристократъ, привязанъ былъ всѣми матеріальными интересами къ польскому правительству; съ своимъ проницательнымъ умомъ, Киссель хорошо предвидѣлъ, къ чему поведутъ поступки Поляковъ въ Малороссіи, и заступался за ея жителей, не только по сочувствію къ однородцамъ, но также изъ опасенія, въ случаѣ окончательнаго возстанія, лишиться огромныхъ владѣній въ Украйнѣ, приносявшихъ ему 100,000 годоваго дохода. Когда возстаніе вспыхнуло, Киссель явился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи: онъ сталъ посредникомъ между казаками и польскимъ правительствомъ, старался всѣми силами потушить возстаніе; и, съ одной стороны, казаки упрекали его какъ отступника, который, будучи Русскимъ по происхожденію и вѣрѣ, стоитъ однако за Поляковъ; съ другой стороны, Поляки смотрѣли на него подозрительно, опять вслѣдствіе его русскаго происхожденія и вѣры. Киссель витіеватымъ слогомъ того времени пишетъ: «Отечество наше, до-сихъ-поръ непобѣдимое, побѣждено однимъ казакомъ, соединившимся съ частію поганства, т. е. съ Татарами; *servi nunc dominantur nobis*; онъ учреждаетъ новое княжество; несчастные братья наши, среди внезапной опасности, бросая родину, дома и другіе драгоценные предметы, бѣгутъ во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тѣмъ, что Хмѣльницкій шадитъ ее, предавая огню и мечу одно только шляхетское сословіе, отворяетъ города, замки, и вводитъ его туда. Орда обращена противъ насъ, а мы, оставшись безъ войска, безъ вождей, безъ государя, лишились и всего имущества нашего. Я первый, хотя

въ отечествѣ послѣдній, потерявъ за Днѣпромъ 100,000 дохода, едва имѣю отъ 10 до 20,000, да и то, Богъ знаетъ, уберегу ли отъ непріятеля; кромѣ-того у меня нѣсколько сотъ тысячъ долгу, нажитаго на службѣ королю и отечеству. Много есть и другихъ мнѣ подобныхъ. А откуда и какъ возникла эта внезапная опасность и тяжкое несчастье для республики, объ этомъ подробно объяснено въ моихъ письмахъ къ королю. Видя, что казаки, угнетенные и ненавидимые болѣе простыхъ холоповъ, ушедши въ Запорожье составляютъ единодушный заговоръ подъ руководствомъ побѣдителя, я всѣми силами убѣждалъ пана кастеляна краковскаго, не искать одного казака по днѣпровскимъ потокамъ, а лучше всѣхъ казаковъ удерживать въ повиновеніи, и допуская для нихъ изыятія изъ законовъ, какъ-нибудь приласкивать ихъ. Но врагъ совѣтовъ—опрометчивость, уже погубила насъ и большую часть отчизны. Теперь, когда насъ постигло такое сиротство, мы не знаемъ, что еще замышляетъ султанъ турецкій и Москвитяне, которые вчерашняго дня дали знать, что вслѣдствіе моихъ писемъ, отправленныхъ по приказанію короля, царь ихъ, исполняя условія братскаго союза, при посредствѣ моемъ заключеннаго, отправилъ 40,000 вспомогательнаго войска противъ Татаръ. Это войско уже стояло въ шести миляхъ отъ Путивля; но когда битва предварила ихъ прибытіе; когда успѣхи казаковъ уже стали имъ извѣстны, и когда слѣдается еще извѣстнымъ, что мы не имѣемъ государя: то кто можетъ поручиться за нихъ? Одна кровь, одна религія! Боже сохрани, чтобъ они не замыслили чего-нибудь противнаго нашему отечеству! Союзъ домашняго врага съ невѣрными такъ страшенъ, что едва-ли республика можетъ противостоять ему собственными силами. Врагъ нашъ тайно разсылаетъ письма вездѣ по городамъ, гдѣ только находятся Русскіе. По-этому, куда ни приступитъ непріятель, вездѣ даются города и замки безъ всякаго препятствія, войско съ огнестрѣльнымъ оружіемъ возрастаетъ до чрезвычайности. Если нѣсколько тысячъ казаковъ уничтожили наше войско и гетмановъ, то чего ожидать должно теперь, когда ихъ 100,000, а послѣ будетъ и вдвое больше. Мы теперь имѣемъ дѣло не съ тою прежнею Русью, которая вступала въ бой съ луками и рогатинами, но съ страшнымъ огнестрѣльнымъ войскомъ, которое мы должны считать въ такомъ количествѣ, что противъ доной головы нашей явится тысяча головъ съ ружьями. Имъ нельзя противопоставить чернь, живущую въ нашихъ краяхъ: она безоружна и не приучена къ войнѣ, а здѣшняя всегда употребляла оружіе, или по своеволію, или на службѣ республики. Все сказанное ведетъ къ заключенію, что эту ужасную войну приходится вести намъ самимъ; но какъ можетъ малочисленная шляхта противостать множеству черни, которая въ союзѣ съ Татарами? Поэтому я желалъ бы получить въ помощь иностранное войско и защитить какъ-можно скорѣе Волынь, пока пламя не охватило ее. Во-вторыхъ, необходимо, какъ-можно скорѣе укрѣпить, при помощи милосердаго Бога, пріязнь съ Москвою, сколько возможно скорѣйшимъ отправленіемъ посольства; въ-третьихъ, заключить союзъ съ Портою. Въ такой крайности при-

дета выбрать одно изъ двухъ: или всѣми силами усмирять враговъ; или, въ случаѣ если султанъ возстанетъ на насъ, обязать Москву христіанскимъ союзомъ, заключить съ казаками договоръ, и отворить имъ Черное-Море. Издѣвались надъ предложеннымъ мною мнѣніемъ; но то было мнѣніе гетмана Жолкѣвскаго: онъ никогда не хотѣлъ доводить это дѣло до крайней опасности.»

Синдикъ львовскій, въ письмѣ своемъ въ Польшу, также говоритъ о страшной опасности, которая начала грозить польскому владычеству въ Украинѣ, въ слѣдствіе возстанія Хмѣльницкаго; говоря о битвѣ при Желтыхъ-Водахъ, онъ приписываетъ неудачу измѣнѣ драгуновъ, которые «будучи по происхожденію Роксоланами, по религіи Греками, по одеждѣ Германцами, продали себя неприятелю.» Далѣе пишетъ: «Со всѣхъ сторонъ собиралась казачья саранча; русское крестьяне доставляли неприятелю богатые запасы провіанта, называя Хмѣльницкаго «своимъ избавителемъ и защитникомъ своей религіи. Господи, Боже! будь съ нами! Мы опасаемся безпорядковъ, тайныхъ замысловъ отъ приверженцевъ греческой религіи. То несомнѣнно, что послѣдніе съ радостію ожидаютъ неприятеля». Поляками овладѣлъ панической страхъ, усилившійся отъ дурныхъ распоряженій, отъ вражды между начальниками; пань, владѣвшіе въ Украинѣ помѣстьями, и лица правительственныя, покинули страну, между прочими и князь Іеремія Вишневецкій, заклятый врагъ казаковъ, долженъ былъ удалиться съ княгинею и съ сыномъ Михаиломъ, будущимъ королемъ, потому-что боялся положиться на восьмидесятысячный отрядъ собственнаго войска, который состоялъ изъ Русскихъ (174). Казаки торжествовали, и мстили жестоко за прежнія притѣсенія: они поставили себѣ полковниковъ и сотниковъ и, разсѣявшись по городамъ, били шляхту, замковыхъ слугъ, Жидовъ, помѣстья грабили, не оставляя ничего цѣлаго во дворахъ жидовскихъ и шляхетскихъ: рѣдкій, говоритъ лѣтопись (175), не омочилъ тогда рукъ въ крови и остался чуждъ грабительства.

Не зная, а иные говорятъ, что уже зная о смерти короля Владислава, Хмѣльницкій отправилъ въ Варшаву къ королю пословъ съ жалобой на притѣсенія и съ оправданіемъ своихъ поступковъ (176): «Мы «совершенно понимаемъ» пишетъ Хмѣльницкій: «что всѣ неистовства совершались надъ нами наперекоръ вашей королевской милости, потому-что мы постоянно слышимъ: вотъ вамъ король, а пособить ли вамъ король, Письмо подписано: «Богданъ Хмѣльницкій, на тотъ часъ *Старшій* запорожскаго войска его королевской милости». Извѣстіе о смерти королевской получилъ Богданъ отъ Кисселя, который, стараясь всѣми силами утешить возстаніе, поспѣшилъ войти въ сношеніе съ Хмѣльницкимъ. Киссель предлагалъ послѣднему свое посредничество, для котораго онъ, какъ сынъ греческой церкви, былъ

(174) Киев. акты, I, III, № 6.

(175) Самовидца.

(176) Киев. акты, I, III, № 6. Ригельманъ.

болѣ другихъ способенъ. Хмѣльницкій отвѣчалъ ему (177): «Очень жалѣемъ о пораженіи, постигшемъ въ землѣ нашей народъ христіанскій, хотя не мы тому причиною; Богъ разсудитъ, кто виноватъ злу. Послушавъ совѣта вашей милости, пана милостиваго и стараго своего пріятели, мы пріостановили военныя дѣйствія и ордѣ приказали возвратиться, дабы не лилась болѣ кровь христіанская; а къ республикѣ, съ покорностію и вѣрнымъ подданствомъ, отправили своихъ пословъ, не обращаясь къ иному государю, зная, что все противозаконныя поступки совершены надъ нами безъ воли его королевской милости. Мы съ покорностію просимъ вашу милость, такъ-какъ вамъ извѣстны все наши бѣдствія, милостиво ходатайствовать предъ его королевскою милостію и предъ республикою о томъ, чтобъ мы неприкосновенно оставлены были при древнихъ поставленіяхъ нашихъ.» Киссель съ торжествомъ отослалъ это письмо къ архіепископу гнѣзненскому, хвалясь своимъ дѣломъ, и требую напередъ награды въ случаѣ его успѣха (178).

Но въ то время, какъ Хмѣльницкій завелъ сношенія съ Кисселемъ, и послалъ покорную просьбу въ Варшаву, прекративъ, по-видимому, войну и отославъ Татаръ, Іеремія Вишневецкій своими жестокостями далъ новый поводъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Казацкіе отряды опустошили Вольнь и Подолію, гдѣ Поляки не могли имъ противиться съ успѣхомъ, потому-что жители были за Хмѣльницкаго. Казацкіе лазутчики, взятые въ плѣнъ Поляками, сказывали имъ, что владыка луцкій и львовскій послалъ казакамъ пороху, пуль и денегъ (179). Когда одинъ лазутчикъ открылъ свое званіе галицкому священнику, тотъ отвѣчалъ ему: «У насъ вѣсти лучше, мы одинъ другому пишемъ, и вѣсти доходятъ до самого Кіева.» Тотъ же лазутчикъ увѣдомлялъ, будто Хмѣльницкій говорилъ въ войскѣ: «Если мнѣ будетъ очень-трудно, то пойду на Донъ.» Казаки знали, что въ каждомъ городѣ у нихъ есть соумышленники: одни обѣщали зажечь городъ, другіе насыпать песку въ польскія пушки и т. п. Начальниками отрядовъ, посланныхъ Хмѣльницкимъ для занятія вольнскихъ и подольскихъ городовъ, были Кривоносъ, Гандза, Гиря, Лисенко, Павлюкъ, Харченко (180). Хотя первый былъ пораженъ княземъ Іеремією Вишневецкимъ у Константинова (181), однако ему удалось овладѣть Баромъ (182), съ помощію тамошнихъ мѣщанъ; самъ Хмѣльницкій нанесъ сильное поражение Полякамъ подъ Пилявцами (183), и пошелъ къ Львову, взявъ съ него контрибуцію, и остановился у Замостья, откуда пустилъ казаковъ и Татаръ опустошать области польскія до самой Вислы; луч-

(177) Кіев. акты, I, III, № 14.

(178) Тамъ же, № 16.

(179) Тамъ же, стр. 59, 62.

(180) Отомъ, что случилось на Украйнѣ съ той поры, какъ она Литвой завладѣла Чтеніи москов. истор. общ. Годъ III, кн. 3.

(181) Кіев. акты, I, III, № 34.

(182) Тамъ же, № 36.

(183) Тамъ же, № 54.

шіе города на Вольни были также взяты. Какъ дѣйствовали эти отряды, можно читать въ одномъ малороссійскомъ сочиненіи (184): «Отряды, посланные Хмѣльницкимъ по городамъ уніатскимъ, жидовъ, и Поляковъ и Малороссіянь — уніатовъ плиндровали (грабили) и убивали, и города тѣ сожигали. Знаменитѣйшій между отрядами сими былъ небольшой отрядъ есаула Лисенко, вовгуревскимъ именовавшійся, по имени Вовгуря, прозвища Лисенка. Онъ состоялъ только изъ 150 воиновъ охочекомонныхъ, хорошо-вооруженныхъ, и дополняемъ бывалъ гайдамаками. Всѣ эти вовгуревскіе ратники необычайной силой отличались и случая не знато, жebъ кто одинъ изъ нихъ въ плѣнъ живой отдался врагу на позоръ; а врагу отъ нихъ тяжко бывало, колыми паче жидамъ... Начали малыя партіи сельскія составляться противу Поляковъ.» Другой малороссійскій лѣтописецъ говоритъ (185): «Кто можетъ исчислить страшный вредъ, причиненный этими опустошеніями; сколько людей повели Татары въ плѣнъ, сколько имѣнія забрали казаки! ибо въ тотъ часъ не было милосердія между людьми. Не только жидовъ губили и шляхту, но и простому народу досталось. Многіе пошли въ неволю татарскую, особенно молодые ремесленники, которые брили себѣ голову по-польски. Костелы римскіе пустошили, склепы съ трупами отпирали, тѣла мертвыхъ изъ гробовъ выкидывали и обдирали и ходили въ ихъ одеждахъ.» Эти ужасы длились отъ петрова-поста до филиппова. Поляки поступали такъ же: во Львовѣ они хитростію предавали смерти русское народонаселеніе.

Между-тѣмъ переговоры продолжались. 9 іюля посланцы Хмѣльницкаго подали въ Варшавѣ панамъ пункты своихъ требованій и жалобъ (186). «Паны ихъ милости обходятся съ нами, людьми войсковыми, хуже чѣмъ съ невольниками. Хуторѣ, луга, мельницы и все, что имъ понравится въ домахъ у казаковъ, берутъ насильно, мучатъ, убиваютъ. Берутъ десятины и половину. Старыхъ казацкихъ женъ и отцевъ, хотя бы сынъ находился въ службѣ, облагаютъ податями, какъ и другихъ холоповъ. Казацкихъ женъ, тотчасъ по смерти мужа, заставляютъ безъ милости работать, наравнѣ съ мѣщанами. Паны полковники насъ не защищаютъ, и еще помогаютъ обижать насъ; а вещи наши и пожитки, подъ видомъ торга, берутъ за половину цѣны. Жолнерская челядь забираетъ у казаковъ воловъ, скотъ и всякіе пожитки. На Запорожьи и Днѣпрѣ не даютъ промышлять, ни звѣря, ни рыбы ловить, а съ головы каждаго казака берутъ по лисицѣ; ежели же не поймаетъ казакъ лисицы, то за лисицу отбираютъ самопалы. Панамъ полковникамъ подводы даемъ, или вмѣсто подводъ платимъ деньгами. Военную добычу, и даже молодыхъ Татаръ паны полковники отнимаютъ у казаковъ, отбираютъ себѣ и захваченныя у непріятеля стада. Нашедши какую-нибудь причину, тотчасъ сажаютъ казака въ тюрьму, и гдѣ чу-

(184) О томъ, что случилось на Украйнѣ.

(185) Лѣтопись Самовидца.

(186) Кіев. акты, I, III, 24.

ють взятку, не выпускають, пока не дасть добраго выкупа. Была воля его королевской милости, чтобъ мы шли на море, и на чолны выданы намъ деньги (187), а къ запорожскому войску предполагалось прибавить еще 6,000. Но старшіе наши не позволили, чтобъ войско состояло изъ 12,000, хотя мы обѣщаемъ и клянемся, что сверхъ этого числа принимать людей въ войско не будемъ; а съ 6,000 войскомъ не можемъ оказывать услугъ ни его королевской милости, ни республикѣ. Чтобъ заслуженное жалованье, котораго мы не получали въ течение пяти лѣтъ, было сполна отправлено къ намъ вмѣстѣ съ комиссіею. Просячь о духовенствѣ древней религіи греческой, чтобъ оно осталось неприкосновеннымъ; чтобъ св. церкви, отданныя униатамъ въ Люблинѣ, Соколѣ, Красномъ-Ставѣ, Владимірѣ (на Волини), въ Литвѣ и по другимъ мѣстамъ, опять могли оставаться при своихъ прежнихъ правахъ.» Въ заключеніе инструкціи читаемъ: «обо всемъ этомъ послы наши, припавъ къ милостивымъ стопамъ его королевской милости, униженнѣйше и покорнѣйше должны просить, чтобъ намъ позволено было вполнѣ и ненарушимо пользоваться всеми войсковыми правами, которыя дарованы намъ, какъ прежними блаженной памяти королями, такъ и нынѣ благополучно царствующимъ королемъ, и утверждены привилегіями».

Временное правительство отвѣчало казакамъ, что хотя бы рѣчь посполитая и могла отмстить клятвопреступникамъ, однако, не желая пролитія христіанской крови, и снисходя на нижайшую и покорную просьбу, назначила комиссаровъ, которые должны объявить волю ея казакамъ, при чемъ требуетъ, чтобъ послѣдніе освободили всѣхъ пленныхъ, преслѣдовали предводителей разбойничьихъ шаекъ, разоряющихъ шляхетскіе дома, и прервали всякую связь съ Татарами. Въ заключеніе письма сказано, что казакіе посланцы не представили никакихъ грамотъ и привилегій, о которыхъ упомянуто въ инструкціи. Коронный канцлеръ Оссолинскій писалъ, что будетъ ходатайствовать за казаковъ на будущемъ сеймѣ (188). Явно было, что такая высокомѣрная выдержка не поправитъ дѣла, не склонитъ Хмѣльницкаго къ уступкамъ, когда онъ былъ обнадеженъ своими побѣдами, когда вся Украина была за него. Киссель понималъ положеніе вещей лучше, чѣмъ паны варшавскіе, и потому писалъ къ Хмѣльницкому совершенно въ иномъ тонѣ. Ласково, почтительно начинается Киссель свое письмо къ милостивому старшинѣ запорожскаго войска (189), издавна любезному пану и пріятелю; хитро намекаетъ, что казакамъ нигдѣ не найди отечества лучше Польши; потомъ продолжаетъ такъ: «Вамъ и всему войску хорошо извѣстно, что я одинъ изъ христіанъ народа русскаго служу сенаторомъ въ польской коронѣ, ношу на раменахъ своихъ и св. церкви и древности наши, ненарушимо сохранилъ свою вѣру до съдыхъ волосъ, и сохранию, дасть Богъ, до самой смерти. Я

(187) См. объ этомъ выше.

(188) Кіев. акты, I, III, № 25, 26.

(189) Тамъ же; № 27.

не обагрять рукъ своихъ казацкою христіанскою кровію: поэтому ваша милость со всѣмъ запорожскимъ войскомъ можете совершенно положить на меня». Киссель писалъ также къ Оссолинскому (191), что его старанія не безуспѣшны, что какъ-скоро послы его пріѣхали къ Хмѣльницкому, то Кривоносъ, самый злой губитель шляхты, посаженъ былъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ; вся шляхта, находившаяся у него въ плѣну, выпущена, и болѣе, чѣмъ сто разбойниковъ, казнено.

Но Киссель сталъ еще очень-рано восхищаться своимъ успѣхомъ. 19 августа 1648 года, Хмѣльницкій прислалъ письмо (191) къ комиссарамъ, явившимся съ мирными предложеніями; изъ этого письма видно, что мира быть не могло, потому-что ожесточеніе дошло до крайности съ обѣихъ сторонъ. Хмѣльницкій пишетъ, что онъ-было возвратился назадъ и отпустилъ Татаръ; но что князь Вишневецкій опять возобновилъ войну страшными жестокостями своими: «необдуманно бросился на насъ, не по-христіански и не по-рыцарски совершалъ тиранства и жестокости надъ народомъ нашимъ христіанскимъ, надъ невинными душами: не только невинныхъ христіанъ, но и духовныхъ нашихъ приказывалъ сажать на колъ. Не удивительно было бы намъ, еслибъ дѣлалъ это какой-нибудь простакъ, какъ, на-пр., съ нашей стороны Кривоносъ, которому не позволяли мы никакихъ убійствъ и разореній, но который не умѣлъ вести себя въ этомъ случаѣ. Но вѣдь князь Вишневецкій не Кривоносу чета!» Хмѣльницкій предложилъ комиссарамъ съѣхаться съ нимъ у Константинова; но дѣло не пошло на ладъ, потому-что къ Богдану попались въ руки письма, отправленныя Кисселемъ въ Москву; изъ нихъ открывалось, что брацлавскій воевода вовсе не такъ преданъ малороссійскому дѣлу, какъ думалъ Хмѣльницкій, который въ-слѣдствіе этого и потерялъ довѣренность къ Кисселю (192); далѣе успѣхамъ переговоровъ мѣшали безпрестанныя неистовства то съ той, то съ другой стороны (193). Киссель писалъ Хмѣльницкому (194): «Ни сынъ въ дѣлѣ отца, ни слуга въ дѣлѣ господина не могутъ такъ усердно ходатайствовать, какъ ходатайствовалъ я въ бѣдственныхъ кровавыхъ распряхъ вашей милости и запорожскаго войска съ республикою; я трудился дни и ночи, а сколько вытерпѣлъ брани и поношенія, о томъ извѣстно не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ странахъ. Тѣмъ только я утѣшалъ себя, что все удалось мнѣ перенести и превозмочь, и съ радостію спѣшилъ я изъ Варшавы къ вамъ, надѣясь застать дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ я ихъ оставилъ; но между-тѣмъ, множество городовъ, замковъ и селеній разграблено, истреблено огнемъ и мечомъ; мое имѣніе Гуца, за мои труды, доблести и усердіе, на-вѣки

(190) Кіев. акты, I, III, № 38.

(191) Тамъ же, № 39.

(192) Тамъ же, № 40.

(193) Тамъ же, № 41, 42, 43.

(194) Тамъ же, № 44.

раззорено, и всѣ пожитки мои захвачены! Однако, я все-таки не отсталъ отъ своего предпріятія: получивъ послѣднее ваше письмо, я отправился къ вашей милости въ Константиновъ; и когда я находился уже въ 10 миляхъ отъ нея, городъ Баръ былъ взятъ; также въ глазахъ моихъ былъ взятъ Острогъ». Киссель хотѣлъ войти въ Острогъ для свиданія съ Богданомъ, и для этого далъ въ заложники десять шляхтичей; послѣдніе были убиты, ибо въ то же время Вишневецкій сдѣлалъ нападеніе на Острогъ, и казаки подумали, что Киссель былъ за-одно съ княземъ. Несчастнѣй брацлавскій воевода находился между двухъ огней: съ одной стороны, Хмѣльницкій недовѣрялъ ему, и казаки, невзирая на переговоры, продолжали забирать города; съ другой, Вишневецкій доносилъ на него въ Варшаву, какъ на чловѣка, почитающаго казакамъ; такъ онъ писалъ князю-примасу (195), что Острогъ взятъ казаками по милости Кисселя, который не тронулся съ мѣста для его защиты: «Когда же мы, пишетъ Вишневецкій, послали отрядъ для отмщенія и защиты, то не только намъ сказано, что мы не должны были нападать, но мы еще получили за это выговоръ. По написаніи этого письма, пришло извѣстіе, что казаки на сихъ дняхъ овладѣли Луцкомъ, Клеванью и другими городами на Вольни. Еще гонецъ прискакалъ съ вѣстію, что 30,000 Татаръ переправились къ намъ на Мурахву. Изъ этихъ вѣстей можете судить, какіе плоды принесли перемиріе, которое ведетъ насъ къ горькому концу. Татары берутъ города, а намъ велятъ молчать, связавъ руки волею республики, которая изрекла миръ, а не войну». На жалобы комиссаровъ, Хмѣльницкій отвѣчалъ, что всѣ непріятельскія дѣйствія со стороны казаковъ совершаются противъ его воли, что онъ накажетъ виновныхъ и выпроводитъ казаковъ изъ Острога; но исполненія обѣщаній не было (196). Раздраженные паны вопіяли противъ Кисселя, находя поступки его непонятными, потому-что онъ твердилъ о необходимости мира, хотя бы на самыхъ унижительныхъ условіяхъ: иначе республика погибнетъ (197). Несмотря однако на затруднительность положенія, Киссель не переставалъ дѣйствовать; у него было два порученія: заключить миръ съ казаками и удержать Москву отъ поданія имъ помощи; не успѣвая въ одномъ, онъ хвалился, что успѣлъ въ другомъ, писалъ къ князю-примасу: «Отечество не только можетъ полагаться на непоколебимую пріязнь Москвы, но можетъ быть увѣрено, что Москва даже готова соединить съ нами свое оружіе противъ орды.» Надежду свою Киссель основывалъ на томъ, что его посланецъ былъ принятъ боярами съ честію, и получилъ подарки (198).

Между-тѣмъ былъ избранъ въ короли братъ Владислава, Янъ Казимиръ. Новый король хотѣлъ прекратить междоусобіе. Мирные пере-

(195) Кіев. акты, I, III, № 45.

(196) Тамъ же, I, III, № 46.

(197) Тамъ же, № 47.

(198) Тамъ же, № 50.

говоры начались снова. Коммиссары, т. е. Киссель съ товарищами, отправились къ Хмѣльницкому въ началѣ января 1649 года (199). На дорогѣ, въ опустошенной странѣ, терпѣли они крайнюю нужду; возстанія малороссійскихъ крестьянъ противъ польскихъ владѣльцевъ не прекращались; казаки позволяли себѣ всякія дерзости противъ коммиссаровъ. Хмѣльницкій встрѣтилъ ихъ въ Переяславѣ. Здѣсь за обѣдомъ гетманъ и полковники хотѣли сорвать свое сердце, и дѣлали язвительные намеки на счетъ князя Вишневецкаго, Чаплицкаго и всѣхъ Поляковъ: послы слушали. 20 февраля коммиссары вручили Хмѣльницкому знаки гетманскаго достоинства; какъ-только Киссель сталъ говорить при этомъ о королевской милости гетману и запорожскому войску, полковникъ Дзялакъ закричалъ: «Король, какъ король; но вы, королята, князья, прокажите много, да и напроказили. А ты, Киссель, кость отъ костей нашихъ, отдѣлился и связываешься съ Ляхами.» Гетманъ началъ унимать пьянаго Дзялака, и тотъ, послѣ разныхъ грозныхъ жестовъ, вышелъ изъ круга. Хмѣльницкій принялъ булаву и знамя не очень-подобострастно. Передъ обѣдомъ Киссель, въ пріятныхъ и отборныхъ выраженіяхъ, началъ изъяснять Богдану, какія великія милости получилъ онъ, гетманъ, отъ короля: прощеніе всѣхъ прежнихъ поступковъ, свободу древней православной вѣры, умноженіе реестроваго войска, возстановленіе прежнихъ правъ и преимуществъ запорожскихъ, наконецъ гетманство; за все это Хмѣльницкій, разумѣется, долженъ оказывать себя благодарнымъ. Но Богдана трудно было провести на мягкихъ, бархатныхъ словахъ; онъ отвѣчалъ: «за гетманство и прощеніе покорно благодарю, а переговоры о мирѣ начать теперь нельзя, потому-что полковниковъ и старшинъ нѣтъ, а безъ нихъ я не могу ничего начать». Потомъ, разгорячась все болѣе и болѣе, началъ срывать свое сердце; онъ вспомнилъ судьбу своихъ предшественниковъ: «Дѣло иметь о моей жизни», сказалъ онъ. Вспомнилъ о личныхъ оскорбленіяхъ, и месть закипѣла: «Мнѣ нѣтъ еще удовлетворенія за обиды, нанесенныя Чаплицкимъ и Вишневецкимъ; первый долженъ быть непременно мнѣ выданъ, а второй наказанъ, потому-что изъ-за нихъ пошли всѣ смуты и кровопролитія; виноваты и кастелянъ краковскій (Потоцкій), который гналъ меня, когда я скрывался въ пещерахъ днѣпровскихъ; но онъ уже нашелъ чего искать; виноваты и хорунжіи (Конечпольскій), что лишили меня отечества, отдавъ Украину лисовчикамъ, которые заслуженныхъ казаковъ обращали въ холопство, драли съ нихъ кожу, вырывали бороды, запрягали въ плуги: но все они не такъ виноваты, какъ Чаплицкій и Вишневецкій! Ничего не будетъ до-тѣхъ-поръ, пока одного не накажутъ, а другаго не пришлютъ ко мнѣ; въ противномъ случаѣ, или мнѣ погибнуть со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, или пропасть польской землѣ, сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ! Развѣ этого

мало съ польской стороны, что льется кровь христіанская, войско литовское вырѣзало Мозырь и Туровъ, Янушъ Радзивиль велѣлъ одного изъ нашихъ посадить на колъ? Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радзивилу писалъ, «что если онъ поступилъ такъ съ однимъ христіаниномъ, то я то же самое сдѣлаю съ 400 польскихъ плѣнниковъ, которыхъ у меня много, и отпачу за свое». Въ комиссарскомъ дневникѣ читаемъ по этому случаю: «Вотъ какую закуску подалъ намъ гетманъ передъ своимъ гадкимъ обѣдомъ! Отзывались, какъ лягушки изъ болота, и другіе полковники, сидѣвшіе за двумя другими столами. Ксензъ, кармелитъ Лентовскій сказалъ, что слухи изъ Литвы о Мозырѣ и Туровѣ могутъ оказаться несправедливыми. 21 февраля, въ первое воскресенье великаго поста, пишетъ составитель дневника, я пошелъ въ соборную церковь, гдѣ поздоровался съ посломъ московскимъ, человѣкомъ ласковымъ и учтивымъ, съ которымъ Хмѣльницкій запрещалъ пану воеводѣ имѣть свиданіе, и даже не допускалъ его къ себѣ, хоть самъ посланникъ просилъ о томъ. Находясь посреди народа, мы не могли сообщить другъ другу никакихъ секретовъ. Хмѣльницкій былъ приглашенъ на обѣдъ къ Кисселю; но пріѣхалъ уже вечеромъ, съ нѣсколькими полковниками. Не помогли ни гостепріимство, ни вѣжливость хозяина. Мы не говорили ничего, что бы могло раздражить вспыльчивый характеръ гетмана; но онъ все-таки не вытерпѣлъ, и съ своими товарищами дѣлалъ намъ колкіе упреки, указывая на обиды, нанесенныя ему Поляками, доказывая свою невинность, и, наконецъ, угрожалъ намъ потерю всей Руси и Украйны. Послѣ этого пробрался въ отдѣльную комнату, къ супругѣ пана воеводы, и началъ открыто уговаривать ее, чтобы вмѣстѣ съ мужемъ отреклась отъ Поляковъ и осталась съ казаками, потому-что еще въ этомъ году польская земля погибнетъ, а Русь будетъ господствовать. Хмѣльницкій уѣхалъ отъ Кисселя въ три часа ночи. 22 числа долго спалъ Хмѣльницкій. Какъ-скоро гетманъ сталъ принимать, тотчасъ же мы послали къ нему съ просьбою назначить время для переговоровъ и заключенія трактата. Посланные застали гетмана, вмѣстѣ съ товариществомъ, и тутъ же получали отъ него казакскій, скорый и язвительный отвѣтъ: «завтра будетъ дѣло и расправа, потому-что я теперь отправляю венгерскаго посла. Скажу коротко: изъ этой комиссіи ничего не выйдетъ, а будетъ война черезъ три или четыре недѣли. Я васъ всѣхъ, Ляховъ, оборочу вверхъ ногами и растопчу, а наконецъ отдамъ васъ турецкому султану въ неволю. Король будетъ королемъ, чтобы карать и казнить шляхту, дукровъ, князей, чтобы онъ былъ вольнымъ: провинится князь — отрубятъ ему голову, провинится казакъ — и съ нимъ то же сдѣлать. А не захочетъ король вольнымъ королемъ быть, то какъ ему уголно. Вы грозите мнѣ Шведами: и тѣ мои будутъ, да хотя бъ они и не были моими, то не одолѣтъ имъ русской, запорожской и татарской силы, еслибъ даже ихъ было пятьсотъ тысячъ». 23 числа было третье засѣданіе. Киссель говорилъ Хмѣльницкому со слезами умолятельную рѣчь, убивалъ оставить чернь въ покоѣ, чтобы кре-

стьяне пахали, а казаки воевали, чтобъ реестроваго войска было отъ 12,000 до 15,000, чтобъ гетманъ лучше воевалъ съ невѣрными, чѣмъ съ христіанами, и для этого отправился бы за границу. Но Хмѣльницкій понималъ, къ чему клонятся убѣжденія оставить въ покоѣ чернь и воевать съ невѣрными; онъ отвѣчалъ Кисселю: «Нѣчего толковать, много было времени трактовать со мною, когда Потоцкіе искали и преслѣдовали меня на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ; было также время послѣ желто-водскаго и корсунскаго сраженій, при Пилявцахъ и подъ Константиновымъ, наконецъ подъ Замостьемъ, и даже тогда, когда изъ Замостья я шель шесть недѣль въ Кіевъ. Теперь уже не время: мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ я никогда не мыслилъ, а послѣ окажется, что я еще замыслилъ. Я исторгну весь русскій народъ изъ польской неволи. Прежде воевалъ я за свою утрату, за свою обиду; теперь пойду сражаться за нашу православную вѣру; мнѣ поможетъ въ этомъ вся чернь, отъ нея не отступившая, до самаго Люблина и Кракова; и я не оставлю черни: это правая рука моя, истребивъ чернь, вы броситесь и на казаковъ. Я могу имѣть 200,000, 300,000 собственнаго войска; вся орда идетъ ко мнѣ на помощь, да еще Ногаи; близко отъ меня стоитъ Тогай-бей, братъ мой, душа моя, единый на свѣтѣ соколъ, готовый сдѣлать для меня все, чего только ни захочу. Заграницу войной не пойду, сабли на Турокъ и Татаръ не подниму; довольно мнѣ своего княжества по Львовъ, Хельмъ и Галичъ; а ставъ на Вислѣ, скажу остальнымъ Ляхамъ:—«сидите, молчите, Ляхи! За Вислу загоноу всѣхъ дуковъ и князей, а если и тамъ будутъ брыкать, то я и тамъ ихъ найду. Во всей Украинѣ не останется ни одного князя, ни одного шляхтича; а если который захочетъ ѣсть хлѣбъ съ нами, тотъ повинуйся запорожскому войску и на короля не брыкай!» Нѣсколько полковниковъ, продолжаетъ дневникъ, отзывались какъ ящерицы: «Прошли ужъ тѣ времена, когда насъ сдѣлали Ляхи нашими же людьми христіанскими, драгуны были намъ не подь-силу. Теперь мы ихъ не боимся. Узнали мы при Пилявцахъ, что это не тѣ Ляхи, которые были прежде, которые били Турковъ, Татаръ и Нѣмцевъ. Это не Жолкѣвскіе, не Ходкѣвичи, не Конецпольскіе или Хмѣлецкіе, не Тгоржевскіе, Зайончковцы; дѣти, одѣтые въ желѣзо, померли отъ страха, какъ-скоро насъ увидѣли, и побѣжали, хотя Татаръ не было въ среду болѣе 3,000; подождали бы до пятницы, такъ ни одинъ бы не ушелъ живъ». Хмѣльницкій прибавилъ: «Пришло время въ-конецъ истребить Ляховъ. Поэтому я послалъ уже по всѣмъ полкамъ приказъ, чтобъ кормили лошадей, и были готовы къ походу, безъ воевъ, безъ пушекъ: все это я найду у Ляховъ. А если кто-нибудь изъ казаковъ возьметъ съ собою на войну хоть одну повозку, тому велю отрубить голову. Я самъ, кромѣ сумки, ничего съ собою не возьму». — «Гетманъ», продолжаетъ дневникъ: «говорилъ это съ такимъ бѣшенствомъ, что метался со скамьи, рвалъ на себѣ волосы, топалъ ногами, такъ, что всѣ мы, слушая его, пришли въ ужасъ». Относительно статьи договора, которою опредѣлялось число реестровыхъ казаковъ въ 12,000 или 15,000, Хмѣльницкій отвѣ-

чалъ: «Зачѣмъ писать? найдется насъ и 100,000; будетъ столько, сколько я скажу». Коммиссаръ видѣлъ, что миръ невозможенъ, и начали заботиться, какъ бы самимъ выбраться изъ Переяславля и выручить польскихъ плѣнниковъ. Но Хмѣльницкій никакъ не согласился на освобожденіе послѣднихъ: «Это ужъ конченное дѣло, говорилъ онъ: нехай король не думаетъ». Наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ со стороны Кисселя, Богданъ написалъ слѣдующія статьи: «Въ кievскомъ воеводствѣ уніи не быть; даже, чтобъ самага названія не было. Кіевскій митрополитъ долженъ имѣть мѣсто въ сенатѣ, воевода кievскій и кастелянъ должны быть православнаго вѣроисповѣданія; римско-католическіе костелы должны оставаться въ цѣлости, исключая церкви іезуитовъ, бывшихъ причиною всѣхъ замѣшательствъ. Князь Вишневецкій, какъ виновникъ второй войны, не будетъ короннымъ гетманомъ, иначе казаки не захотятъ жить съ нимъ и не пустятъ его въ Украину. Приведеніе комиссіи къ окончанію и составленіе войсковыхъ реестровъ отложить до весны, когда поспѣетъ первая трава. Чаплицкій долженъ быть выданъ во время этой комиссіи, и только съ такимъ условіемъ будутъ возвращены плѣнники польскіе; до-тѣхъ-поръ коронныя и польскія войска не будутъ вступать въ предѣлы Кіевскаго-Воеводства, съ одной стороны по рѣки Горынь и Припять, съ другой по Каменецъ. Запорожскія войска также означенныхъ рѣкъ переходить не будутъ». Коммиссары принуждены были согласиться на всѣ эти требованія, чтобъ только вырваться самимъ изъ рукъ Хмѣля, и удержать его на нѣкоторое время при Днѣпрѣ. Тщетно употребляли они всѣ старанія, просьбы, слезы, подарки, чтобъ склонить Богдана на отпускъ плѣнныхъ: тотъ ни на что не сдался. На возвратномъ пути прислуга комиссаровъ обоого пола переходила къ казакамъ; переходили и люди близкіе къ комиссарамъ, какъ напримѣръ, писарь Сობоль, которые открытіемъ тайныхъ совѣщаній комиссарскихъ Хмѣльницкому, много вредили Полякамъ. Украина была наполнена пилавскою добычею: за дешевую цѣну московскіе купцы покупали ее въ Кіевѣ и по другимъ городамъ на рынкахъ; Полякамъ же казаки не продавали ее; серебряныя тарелки продавались по талеру и еще дешевле.

Мы видѣли, что комиссары согласились на статьи Хмѣльницкаго только для того, чтобъ вырваться изъ его рукъ и продлить время для лучшаго приготовленія къ войнѣ; съ другой стороны Хмѣльницкому нельзя было ничего уступить, кромѣ развѣ выдачи Чаплицкаго, чего требовала его неумолимая мстительность. Богданъ зналъ, что Польшѣ трудно согласиться на его требованія, что надобенъ ударъ рѣшительный, который бы приневолилъ ее къ уступкѣ; для этого рѣшительнаго удара у него были всѣ средства, потому-что все низшее народонаселеніе Украины жаждало войны, дабы окончательно избавиться отъ шляхты. Недостатка въ отчаянныхъ бойцахъ у Хмѣльницкаго быть не могло. Многіе шли также и за добычею, страсть, къ которой возбуждена была предъ идущею войною: «У Хмѣльницкаго», говоритъ лѣтопись Самовидца: «было безчисленное войско, потому-что въ иномъ»

полку было казачества тысячь больше 20, что село, то сотникъ, а въ иной сотнѣ человекъ съ тысячу народа. Все, что было живо—поднялось въ казачество; едва можно было найти въ селахъ семьи, изъ которой кто бы нибудь не пошелъ на войну: если отецъ не могъ идти, то посылалъ сына или паробка, а въ иныхъ семьяхъ всѣ взрослые мужчины пошли, оставивъ только одного дома. Даже въ городахъ, гдѣ были права магдебургскія, бурмистры и райцы, присяжные покинули свой уряды, посбрили бороды и пошли къ войску.»

«Кромѣ своеземнаго ополченія, къ Хмѣльницкому присоединился еще ханъ крымскій съ своею ордою. Но если на сторонѣ Хмѣльницкаго были всѣ средства къ успѣху, то на сторонѣ Яна Казимира, который лично выступилъ противъ казаковъ, не было никакихъ. Между воеводами было несогласіе, между ратниками неусердіе къ дѣлу; противъ Малороссіянъ, которые бились за вѣру, за свободу, одушевлялись ненавистью къ притѣснителямъ, Поляки выставили наемныхъ иноземцевъ, которые покидали знамена, не получая денегъ, а денегъ не было въ казнѣ республики».—«Денегъ, денегъ, какъ-можно скорѣе денегъ», писали изъ польскаго лагеря (200): «оставляютъ хоругви не только рекруты, но и товарищество, такъ-что въ иныхъ отрядахъ находится на лицо не болѣе половины людей, и даже менѣе. Иностранное войско сильно уменьшается; ратниковъ нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостію законовъ, а только деньгами.» Тутъ же читаемъ слѣдующія строки: «Очень-трудно достать шпіона между этою Русью, а если добудутъ языка, то хоть жги его, а правды не скажетъ.» Такимъ-образомъ у Поляковъ только деньгами можно было удержать ратниковъ отъ побѣга, а русскаго плѣнника нельзя было заставить и огнемъ измѣнить народному дѣлу.

Хмѣльницкій заперъ подъ Збаражемъ польское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Іереміи Вишневецкаго, и, оставивъ здѣсь сторожить Поляковъ часть своего ополченія, двинулся самъ на-встрѣчу королю, котораго встрѣтилъ подъ Зборовымъ, поразилъ и тѣсно окружилъ со всѣхъ сторонъ, точно такъ же какъ и Вишневецкаго. Въ такой крайности Янъ Казиміръ попробовалъ отбѣлить хана отъ Хмѣльницкаго, и отправилъ къ первому письмо съ напоминаніями о своей пріязни и о благодѣяніяхъ своего покойнаго брата Владислава (201). Исламъ-Гирей отвѣчалъ (202), что дѣло должно идти не о давней пріязни, но о настоящемъ пренебреженіи, которое оказалъ ему король, не присылая подарковъ, въ-слѣдствіе чего онъ, Исламъ, съ ордою пришелъ зимовать въ польскія владѣнія. Если королевская милость намѣренъ заключить договоръ съ своимъ гостемъ и пріятелемъ, то пусть вышлетъ пана канцлера или, по-крайней-мѣрѣ, такихъ людей, которые не стыдились бы словъ своихъ. Въѣстъ съ ханскимъ отвѣтомъ

(200) Киев. акты I, III, № 76, 78.

(201) Тамъ же, № 81.

(202) Тамъ же, № 82.

король получилъ письмо и отъ Хмѣльницкаго (203): Гетманъ писалъ о своей вѣрной службѣ прежнимъ королямъ, о необходимости, которая заставила его поднять оружіе противъ Поляковъ, о готовности своей исполнить желанія королевскія. Янъ Казиміръ, уступая требованіямъ хана, отправилъ канцлера для переговоровъ и миръ былъ заключенъ (204); король обязался присылать хану въ опредѣленное время подарки, и оставить запорожское войско при его прежнихъ вольностяхъ. Эти вольности были: число войска запорожскаго простирается до 40,000; опредѣлены были извѣстныя мѣста, изъ которыхъ жители могли вписываться въ казацкіе реестры; если же кто-нибудь хотѣлъ вписываться изъ другихъ мѣстъ, тотъ долженъ былъ переселиться со всею семьею вокругъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было вписываться въ казаки. Городъ Чигиринъ оставался при гетманѣ. Ни король, ни паны не должны были мстить никому за прошлое. Король прощаетъ шляхту русской вѣры, которая во время возстанія присоединилась къ казакамъ, и уроны ея будутъ вознаграждены. Коронное войско не останавливается въ селеніяхъ казацкихъ; жидамъ также запрещается жить въ нихъ. Объ униі и церковныхъ имуществвахъ будетъ опредѣлено на сеймѣ; кievскій митрополитъ получаетъ мѣсто въ сенатѣ. Король обѣщаетъ раздавать должности въ воеводствахъ: кievскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ шляхтѣ греческаго закона. Іезуиты должны вывести свои школы изъ Украины. Воеводство кievское должно состоять всегда подъ вѣдомствомъ и управленіемъ воеводы греческаго исповѣданія (205), въ слѣдствіе чего оно и было отдано извѣстному Адаму Кисселю, которому предоставлена полная власть охранять миръ, давать судъ и расправу между войсками короннымъ и запорожскимъ (206).

Но хотя король и объявилъ въ своемъ универсалѣ, что «всѣ, зная о святомъ мирѣ, должны прекратить всякія смуты, должны славить Господа Бога и возвратиться въ дома свои, каждый къ своему занятію», миръ не могъ быть продолжителенъ. Польскіе паны не могли успокоиться, видя, что казаки взяли верхъ; люди государственные не могли успокоиться, видя подлѣ Польши могущественнаго владѣльца, какимъ явился Хмѣльницкій, гордый своими побѣдами, имѣвшій возможность, при первомъ случаѣ, пристать на сторону враговъ республики; наконецъ прелаты католическіе не могли снести, чтобъ среди ихъ засѣдалъ архіерей-шизматикъ. Съ другой стороны и въ Малороссіи не были довольны мирными статьями. Хмѣльницкій, заключая ихъ, имѣлъ въ виду только казаковъ, и позабылъ о союзникахъ ихъ, поселянахъ: реестровые казаки остались при своихъ правахъ и преимуществахъ; но поселяне, всѣ вообще, какъ приписанные къ королевскимъ замкамъ и городамъ, такъ и духовные, панскіе и шляхетскіе, должны

(203) Кіев. акты, I, III, № 84.

(204) Тамъ же, № 85.

(205) Шевадь.

(206) Кіев. акты, т. II, III, стр. 6.

были оставаться въ прежнемъ положеніи (207). Какъ-скоро услышали, что казаковъ будетъ только 40,000, а всѣ остальные должны быть обращены въ прежнее состояніе, то начался ропотъ особенно между казаками изъ за Буга и Поднѣстрья, подъ предводительствомъ какого-то Нечая; они послали сказать Хмѣльницкому: «Ты вздумалъ, гетманъ запорожскій, по-прежнему отдать насъ Ляхамъ въ холопство и муку, вмѣсто-того чтобъ охранять насъ, какъ вѣрныхъ слугъ и одноземцевъ, по общаію? Или ты не знаешь, что Ляхи заключили этотъ миръ нарочно, для того только, чтобъ опять привести насъ въ неволю хуже прежняго? Если тебѣ угодно быть подъ польскимъ игомъ, то мы объявляемъ, что выберемъ себѣ другаго гетмана, который лучше тебя будетъ защищать насъ.» Хмѣльницкій испугался, и долженъ былъ отмѣнить уменьшеніе казацкаго войска до 40,000, въ чемъ просилъ извиненія у казаковъ, оправдываясь затрудненіями (208). Нѣкоторые казаки изъ поселянъ убили своихъ пановъ. Въ Запорожьѣ явился другой гетманъ. Хмѣльницкій прибѣгнулъ тогда къ строгости: убійцамъ и мятежному гетману отрубили въ Кіевѣ головы. — «Хмѣльницкій, писалъ Киссель къ королю (209), отправится въ непродолжительномъ времени на чолнахъ въ Запорожье, *exurgere septimat* (210) своеволія, и поставитъ тамъ старшинъ надежныхъ; кажется, продолжаетъ Киссель, они хотятъ сохранять покой. Одна только чернь, поступившая-было въ казаки и теперь исключенная изъ реестровъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобъ избавиться отъ подчиненія старымъ панамъ: одни продаютъ себя и растративъ все, поступаютъ къ казакамъ погонщиками и прислужниками, другіе уходятъ за Днѣпръ со всѣмъ своимъ имуществомъ, а нѣкоторые, и такихъ наименьшая часть, уже кланяются панамъ своимъ.» Дальнѣйшія строки Кисселева письма очень-важны для насъ, потому-что онѣ могутъ показать намъ образъ мыслей всѣхъ пановъ: «Еслибъ я, пишетъ Киссель, не видалъ такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь, и еслибъ могъ видѣть союзъ орды съ казаками расторгеннымъ, а также еслибъ войско могло прійти сюда прежде вскрытія рѣкъ: то я просилъ бы униженно вашу королевскую милость, принять во вниманіе униженіе, претерпѣваемое нами въ мирѣ, похожемъ на рабство: лучше попытаться прибѣгнуть къ оружію, нежели имѣть подданныхъ—и не владѣть ими. Если нуженъ поводъ къ войнѣ, то республика всегда можетъ имѣть его, какъ-только будетъ готова. Если даже они будутъ желать оставить насъ въ покоѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но и несообразенъ съ самымъ договоромъ, заключеннымъ съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно: возстановленіе католическаго вѣроисповѣданія и исполненіе прибыльныхъ для

(207) Кіев. акты, т. II, III, стр. 4 и 5.

(208) Тамъ же, стр. 14.

(209) Тамъ же, стр. 20.

(210) Истребить гнѣздо.

владѣльцевъ крестьянскихъ повинностей, не скоро могутъ прійти въ свою колею, потому-что они не хотятъ платить никакихъ податей, и желаютъ быть крестьянами только по имени. Поэтому признаюсь чистосердечно, что такой миръ мнѣ не по-сердцу.» Въ-случаѣ, если король рѣшится на войну, то Киссель проситъ дать знать ему объ этомъ пораньше, чтобъ онъ со всей шляхтой могъ выбраться изъ Украйны: «иначе, говоритъ онъ, мнѣ и всѣмъ здѣшнимъ обитателямъ пришлось бы творить предсмертные обѣты.» Послѣ этого могъ-ли миръ быть продолжителенъ, когда ждали только случая начать войну, думая, что всегда можно найти предлогъ, какъ только будутъ готовы? Изъ этого ясно также, что дѣло могло кончиться или совершеннымъ порабоженіемъ Малороссіи, или совершеннымъ освобожденіемъ ея изъ-подъ польскаго ига и присоединеніемъ къ другой державѣ. На сеймѣ, какъ и должно было ожидать, восторжествовали тѣ, которые были за войну съ казаками, и война началась.

Новая война не была такъ счастлива для казаковъ, какъ прежнія. Хмѣльницкій, соединившись съ ханомъ, выступилъ противъ короля, стоявшаго подъ Берестечкомъ, гдѣ и произошелъ бой: «Аже не статечная пріязнь вовку зъ бараномъ, такъ христіанова зъ бусурманомъ,» говоритъ малороссійскій лѣтописецъ. Ханъ завелъ переговоры съ королемъ и покинулъ казаковъ въ рѣшительную минуту; казаки потерпѣли поражение. Подъ Бѣлою-Церковію, послѣ нерѣшительныхъ стычекъ, заключенъ былъ мирный договоръ, 28 сентября 1651 года: 1) Число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20,000. Это войско гетманъ и старшины должны побрать и записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ королевскихъ, лежащихъ въ воеводствѣ кievскомъ, ни сколько не касаясь воеводствъ брацлавскаго и черниговскаго; имѣнія шляхетскія должны остаться свободными, и въ нихъ реестровые казаки нигдѣ не должны обитать. 2) Казацкое войско не должно стоять на квартирахъ въ тѣхъ мѣстахъ воеводства кievскаго, въ которыхъ будутъ находиться реестровые казаки; но оно можетъ имѣть пребываніе въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, гдѣ не будетъ казаковъ. 3) Гетманы запорожскіе должны состоять подъ старшинствомъ и властію гетмановъ коронныхъ, и должны быть утверждаемы привилегіями. 4) Религія греческая, соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кievскій должны оставаться при прежнихъ правахъ. 5) Жиды остаются по-прежнему обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ короля и шляхты. 6) Гетманъ обязывается не вступать ни въ какія сношенія съ ордою и вообще съ иностранными государствами; обязывается, со всею старшиною и войскомъ, вѣрно и усердно отправлять всякую службу королевскую и республики (211).»—22 октября (212) Хмѣльницкій писалъ къ гетману Потоцкому, что онъ будетъ смотрѣть зоркимъ окомъ на всѣ стороны, и увѣдомлять его о приближеніи непріа-

(211) Кіев. акты, II, III, стр. 148.

212) Тамъ же, стр. 148.

теля: «До окончанія ревизіи, прибавляетъ гетманъ, униженно прошу вашу милость приказать, чтобъ хоругви не шли далѣе на квартиры въ Брацлавское-Воеводство, пока мы не успокоимъ черни, а гдѣ останутся, то чтобъ не слишкомъ надѣдали простому народу. Я увѣренъ, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому, чтобъ онъ на первый разъ исподоволь приучалъ крестьянъ.» Писалъ также къ Потоцкому и писарь Виговскій, и въ письмѣ его ужъ проглядываетъ будущій переметчикъ на сторону Ляховъ (213): «Не только теперь, но и вовсякое время я прилагалъ большое стараніе о томъ, чтобъ усердно и вѣрно служить его королевской милости и вашей милости. А что ваша милость въ послѣднемъ письмѣ увѣряютъ меня изволишь въ милосердіи его королевской милости и *важномъ повыше-нии* (214), при милостивомъ благоволеніи, то за это я ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же благорасположеніемъ и нижайшими услугами буду всю жизнь отслуживать вашей милости. Изволь, мой панъ и благодѣтель, думать обо мнѣ, какъ о вѣрномъ слугѣ своемъ; позволь, чтобъ я былъ предпочтенъ другимъ въ важнѣйшемъ дѣлѣ, касающемся его королевской милости. О томъ только прошу, чтобъ моя жизнь была безопасна. За тѣмъ буду ожидать спокойно того, чѣмъ удостоитъ меня милостивая благосклонность и повышение, обѣщанное вашею милостию. О томъ только прошу вашу милость, чтобъ зналъ, кому повѣрять секретнѣйшее.» И въ то же время Виговскій пересылался съ московскимъ царемъ, увѣряя его въ своей преданности, и донося о сношеніяхъ гетмана съ другими державами (215).

Тяжкій опытъ ни къ-чему не послужилъ для Поляковъ: они думали, что могутъ воспользоваться своєю побѣдою и возобновить прежнее поведеніе въ Малороссіи. Въ томъ же 1651 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ (216), черниговскій воевода и гетманъ польскій коронный, Мартынъ Калиновскій долженъ былъ разослать универсалъ по киевскимъ шляхтичамъ, въ которомъ писалъ: «Часто доходятъ до меня жалобы отъ пана гетмана и войска запорожскаго на то, что, въ противность договорнымъ статьямъ, обыватели Кіевского-Воеводства препятствуютъ товариществу запорожскаго войска свободно переходить изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ въ имѣніе его королевской милости, въ сосѣдствѣ кіевскомъ лежачія, оставлять дома, продавать хлѣбъ и имущество и ужъ теперь, не дожидаясь постановленнаго срока, въ противность тѣмъ же договорнымъ статьямъ, товарищество войска запорожскаго подвергается изгнанію изъ своихъ имѣній, лишается всего имущества. Доходятъ и другія жалобы, что нѣкоторые изъ пановъ обывателей запрещаютъ переселяться изъ своихъ имѣній, и наказываютъ за то тюремнымъ заключеніемъ и смертію.» Калиновскій именемъ любви къ оте-

(213) Кіев. акты, II, III, стр. 140.

(214) Но Виговскаго нельзя было иначе повысить, какъ давъ ему гетманство.

(215) Б. Каменскій, I, стр. 278, примѣч. 288.

(216) Кіев. акты, II, III, стр. 156.

честву заклинали своихъ пановъ и братіи удержаться отъ подобныхъ поступковъ, но тщетно. Янъ Казимиръ не могъ сладить съ своими подданными, не могъ стать вольнымъ королемъ, какъ требовалъ того Хмѣльницкій, и послѣдній обратился къ царю московскому.

Мы видѣли, что мысль о соединеніи обѣихъ половинъ Руси никогда не покидала московскихъ государей; титулъ всея Руси ежеминутно напоминалъ имъ объ этомъ. Ягеллоны понимали опасность и всѣми силами старались ослабить связь между Москвою и Литовскою-Русью, прикрѣпить послѣднюю къ Польшѣ; іезуиты и Сигизмундъ III хотѣли разорвать послѣдній узелъ, но вмѣсто-того затянули его навсегда неразрывно: они затронули высшій интересъ народа, интересъ религиозный. Подъ владычествомъ польскимъ Малороссія подверглась гоненію за православіе: естественно и необходимо возникала мысль—присоединиться къ такому государству, гдѣ подобное гоненіе было бы невозможно: таково было православное же и единоплеменное государство московское. Но сказавъ *государство* московское, мы уже сказали необходимыя условія и слѣдствія присоединенія: Малороссія присоединялась къ московскому государству для сохраненія своего высшаго интереса, религиознаго; московское государство могло принять Малороссію только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ это соединеніе не причиняло никакого ущерба его интересу государственному, а интересъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобъ московскій государь государствовалъ во всѣхъ частяхъ своего владѣнія, точно такъ же, какъ государствовалъ въ Москвѣ. Если великій-князь Иванъ Васильевичъ не могъ согласиться быть только господиномъ, а не государемъ въ Новгородѣ, то царь Алексѣй Михайловичъ не могъ согласиться быть только господиномъ, а не государемъ въ Кіевѣ и Чигиринѣ. Нельзя было допустить существованіе гетмана, повелителя нѣсколькихъ десятковъ тысячъ закаленного въ бояхъ войска, которое недовольствовалось защитой границъ государства, но, увлекаемое безпокойною дѣятельностію и жаждою добычи, своевольно нападало на сосѣднія владѣнія и вовлекало государство въ опасныя войны съ ними. Московское государство хорошо знало казаковъ, едва могло справиться съ своими казаками, которые, потерявъ возможность грабить внутри государства, бросались своевольно на турецкія владѣнія, затягивая царя во вражду съ султаномъ, и потому московское государство не могло допустить существованія Малороссіи съ условіями ея прежняго быта. Москва доставляла Малороссіи охрану ея высшаго интереса религиознаго, Малороссія должна была приравняться къ Москвѣ, чтобъ не повредить государственному интересу всей Россіи.

Мы видѣли, что еще въ 1625 году кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій отправлялъ въ Москву, къ царю Михаилу посла съ просьбою о принятіи Малороссіи въ свое покровительство. Но ни Михаилъ, ни сынъ его, Алексѣй, которому Хмѣльницкій возобновилъ предложеніе Іова, не хотѣли вдругъ рѣшиться на такое важное дѣло: во-первыхъ, для этого нужно было вступить въ кровопролитную, отчаянную войну съ Польшею, потому-что послѣдняя не могла легко выпустить изъ

рукъ Малороссіи; съ другой стороны, московское правительство по печальному опыту хорошо знало казаковъ и недоувѣряло имъ. 19-го февраля 1651 года царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ соборъ, и предложилъ ему на разсмотрѣніе поступки порубежныхъ польскихъ воеводъ, которые, несмотря на жалобы русскихъ пословъ, продолжаютъ писать царскій титулъ не такъ, какъ слѣдуетъ; частыя сношенія короля съ Крымцами; наконецъ просьбы гетмана Богдана Хмѣльницкаго о принятіи его въ подданство; послѣднее обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что, въ-случаѣ отказа, Хмѣльницкій поддастся султану. Потребовано мнѣніе:—Если король и Рѣчь Посполитая будутъ и впередъ откладывать удовлетвореніе русскому правительству отъ сейма до сейма, то что дѣлать? Патриархъ Іосифъ съ духовенствомъ отвѣчали, что если король не исправится и виновныхъ не накажетъ, то церковь можетъ подать разрѣшеніе государю на принятіе въ подданство малороссійскаго гетмана; а если король во всемъ исправится, то дѣло о запорожскомъ гетманѣ отдають они на волю государя, какъ ему Богъ извѣститъ (217). Уже готовился къ отъѣзду въ Польшу нарочный, для истребованія рѣшительнаго удовлетворенія, какъ прибылъ польскій го-нецъ съ извѣстіемъ объ отправленіи полномочныхъ пословъ, а вслѣдъ за нимъ и сами послы, которымъ поручено было стараться вооружить московское правительство противъ Хмѣльницкаго, какъ союзника Крымцевъ. Бояре отвѣчали посламъ, что если король, при посредничествѣ царя, примирится съ казаками и отдѣлитъ ихъ отъ Крымцевъ, тогда заключенъ будетъ союзъ противъ послѣднихъ.

Благоразумная медленность московскаго правительства сердила вспыльчиваго Хмѣльницкаго. «Я посылаю отъ всего сердца, а они смѣются надо мною говорилъ Хмѣльницкій (218)». Но въ Москвѣ не смѣялись надъ Хмѣльницкимъ, а боялись только смѣшной поспѣшности и выискивали всѣ возможные средства мирнымъ образомъ уладить дѣла. 22-го марта 1652 года (219) государь приказалъ дьякамъ своимъ, Волошенинову и Немирову, поговорить съ гетманскимъ посланцемъ Искрою, по любви, потому-что они единой вѣры христіанской; дьяки начали говорить Искрѣ: «Гетманъ въ письмѣ своемъ проситъ, чтобъ его царское величество держалъ запорожское войско въ своемъ милостивомъ жалованьи; великій государь для православной вѣры держитъ къ казакамъ свое государское жалованье большое; а король и сенаторы, и вся Рѣчь Посполитая на своей правдѣ мало стоятъ, и если они не исполняютъ своихъ договоровъ съ гетманомъ, то запорожское войско не пойдетъ ли къ хану въ Крымъ, потому-что у гетмана съ крымскимъ ханомъ дружба большая?» Искра отвѣчалъ, что въ-случаѣ большаго притѣсненія отъ Поляковъ гетману, кромѣ царя, нѣкуда дѣться, и въ такомъ случаѣ царь пожаловалъ бы, при-

(217) Б.-Каменскій, I, стр. 250, 251.

(218) Тамъ же, примѣч. 286.

(219) Собр. гос. гр. и дог., т. I II, № 148.

нять казаковъ въ свою сторону съ порубежными ихъ городами, которые близко къ путивльскому рубежу; что же касается до хана, то Запорожцы въ союзъ съ нимъ по-неволю, и союзъ этотъ дорого имъ стоить, потому-что Крымцы пустошатъ Малороссію; вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и потому казаки къ крымскому не пойдутъ, а опричь государскія милости дѣться имъ негдѣ.» Дьяки отвѣчали: «Будетъ имъ отъ Поляковъ, учнетъ быти какое угѣсненье, и гетманъ бы и Черкасы шли въ царскаго величества сторону; а у царскаго величества въ московскомъ государствѣ земли великія и пространныя и изобильныя, поселиться имъ есть гдѣ, а податно имъ поселиться по рѣкамъ по Дону, по Медвѣдицѣ и прочимъ угожимъ и пространнымъ мѣстамъ. А только имъ быти царскаго величества въ порубежныхъ городахъ, ино всегда будетъ у нихъ съ литовскими людьми ссора, а что подалъ отъ нихъ, и то лучше безъ всякаго будетъ задора. А перейти имъ въ царскаго величества сторону по тому вѣрному докончанью мочно, что отдачи на обѣ стороны не бываетъ, кто въ которую сторону перейдетъ, тутъ и живетъ безъ выдачи; а къ крымскому хану идти имъ не пригоже, потому-что они бусурманы, и вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя и никакого добра отъ нихъ, опричь раззоренья, не чаять.» Изъ этихъ словъ всего яснѣе видно затруднительное положеніе московскаго правительства. Но мирнымъ путемъ нельзя было ничего сдѣлать съ Польшею, и потому царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился, наконецъ, исполнить гетманскую просьбу.

Въ сентябрѣ 1653 года отправились къ Богдану изъ Москвы стольникъ Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Бредихинъ (220) объявить ему, что царь принимаетъ Малороссію подъ свою высокую руку, а 1-го октября созванъ по этому случаю соборъ (221), на которомъ царь Алексѣй приказалъ объявить неправды литовскаго короля и присылки гетмана Богдана Хмѣльницкаго съ челобитьемъ о принятіи въ подданство. Секретари королевскіе и воеводы порубежныхъ городовъ пишутъ царскій титулъ не по вѣчному докончанью, со многимъ премѣненьемъ; а иные злодѣи во многихъ листахъ писали съ великимъ безчестьемъ и съ укоризною. Въ слѣдствіе такихъ поступковъ, отправляемы были къ королю великіе послы и посланники, говорить о Государевой чести и просить наказанія оскорбителямъ ея; король Владиславъ обѣщалъ, что подобныя поступки не повторятся, но обѣщаніе не было исполнено. Мало того—появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про царя Михаила, отца его, патриарха Филарета, и про самого царя Алексѣя напечатаны укоризны и хулы, равно про московскихъ бояръ и всякихъ чиновъ людей. Государь послалъ боярина Пушкина просить у короля, смертной казни виновнымъ; паны радные обѣщали исполнить просьбу. Въ другой разъ отправленъ посланникомъ Афанасій Прончищевъ и дьякъ Алмазь Ивановъ, требовать исполненія обѣ-

(220) Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 156.

(221) Тамъ же, № 157.

щанія; Янъ Казимиръ въ отвѣтъ отправилъ своихъ посланниковъ въ Москву съ сеймовымъ декретомъ на обвиненныхъ; но этотъ декретъ составленъ былъ не согласно съ желаніемъ московскаго двора: многіе виновные оправданы, нѣкоторые хотя и обвинены, но, прибавлено, что неизвѣстно, живы ли они или померли (222). Царь снова отправилъ великихъ и полномочныхъ пословъ, князя Рѣпинна-Оболенскаго съ товарищами, которые должны были требовать, чтобъ король велѣлъ учинить пристойное исправленіе; паны радные отвѣчали, что все это требованія пустыя, что они составили декретъ противъ виновныхъ и впредь будутъ судить оскорбителей царской чести; больше Оболенскій не могъ ничего добиться. Кромѣ этого несправленія, царь обвинялъ Яна Казимира въ ссылкѣ съ крымскимъ ханомъ во вредъ московскому государству, въ пропущеніи крымскаго посла чрезъ свои владѣнія въ Швецію; упоминалъ о задорахъ въ порубежныхъ мѣстахъ. Наконецъ царь объявилъ, что въ прошлыхъ годахъ гетманъ Хмѣльницкій и все войско запорожское много разъ присылали пословъ, жалуясь на гоненія за вѣру, и прося Царское Величество принять ихъ подъ свою высокую руку; въ 1652 году гетманъ присылалъ дважды съ объявленіемъ, что Поляки договоры своихъ съ нимъ не держатъ, въ слѣдствіе чего молятъ царя принять запорожское войско подъ свою высокую руку; если же государь не пожалуетъ, въ подданство не приметъ, то, по-крайней-мѣрѣ вступился бы за нихъ, помирилъ съ Польшою. Въ слѣдствіе этой просьбы, царь велѣлъ Оболенскому ходатайствовать у короля за Малороссію. Оболенскій требовалъ, чтобъ польское правительство исполняло статьи зборовскаго договора, и возвратило православнымъ церкви ихъ, и если Янъ Казимиръ исполнитъ это, то царь обѣщался прекратить дѣло на-счетъ виновныхъ въ оскорбленіи его Величества. Это требованіе король и паны поставили ни во что, тогда-какъ Янъ Казимиръ при избраніи своемъ далъ клятву, не тѣснить диссидентовъ, и, въ-случаѣ нарушенія клятвы, освобождалъ подданныхъ отъ присяги. Теперь же Богданъ Хмѣльницкій прислалъ опять посланца своего, Лаврина Капусту, съ объявленіемъ «что король съ войсками на Украину идетъ, и казаки, не хотя монастырей и церковей Божіихъ и христіанъ на мучительство выдать, бьютъ челоми, чтобъ государь войска свои векорѣ послать къ нимъ велѣлъ, да чтобъ государь велѣлъ прислать въ Кіевъ и въ иные города своихъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей, хоть съ 3,000 человекъ, и то для тѣхъ же государевыхъ воеводъ, а у гетмана-де людей много; да къ нему же хотѣлъ быть крымскій ханъ съ ордою, а иные Татары уже и пришли и стоятъ подъ Бѣлою-Церковію; да къ гетману жь присылалъ турецкій салтанъ въ обозъ въ Борки посланца своего, зовучи его къ себѣ въ подданство, и гетманъ ему въ томъ отказалъ, а надеется на государеву милость, а буде государь его не пожалуетъ, принять не велитъ, и онъ въ томъ учнетъ свидѣтельствоваться Бо-

гомъ, что онъ о томъ у него государя милости просилъ много, а онъ, государь, его не пожаловалъ; а съ королемъ у нихъ мира отнюдь не будетъ, а учнутъ противъ него стоять.» Выслушавъ, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексѣя стоять, и противъ польскаго короля войну вести, а терпѣть больше того нельзя; а гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское съ городами ихъ и съ землями чтобъ государь изволилъ принять подъ свою высокую руку, для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей. Да и потому доведется ихъ принять: въ присягѣ Яна Казимира короля написано, что ему никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то не попускати; а буде онъ той своей присяги не сдержитъ, и онъ подданныхъ своихъ отъ всякія вѣрности и послушанья чинить свободными: и онъ, Янъ Казимиръ, той своей присяги не сдержалъ, и чтобъ ихъ не отпустить въ подданство турскому салтану или крымскому хану, потому-что они стали нынѣ присягой королевскою вольные люди, и потому по всему приговорили гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское съ городами и съ землями принять.» Последняя статья очень важна: московское правительство хочеть основаться преимущественно на несоблюденіи присяги Яномъ Казимиромъ, въ-слѣдствіе чего Малороссіяне имѣютъ полное право поступить въ подданство московскаго государства.

Стрѣшневъ и Бредихинъ, посланные сказать гетману, что царь исполнилъ его желаніе, не нашли Богдана въ Чигиринѣ: онъ былъ въ походѣ противъ войскъ королевскихъ. Послы требовали, чтобъ имъ позволено было ѣхать въ станъ гетманскій; Хмѣльницкій сперва отвѣчалъ, что имъ въ обозъ къ нему пріѣхать никакъ нельзя, по причинѣ Татаръ; но потомъ прислалъ звать ихъ къ себѣ. Стрѣшневъ и Бредихинъ доѣхали до Умани, откуда опять поворотили назадъ, потому-что походъ кончился, и Хмѣльницкій самъ спѣшилъ въ Чигиринъ (223). Послы объявили гетману государево желаніе, что царь велѣлъ принять казаковъ съ городами и землями подъ свою высокую руку. 28 декабря 1653 года Хмѣльницкій писалъ царю (224) благодарственную грамоту, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ до лица земли низко челомъ билъ: «Ради твоему пресвѣтлому Царскому Величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать, и по повелѣнію твоего Царскаго Величества повиноваться готовы будемъ, понеже мы ни на кого, токмо на Бога и на твое пресвѣлое Царское Величество надѣемся.»

Здѣсь мы остановимся нѣсколько, и бросимъ взглядъ на знаменитое сочиненіе Конискаго. Мы видѣли, что по зборовскому договору хотя казакамъ уступлены были большія права, однако, Малороссія осталась по-прежнему въ подданствѣ польскомъ, войско запорожское называлось по-прежнему войскомъ его величества короля. Конискій пишетъ, что послѣ зборовскаго мира, въ маѣ 1650 года, прибыли къ

(253) Собр. гос. гр. и дог. III, № 165.

(264) Тамъ же, № 159.

гетману Хмѣльницкому въ Чигиринѣ иностранные посланники съ поздравленіемъ отъ своихъ государей въ гетманскомъ достоинствѣ, увеличенномъ знатными воинскими приобрѣтеніями и зборовскимъ трактатомъ и ни отъ кого, кромѣ самихъ себя независимымъ. Эти послы были отъ султана турецкаго, отъ царя московскаго и отъ короля польскаго; они предлагали: «каждый отъ своихъ государей и народовъ дружбу свою и союзъ къ нему, гетману и народу русскому, а для вѣчнаго ихъ удержанія, соглашались гетмана съ народомъ къ себѣ въ протекцію на такихъ положеніяхъ, каковы общими договорами установлены будутъ, при чемъ первымъ пунктомъ положится утвержденіе гетманства наследственнаго въ потомствѣ и фамиліи его, Хмѣльницкаго». Можетъ ли быть, чтобы московскіе послы предлагали протекціи и союзъ, когда царь ни какъ не хотѣлъ разорвать мира съ Польшею, и въ случаѣ нестерпимыхъ насилій предлагалъ казакамъ выселиться на Донъ, а не оставаться въ сосѣдствѣ съ Поляками, чтобъ не было задору? Любопытно также, что и польскіе послы предлагали протекціи и союзъ Хмѣльницкому, который поклялся въ вѣрности королю Яну Казимиру! Гетманъ, по словамъ Конискаго, отвѣчалъ посламъ, что онъ готовъ держать союзъ и дружбу со всѣми народами, а избраніе протекціи зависитъ отъ всѣхъ казаковъ. Для этого выбора протекціи онъ созвалъ депутатовъ, «которые польскую протекцію единогласно отвергли; а о прочихъ разбились на мнѣнія, но ни къ одному не согласились. Старшіе, вмѣстѣ съ гетманомъ, соглашались на протекцію московскую, яко къ народу единовѣрному и единоплеменному; но молодые весьма имъ противились». Здѣсь Конискій приводитъ рѣчи противниковъ Москвы, которыя носятъ явные слѣды позднѣйшаго составленія; такъ на-примѣръ, казаки указываютъ на множество раскольниковыхъ толковъ въ Сѣверной-Руси, но это множество толковъ появилось гораздо послѣ, въ слѣдствіе исправленія церковныхъ книгъ. Далѣе у Конискаго встрѣчаемъ подробное описаніе третьей войны Хмѣльницкаго съ Поляками, при чемъ вездѣ первый беретъ верхъ, наноситъ страшное пораженіе королю при Жванцѣ, послѣ чего Янъ Казимиръ подтверждаетъ зборовскій трактатъ во всей его полнотѣ. Оставя иностранныя свидѣтельства, которыя могутъ быть болѣе или менѣе пристрастны, обратимся къ малороссійскому же источнику, именно къ Лѣтописи Самовидца, которая говоритъ совершенно иное, чѣмъ Конискій, и согласно со всѣми обстоятельствами: послѣ пораженія гетмана Конецпольскаго при Батогѣ, Хмѣльницкій, вмѣстѣ съ ханомъ, пошелъ противъ короля, котораго настигъ подъ Каменцомъ-Подольскимъ. Здѣсь Янъ Казимиръ началъ склонять хана къ миру, на что тотъ и согласился. Хмѣльницкій, оставленный своимъ союзникомъ, принужденъ былъ отступить, и возвратился въ Украину, гдѣ и поддался царю. Мы видѣли изъ актовъ несомнѣнныхъ, что Хмѣльницкій еще прежде выступленія своего изъ Чигирина противъ короля, билъ челомъ царю о принятіи въ подданство, на что царь согласился и отправилъ Стрѣшнева съ положительнымъ отвѣтомъ. У Конискаго Богданъ возвращается въ Чигиринъ,

принимаетъ турецкаго и польскаго пословъ, которые требуютъ у него, чтобъ онъ шелъ вмѣстѣ съ Турками и Поляками на московское государство; гетманъ спрашиваетъ у нихъ отсрочки на 10 мѣсяцевъ, и тотчасъ отправляетъ къ царю секретное посольство съ письмомъ, въ которомъ уведомляетъ объ угрожающей опасности, и для отвращенія ея совѣтуетъ начать съ Польшею войну, въ которой онъ, гетманъ, будетъ помогать московскимъ войскамъ. О подданствѣ ни слова. Вмѣсто этой грамоты мы видѣли, что Богданъ прислалъ, по возвращеніи своемъ въ Чигиринъ, благодарственную грамоту царю за исполненіе его просьбы, т. е. за принятіе въ подданство. Но этого мало: къ отвѣту на письмо гетмана царь посылаетъ боярина Василія Васильевича Бутурлина съ письмомъ къ Богдану слѣдующаго содержанія: «Высокомочному и славному, малороссійскому и казацкому гетману, Зиновію Михайловичу Хмѣльницкому наше царское и почтительное слово. Извѣстиемъ вашимъ о враждебныхъ помыслахъ сосѣднихъ державъ и добрыми противъ нихъ совѣтами мы очень-довольны и благодарны вамъ, предостойный гетманъ, а войска наши давно стоятъ на границахъ своихъ въ добромъ порядкѣ и благонадежности; а выступить имъ за границу безъ добраго пріятели и надежнаго помощника—сумнительно. А когда бы ты, гетманушка, изволимъ съ ними соединиться, то бы всё сумнительства на сторону, и мы поручили бъ вамъ всю свою армію, такъ-какъ человѣку умному и воину славному, и проч.» Перваго октября царь объявилъ на соборѣ, что Хмѣльницкій бьетъ челомъ о принятіи въ подданство; на соборѣ положено исполнить челобитье; Стрѣшневъ и Бредихинъ были отправлены сказать гетману, что царь согласился на его просьбу, принялъ его подъ свою высокую руку, а теперь съ Бутурлинымъ, который поѣхалъ уже для принятія присяги, царь пишетъ: «А когда бы ты, гетманушка, изволилъ съ нами соединиться!» Для сравненія приведемъ настоящую грамоту царя къ Хмѣльницкому, изъ московскаго архива; она начинается такъ: «Божіею милостію, отъ Великаго Государя и проч. Богдану Хмѣльницкому, гетману войска запорожскаго, и всему войску запорожскому наше, Царскаго Величества, милостивое слово.» Вотъ какъ только могъ писать царь къ гетману: милостивое слово, а не почтительное, потому-что *почтительное* слово царь не могъ написать не только къ запорожскому гетману, но ни къ одному изъ государей міра; подобное выраженіе могъ бы употребить только тотъ, кто захотѣлъ бы поддѣлать письмо князя Александра Тверскаго къ хану Узбеку. Конискій продолжаетъ рассказъ въ томъ же тонѣ; говоритъ, что по прибытіи въ Чигиринъ царскихъ пословъ, гетманъ созвалъ чиновниковъ и знатнѣйшихъ казаковъ, и объявилъ имъ, что царь приглашаетъ ихъ къ соединенію; молодые чиновники и казаки объявили сперва свое согласіе на соединеніе съ Турками, при чемъ авторъ Исторіи Руссовъ не усомнился приписать казакамъ XVII вѣка понятія XVIII. Несмотря однако на прекрасныя рѣчи въ пользу Турковъ, гетману удалось склонить всѣхъ на сторону Москвы, послѣ чего Хмѣльницкій поручилъ судѣ, Самуилу Богдановичу и полковнику переслав-

скому Павлу Тетерѣ написать договорныя статьи съ царемъ московскимъ, и представить ихъ на разсмотрѣніе его и всего совѣта малороссійскаго. Онѣ написаны, и по апробаціи гетмана съ совѣтомъ, объявлены посламя московскимъ, которые, согласясь на все, въ нихъ уложенное, подтвердили присягою своею отъ лица царя и царства московскаго о вѣчномъ и ненарушимомъ храненіи условленныхъ договоровъ. А за сими требовали они взаимной присяги отъ чиновъ и народа малороссійскаго въ равномѣрномъ соблюденіи тѣхъ договоровъ. Статьи договорныя подписаны гетманомъ и чинами января 6 дня 1654 года, и присяга тогда же ими учинена; а прочимъ чинамъ и войску назначены сборныя мѣстомъ городъ Переяславль, гдѣ они также присягали въ присутствіи пословъ и получали отъ нихъ подарки царскіе.»

Теперь обратимся къ актамъ несомнѣннымъ. Въ статейномъ спискѣ Бутурлина читаемъ, что 6 января гетманъ пріѣхалъ въ Переяславль за часъ до вечера, а писарь Виговскій, полковники и сотники съѣхались на другой день 7 января; въ Переяславлѣ дождался гетмана царскій бояринъ Василій Васильевичъ Бутурлинъ, присланный для принятія присяги. 7 января вечеромъ пріѣхалъ къ боярину, гетманъ, писарь и переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря. Бояринъ сказалъ Богдану, что присланы они отъ Великаго Государя съ его государевымъ милостивымъ полнымъ указомъ, по его, гетманову челобитію и всего войска запорожскаго, и чтобъ завтра, января въ 8 день, ему, гетману, государеву грамоту подать, и государевъ милостивый указъ сказать на сѣзжемъ дворѣ, и тогожь дня идти въ церковь и учинить ему, гетману, и полковникамъ, и инымъ начальникамъ, и всякимъ людямъ вѣру, какъ имъ быти подъ государевой высокою рукою. И гетманъ говорилъ, что Великому Государю они служити и примити во всемъ душами своими ради, и вѣру ему учинити и во всемъ по государевой волѣ быти готовы. И тогожь числа отъ гетмана приходилъ писарь Виговскій и сказывалъ боярину, Василью Васильевичу съ товарищами: «была-де у гетмана тайная рада съ полковники, и съ судьями, и съ войсковыми ясаулы—и полковники-де и судьи, и ясаулы подъ государеву высокую руку поклонилися». Января 8, во второмъ часу дня, началъ бить барабанъ и билъ цѣлый часъ для созванія народа; вышелъ гетманъ подъ бунчукомъ, съ нимъ судья и ясаулы, писарь и всѣ полковники; и сталъ гетманъ посреди круга, и ясауль войсковой велѣлъ всѣмъ молчать; потомъ какъ всѣ умолкли, началъ гетманъ рѣчь ко всему народу: говорилъ онъ, «что уже шесть лѣтъ живемъ безъ пана въ нашей землѣ, въ безпрестанной войнѣ, съ гонителями и врагами, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы и имя русское не помянулось въ землѣ нашей, что ужъ сильно всѣмъ намъ наскучило, и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя; для этого собрана теперь явная рада, чтобъ выбрать себѣ пана изъ четырехъ, кого угодно: первый царь есть турскій, который многожды черезъ пановъ своихъ призывалъ насъ подъ свою область; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который, буде сами похочемъ, и те-

перъ насъ въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великій Россіи Царь Восточный, котораго мы уже *шесть мѣтъ* безпрестанными молениями нашими себѣ за царя и пана просимъ. Тутъ котораго хотите, избирайте: царь турскій есть бусурманъ, всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братія наши, православные христіане, Греки, бѣду терпятъ и въ какомъ суть отъ безбожныхъ утѣсненій. Крымскій ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ и въ дружбу принявши, каковыя нестерпимыя бѣды приняли, какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови христіанской! Отъ польскихъ пановъ утѣсненія никому вамъ сказывать не надобно, сами вы видите, что лучше жида и пса, нежели христіанина брата нашего почитали, а православный христіанскій великій Царь Восточный есть съ нами единого благочестія, греческаго закона единого исповѣданія, едино есми тѣло Церкви съ православіемъ Великія Россіи, главу имуще Иисуса Христа. Той же великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православныя церкви въ нашей Малой-Россіи, шестилѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислати изволилъ, котораго если со усердіемъ возлюбимъ, кромѣ его высокія царскія руки благодѣйшаго пристанища не обрящемъ; а буде кто съ нами не совѣтуетъ теперь, куды хочеть, вольная дорога.» Къ симъ словамъ весь народъ возопилъ: «волимъ и подъ Царя Восточнаго православнаго крѣпкою рукою, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели ненавистнику Христову поганому достатись». Потомъ полковникъ перяславскій Тетеря, ходячи кругомъ въ майданѣ, на всѣ стороны спрашивалъ голосно: «Всі ли тако соизволяете?» Рекли весь народъ: «Всі единодушно». Потомъ гетманъ рекъ велимъ голосомъ: «Буди тако, да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ подъ его царскою крѣпкою рукою»; а народъ по немъ вси единогласно возопили: «Боже утверди, Боже укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были».

Послѣ этой рады, писарь Виговскій пришедши къ Бутурлину, говорилъ, что казаки и мѣщане всѣ подъ государеву высокую руку поклонились. Вслѣдъ за тѣмъ пришелъ къ боярину гетманъ со всею старшиною; Бутурлинъ отдалъ ему царскую грамоту. Богданъ, взявши грамоту, поцаловалъ и отдалъ писарю Виговскому для прочтенія всѣмъ вслухъ, послѣ чего гетманъ отвѣчалъ боярину, что онъ, со всѣмъ войскомъ, рады служить и прамить государю, за многолѣтнее здоровье его головы складывать и вѣру ему во всемъ по его волѣ учинить. Послѣ взаимныхъ вопросовъ — боярина о здоровьѣ гетмана и войска, «Гетмана о здоровьѣ царскомъ, Бутурлинъ объявлялъ, что «великій государь не хотя того слышать, чтобъ вамъ единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ въ конечномъ разореніи и церквамъ благочестивымъ въ заустѣннн и въ поруганіи отъ латиновъ быти, подъ свою высокую руку васъ, гетмана Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское съ городами и землями, *отъ королевскаго подданства, преступленіемъ присяги ей свободныхъ, принять велѣлъ, и помощь вамъ на кривоприсяжцовъ и на хотящихъ ра-*

зорити христіанскую вѣру своими государевыми ратными людьми чинити велѣлъ; и ты бы, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, и все войско запорожское, видя къ себѣ великаго государя нашего милость и жалованье, ему, государю, служили и всякаго добра хотѣли, и на его, царскаго Величества, милость были надежны; а великій государь учнетъ васъ держать въ своей милости, и отъ недруговъ вашихъ въ оборонѣ и защищеньи.» По выслушаніи этой рѣчи всѣ отправились въ церковь; тамъ духовенство уже хотѣло начать приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы, какъ гетманъ подошелъ къ Бутурлину и началъ говорить, чтобъ онъ, бояринъ, съ товарищами своими, далъ присягу за государя, «чтобъ ему, государю ихъ, гетмана и все войско запорожское польскому королю не выдавать, и за нихъ стоять и вольностей не нарушать и всему быть по-прежнему». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Въ московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ вѣру чинили ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу всѣмъ государствомъ они вѣру чинятъ на томъ, что имъ великому государю нашему служить, и радѣть, и прямиать, и всякаго добра хотѣть, а того, что за великаго государя вѣру учинити, николи не бывало и впредь не будетъ, и ему, гетману, и говорить было о томъ непристойно, потому-что всякій подданный повиненъ вѣру дать своему государю. И они бѣ, гетманъ и все войско запорожское, какъ начали великому государю служить и о чемъ били челомъ, такъ бы и совершили, и вѣру великому государю дали по евангельской заповѣди безъ всякаго сумнѣнія; а великій государь учнетъ ихъ держать въ своемъ государскомъ милостивомъ жалованьи и въ призрачьи, и отъ недруговъ ихъ въ оборонѣ и въ защищеньи, и вольностей у нихъ не отымаеть и маестностями ихъ, чѣмъ кто владѣеть, великій государь ихъ пожалуетъ, велитъ имъ владѣть по-прежнему.»

Мы видѣли, какъ московское правительство смотрѣло на присягу, повторяя постоянно, что оно принимаетъ Малороссіянь не клятвопреступниковъ, а свободныхъ, въ-слѣдствіе нарушенія присяги Яномъ Казимиромъ. Съ своей стороны теперь царь никакъ не хочетъ обязать присягою, потому-что эта присяга поставила бы его въ иныя отношенія къ Малороссіи, чѣмъ въ какихъ онъ находился къ московскому государству; потомъ эта присяга связывала бы его и его преемниковъ въ великомъ стремленіи къ объединенію всѣхъ областей государства, съ чѣмъ особыя права Малороссіи были несовмѣстны. Царь подтверждалъ на первый разъ вольности казаковъ, но давалъ это подтвержденіе какъ милость, не обязываясь ничѣмъ для будущаго, предоставляя себѣ право—при извѣстныхъ обстоятельствахъ и уничтожить эти вольности безъ всякаго клятвопреступленія. Хмѣльницкій отвѣчалъ Бутурлину, что онъ о томъ поговоритъ съ полковниками и со всѣми людьми. И вышедъ изъ церкви, пошелъ на дворъ къ переяславскому полковнику Павлу Тетерѣ, и говорилъ о томъ съ полковниками и со всѣми людьми многое время, а они (т. е. московскіе послы) стояли въ церкви; а изъ двора приславъ въ церковь къ нимъ полковниковъ: пе-

реяславскаго Павла Тетерю, да миргородскаго Григорія Сахновича, и пришедъ къ нимъ полковники говорили тѣ же рѣчи: «чтобъ имъ учинить вѣру за государя». Бутурлинъ опять отвѣчалъ: «То непристойное дѣло, что за государя имъ вѣру чинить; ни коли того не повелось, что за нихъ, государей, подданнымъ вѣру давать, а даютъ вѣру государю подданные.» Полковники возразили, что польскіе короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ. Бояринъ отвѣчалъ: «Польскіе короли подданнымъ своимъ чинятъ присягу; и того въ образецъ ставить непристойно, потому-что тѣ короли невѣрные и не самодержавцы, а на чемъ и присягаютъ, и на томъ николи въ правдѣ своей не стоятъ; а у прежнихъ великихъ государей, также и у великаго государя царя Алексѣя Михайловича того николи не бывало, что за нихъ, великихъ государей, давать вѣра. А присланы они съ государскимъ милостивымъ словомъ; и какъ государево милостивое слово бояринъ Василій Васильевичъ съ товарищи на съѣземъ дворѣ гетману и имъ сказали, и они государской милости обрадовався, пошли въ церковь и такихъ непристойныхъ рѣчей не говорили, да и тепере было гетману и имъ, полковникамъ, говорить о томъ непристойно, потому-что государево слово премѣнно не бываетъ.» Полковники отвѣчали:—«Гетманъ, я и мы въ томъ вѣримъ, только-де казаки не вѣрятъ, и хотятъ того, чтобъ они имъ дали вѣру.»—Бояринъ отвѣчалъ: «Великій государь для православныя христіанскія вѣры и святыхъ Божіихъ церквей изволилъ ихъ принять подъ свою высокую руку по ихъ челобитью, и имъ бы его государскую милость надобно помнить, и великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть, и чтобъ все войско запорожское къ вѣрѣ привести; а которые будетъ незнающіе люди такія непристойныя рѣчи, которыя къ такому великому дѣлу непристойны, и говорятъ, и имъ было надобно великому государю службу свою показать, и такихъ незнающихъ людей отъ такихъ словъ унимать.» Полковники съ тѣмъ и пошли отъ пословъ къ гетману. Послѣдній явился наконецъ со всею старшиною и объявилъ Бутурлину, «что они во всемъ покладываются на государеву милость, и вѣру, по евангельской заповѣди, великому государю вселушно учинить готовы, и за государское многолѣтнее здоровье головы складывать рады; а о своихъ дѣлахъ учнутъ они бить челомъ великому государю (225)».

Присяга была принесена казаками безусловно. Царь былъ очень доволенъ поведеніемъ Бутурлина и товарищей его; онъ прислалъ имъ похвальную грамоту (226), велѣлъ стольнику Головину ѣхать къ нимъ навстрѣчу до Калуги и сказать имъ государское милостивое слово, въ которомъ, между прочимъ, упоминаетъ: «А что было гетманъ и полковники говорили вамъ, чтобъ за насъ великаго государя, учинить вѣру и вамъ на томъ, что намъ, великому государю, за нихъ стоять и вольностей ихъ не нарушать, и вы, служа намъ, великому государю, то у

(225) Собр. гос. гр. и договоровъ, т. III. № 160.

(226) Тамъ же, № 164.

нихъ отговорили и все учинили по нашему указу (227).» Изъ послѣднихъ словъ видно, что Бутурлинъ имѣлъ наказъ не присягать. Такъ подчинилась Малороссія царю Алексѣю Михайловичу.

ПРИМѢЧАНІЕ. Когда статья наша была уже окончена и отослана въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», мы получили *Лѣтопись Собѣтій въ Юго-Западной-Россіи Самоила Величко*, сочиненіе весьма-важное для нашего предмета, потому-что составитель лѣтописи, какъ самъ говоритъ, пользовался дневникомъ Самоила Зорки, бывшаго писаремъ при Хмѣльницкомъ, во все время войнъ послѣдняго съ Поляками. Здѣсь мы нашли подтвержденіе нашихъ выводовъ, имѣвшихъ цѣлю показать ложность извѣстій, находящихся въ Исторіи Руссовъ Конискаго. Такъ мы опровергли показаніе Конискаго о взятіи Хмѣльницкимъ крѣпости Койдака при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій.—Величко, или Зорка, подтверждаетъ наше мнѣніе. Мы опровергли показаніе Конискаго о небывалой битвѣ подъ Каменцомъ: Величко также объ ней ничего не знаетъ. Мы предпочли тотъ списокъ универсала Хмѣльницкаго, гдѣ вмѣсто Каменца поставленъ Корсунъ: въ списокѣ Величко находимъ принятое нами чтеніе. Мы отвергли извѣстія Конискаго о третьей войнѣ Хмѣльницкаго съ Поляками, о пораженіи, которое будто гетманъ нанесъ королю подъ Жванцомъ: по показаніямъ Величко подъ Жванцомъ или Каменцомъ не было никакой битвы. Не нужно говорить уже о томъ, что Величко не нашелъ въ бумагахъ Зорки никакихъ писемъ отъ царя Алексѣя Михайловича къ гетманушкѣ и т. п. Мы поставили цѣлю статей своихъ внести сколько-нибудь критическій взглядъ въ Исторію Малороссіи, при чемъ первымъ дѣломъ было показать ложность извѣстій Конискаго, такъ долго пользовавшагося незаслуженнымъ авторитетомъ: Лѣтопись Велички дала намъ надежду, что мы хотя сколько-нибудь достигли своей цѣли.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

18 января 1849 года.

